Вас. Ив. Немировичъ-Данченко

Соловки

Воспоминанія и разсказы изъ поѣздки съ богомольцами.

С.-Петербургъ
Изданіе П. П. Сойкина
Книжный Складъ Стремянная, 12 | Книжный Магазинъ Невскій, 96

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 12 ІЮНЯ 1904 Г.

ТИПОГРАФІЯ П. П. СОЙКИНА. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, СТРЕМЯННАЯ, 12.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Соловецкое подворье.

Наступалъ іюль мѣсяцъ. Море въ этотъ періодъ было особенно тихо и покойно. Намъ пророчили самую благополучную поѣздку въ Соловки. Судя по разсказамъ, въ іюлѣ не бываетъ ни качекъ, ни бурь. Бѣлое море гладко, какъ зеркало. Правду говоря, мы сами рвались изъ Архангельска, потому что скучнѣе этого города трудно себѣ представить что-нибудь. Отсутствіе общихъ интересовъ весьма печально отзывается во всемъ. Мы приглядѣлись здѣсь ко всему. Капризная погода, переходившая отъ лѣтняго зноя къ осеннему холоду, бѣлесоватыя, безъ тьмы и безъ свѣта, ночи, сѣверный вѣтеръ, дувшій по три недѣли заразъ безъ устали, столь же продолжительные дожди—все это надоѣло намъ до крайности.

— Покупайте себѣ шубы!

— Какъ шубы? Въ іюлѣ-то мѣсяцѣ?

— Ладно. Что съ того? У насъ все не какъ у людей. Шарфами запаситесь!

— Это для чего же?

— Ночью на морѣ страшные холода стоятъ. Невыносимо. Вѣдь не захотите же въ каютѣ постоянно сидѣть?

— Еще бы. Однако, шубъ не купимъ.

Провизіи возьмите съ собой до Соловокъ!

— Да развѣ тамъ купить нечего?

— Разумѣется. Хотите—идите ѣсть на трапезу, только предупреждаю, что монастырская пища—тяжела до крайности. Нужны для нея привычные желудки!

*

Пошли мы закупать провизію и подивились. Дороговизна ужаснѣйшая. Дешева оказалась только рыба.

— Совѣтую прихватить лимоновъ и прочаго. На случай качки.

— Да вѣдь вы же говорите, что качки не бываетъ здѣсь въ іюлѣ.

— Такъ-то такъ—да неровенъ часъ!

Короче, мы сдѣлали запасовъ на цѣлый мѣсяцъ.

Прежде посѣщенія монастыря, мы хотѣли ознакомиться съ его подворьями. Такихъ въ Архангельскѣ два; одно, большое, находится на набережной р. Двины, у самаго Гостиннаго двора. Оно выстроено въ два корпуса, двумя этажами на улицу и тремя во дворъ. Повсюду тутъ видѣнъ хозяйскій разсчетъ. Нижній этажъ занятъ лавками и кладовыми, которыхъ до 100. Въ нихъ сложены—грузы желѣза, керосина и пр. предметы. Каждая лавка сдается по найму на годъ отъ 50 и до 100 рублей. Въ концѣ зданія — въ томъ же нижнемъ этажѣ помѣщается и часовня Соловецкаго монастыря, весьма не представительная, но доставляющая обители кружечнаго сбору ежегодно болѣе 3,000 рублей. При нашемъ входѣ, передъ нами поднялся высокій, худощавый монахъ, на попеченіе котораго возложена исключительно часовня. Это истощенное, блѣдное, аскетическое лицо поразило насъ своимъ контрастомъ съ только что оставленнымъ шумнымъ потокомъ жизни людного рынка. Тамъ все говорило о настоящемъ днѣ, здѣсь все обнаруживало исканіе града грядущаго и отрицаніе града, здѣ пребывающаго. Отъ этихъ старинныхъ сумрачныхъ иконъ, отъ этой тяжелой сводчатой комнаты вѣяло невыносимою, тоскливою борьбою живой человѣческой души со всѣми ея земными радостями и привязанностями; лица образовъ сурово смотрѣли изъ-за золоченыхъ рамъ своихъ, и только кроткій, улыбающійся ликъ Богоматери, съ Божественнымъ Младенцемъ на рукахъ, навѣвалъ чудное спокойствіе на вѣрующее сердце. А во взглядѣ этого ребенка и теперь уже свѣтился тихій, ласковый, умиляющій призывъ: «пріидите сюда, вси труж-

дающіеся и обремененные, и Азъ упокою вы». Низко склонились всклоченныя головы крестьянъ-богомольцевъ. Гдѣ-то въ углу отъ сознанія яснаго счастья рыдала старуха, прошедшая тысяча верстъ, въ чаяніи помолиться надъ мощами Соловецкихъ угодниковъ. У самыхъ дверей часовни двѣ сгорбленныя нищенки протягивали къ намъ закорузлыя, тощія руки. И для этихъ нѣтъ—здѣ пребывающаго града, и эти вѣруютъ — въ Іерусалимъ грядущій!.. И отрадная вѣра спасетъ ихъ отъ отчаянія, отъ тяжелаго сознанія ужаса своего положенія.

О ты—горній, грядущій Іерусалимъ! Не одно изстрадавшее, облитое кровью сердце бьется великою вѣрою въ твое пришествіе. Не одинъ грустный взглядъ измученнаго устремляется въ синюю, бездонную высь, слѣдитъ за серебристо-бѣлыми ея облаками, словно испытуя, гдѣ сверкаютъ стѣны этого града, гдѣ сіяютъ купола его, гдѣ зыблются и шепчутъ, зеленѣютъ и цвѣтутъ благоуханные сады Эдема...

Намъ, кого жизнь придавила своею тяжелою пятою, намъ, оставляющимъ капли лучшей крови своей на каждомъ камнѣ мостовой, намъ, чье ложе было не разъ измочено слезами, чьи рыданія слышала равнодушная, темная ночь, намъ разбитымъ, намъ раздавленнымъ, намъ униженнымъ — ты ярко сіяешь въ лазурной высотѣ надписью, начертанною Божественнымъ Спасителемъ на вратахъ твоихъ:

«Пріидите сюда вси труждающіеся и обремененные, и Азъ упокою вы!»

Мы вошли во дворъ подворья. Весь второй этажъ четыреугольника занятъ квартирами, отдающимися въ наемъ отъ 200 р. въ годъ и выше. Какъ намъ говорили — это однѣ изъ лучшихъ квартиръ въ городѣ. Высокія, большія комнаты, свѣтлыя окна, чистые входы — хоть бы и въ столицу. На дворѣ разбрелись богомольцы самыхъ разнообразныхъ типовъ. Вотъ высокій, угловатый вятчанинъ-хлѣбопашецъ, вотъ примцмокивающій красивый шенкурецъ, тутъ цѣлая толпа пермяковъ, а тамъ олончане, слови

чему-то удивляющіеся, чего-то непонимающіе. Между ними сновали бабы, растерянныя, суетливыя.

А вотъ среди общаго движенія—равнодушный ко всему, съ трубочкой въ зубахъ, отставной ундеръ. Шинель его въ лохмотьяхъ, одна нога въ лаптѣ, другая въ какихъ-то опоркахъ, на головѣ вмѣсто шапки какая-то невообразимая кошка, но взглядитесь въ это спокойное лицо, и вы поймете, какъ мало смущаютъ его треволненія и бѣдствія его жизни. Была бы засыпка табаку, краюха хлѣба въ сумѣ,.— а тамъ хоть трава не расти. Двѣ, три медали болтаются на груди его, въ рукахъ костыль, а рядомъ съ нимъ ребятишко, маленькій, курносенькій, быстроглазый.

— Сынъ, что ли?—спросили мы его.

— Какое! Такъ... На дорогѣ его поймалъ—безъ роду, безъ племени.— И онъ погладилъ его шаршавую голову жесткою, крупною рукою...— При мнѣ и кормится...

Вотъ гдѣ-то запричитала баба. Толпа кидается къ ней.

— Что съ тобою, бабушка?

— Маточки... отцы родные... охъ, бѣда пришла... Что я подѣлаю, горегорькая сиротинушка...

— Да что тебѣ?

— На базарѣ должно быть платъ потеряла.

— Дорогой платъ-отъ, что-ли?

— Дорогой, кормилецъ, дорогой. Три свѣтлушечки дала за него. Шестьдесятъ копѣекъ... Охъ, голубчики!

— Ну, полно выть, — выдвигается одинъ вологжанинъ.—Что платъ отъ? Новый купишь и шабашъ!

— Да въ емъ, отецъ, въ платѣ-отъ деньги мои кровныя... Ахъ, родимые, пятьдесятъ цѣлковичковъ, да билетъ. Голубчики вы мои... Легше бы скрозь землю...

Толпа молчитъ. Лица бородатыхъ слушателей смущены... Каждому близко къ сердцу такое несчастіе.

— Свои деньги, что-ль?

— Два десятка своихъ, а остатошные посбирала на Соловецкихъ угодничковъ. Какъ они теперь... Соловецкіе угоднички? Не по-ми-лу-ютъ... Голубчики, отцы-ы ро-одные!..

— А ты не горюй, — вступается монахъ, — ты не горюй. Вѣра твоя спасетъ тебя... Усердія одново довольно!

— Да, какже я до угодничковъ доберусь то, кор ми-илецъ?

— На пароходѣ даромъ свеземъ.

— Родной ты мой... А билетъ-отъ?

— Какъ-нибудь... Не горюй... Поди въ часовню—помолись, какъ рукой сниметъ!

— Сниметъ?

— Сниметъ, какъ не снять, — загалдѣла толпа. — Ступай, матка, въ часовню... Сниметъ разомъ!

И старуха, плача, поплелась въ часовню.

Тутъ въ первый разъ мнѣ кинулось въ глаза различіе между монахами Троицко-Сергіевской лавры и Соловецкаго монастыря. Когда я ѣздилъ въ первую, меня въ подворьѣ встрѣтилъ монахъ въ рясѣ ліонскаго бархата, съ золотою часовою цѣпочкой на груди и кольцами на рукахъ. Тутъ же всѣ попадавшіеся на встрѣчу монахи носили толстаго чернаго сукна рясы и грубые крестьянскіе сапоги.

— Что у васъ, всѣ такъ одѣваются?— спросилъ я у перваго монаха.

— Какъ это то-есть?—недоумѣвалъ тотъ.

— Да такъ, лучше не носите одежды, какъ въ другихъ монастыряхъ?

— Нѣтъ, у насъ этого не положено. Потому намъ другой одежды не требуется. Мы вѣдь больше изъ крестьянъ. Въ прочихъ обителяхъ—можетъ, дворяне есть, ну, такъ тѣ пріобыкли. А намъ и то хорошо!..

Вотъ мимо проходятъ двѣ дѣвушки—богомолки. Глаза черные, темныя косы низко опускаются по спинѣ. Высокая соболья бровь оттѣняетъ загорѣлый, но красивый лобъ. Совершенно не сѣверный типъ!

— Откуда, молодка?

— А съ Пилтавской губерныи!

Такъ и есть—знойный, горячій югъ!..

Вотъ какой-то мѣщанинъ, какъ оказалось потомъ, яро-

славецъ, въ сѣромъ драповомъ халатѣ, тащитъ на плечахъ безногаго уродка. Тоже богомольцы. А тамъ за ними, словно фонъ картины, цѣлые десятки однообразныхъ сѣрыхъ армяковъ, въ перемежку съ синими сарафанами.

— Можно осмотрѣть, гдѣ помѣщаются богомольцы?

— А пожалуйте, вотъ по той лѣсенкѣ!

Мы поднялись — и вошли. Большія, выбѣленныя комнаты, съ нарами по серединѣ. Все чисто. Воздухъ свѣжъ, вентиляція устроена хорошо. Кучка богомольцевъ галдѣла о какихъ-то пошехонскихъ старушкахъ, дѣлающихъ чудеса на Ивановъ день. Въ углу слѣпой пѣлъ пѣсню объ Алексіѣ - Божіемъ человѣкѣ. Гнусливый, носовой напѣвъ смѣшивался съ густымъ храпомъ спавшаго на нарахъ судорабочаго. Въ другой комнатѣ—были женщины. Тутъ, какъ и слѣдовало ожидать, стоялъ гвалтъ неописанный. Двѣ, ветхія деньми старушонки съ утиными носами, рѣзко выдѣлявшимися на съежившихся въ кулачекъ личикахъ, перекорялись одна съ другою изъ-за какого-то калача. Старая бѣдняга-чиновница гордо сидѣла въ углу одна, не смѣшиваясь съ чернью. Побывавшая во всѣхъ городахъ и, разумѣется, во всѣхъ острогахъ, странница разсказывала о пупѣ земномъ, лично видѣнномъ ею въ Ерусалимъ-Голгофь-Гефсиманской, объ огнѣ, исходящемъ изъ внутренняго нутра Печорскихъ святителей, о стрѣлѣ, язвящей, но не пронзающей, о разныхъ пророческихъ явленіяхъ, о живомъ двуглавомъ орлѣ, находящемся, будто бы, въ золотой клѣткѣ, въ царскомъ дворцѣ въ Питерѣ; о стоглавъзміѣ, чуть было не пожравшемъ ее, потому что она, отправляясь въ Ерусалимъ-Голгофь-Гефсиманскую, помыслила о земномъ — о кофіѣ, тутъ-же откровенно признавалась она.

— Какъ же ты, матушка, — водой, чать, ѣхала въ святыя мѣста?

— Въ Ерусалимъ-Голгофь?

— Да.

— Все по сушѣ... Пѣшечкомъ все, на этихъ самыхъ ноженькахъ, родная!

— А моря не встрѣчала?

— Было, признаться, одно море, гдѣ фараонъ съ воинствомъ на колесницѣ—потопъ. Одначе, какъ мы подошли, такъ оно сейчасъ и отхлынуло. Мы по бѣлому, бѣлому песочку, съ золотыми и брулльянтовыми камнями, такъ и прошли. Какъ на бережокъ вышли—вода опять сошлась. Чудо!.. И сколько чудесъ этихъ—не перечтешь. И все—чудеса разныя. Въ одномъ мѣстѣ водой дѣвствуетъ, въ другой—огнемъ, а въ третьемъ—ароматомъ на тебя пущаетъ... Да, сподобилась я, грѣшная, за мое сиротство горькое, да за добродѣтель мою. Смиреніе—великое дѣло передъ Господомъ!

Мы вышли отсюда.

Нужно было справиться о цѣнѣ переѣзда въ Соловки, на пароходахъ этого монастыря.

Въ конторѣ подворья намъ дали билеты на каюты I класса.

Каюта перваго класса, на 4-хъ человѣкъ, стоитъ въ Соловки и обратно 12 р., второго класса 8 р., мѣсто въ общей каютѣ перваго класса (въ два конца за все) — 6 р., во второмъ — 4 р., третьеклассныя мѣста на палубѣ—3 руб.

У Соловецкаго монастыря есть два парохода—«Вѣра» и «Надежда».

Другое подворье помѣщается въ Соломбалѣ у пароходной пристани; это двухъ-этажное зданіе, съ отдѣльнымъ флигелемъ, гдѣ помѣщается часовня. Мы еще будемъ имѣть случай разсмотрѣть его. Третье подворье находится въ Сумскомъ Посадѣ, Кемскаго уѣзда. Было еще четвертое, въ г. Вологдѣ, но оно уже давно продано частному лицу.

Выходя изъ воротъ Соловецкаго подворья, мы случайно увидѣли подъ самой крышей, въ выходящихъ на дворъ стѣнахъ его, маленькія окошечки. Оказалось, что практичные монахи устроили тамъ маленькія комнатки, которыя и сдаются въ наемъ разнымъ чиновницамъ мелкаго ранга. Тутъ ютится благородная и высокоблагородная нищета. Тутъ гнѣздится бѣдный людъ, утѣшающій себя тѣмъ, что

умереть въ Соловецкомъ подворьѣ, все равно, что умереть въ самомъ монастырѣ. Значитъ, все поближе къ царствію небесному.

— Много-ль у васъ богомольцевъ скопляется одновременно?—спросилъ я, уже выйдя изъ подворья, у подвернувшагося мнѣ монаха.

— Человѣкъ по 900 бываетъ!

— И все крестьяне?

— Крестьяне!

— Изъ какихъ больше губерній?

— Вятской, Пермской, Олонецкой, Вологодской, Новгородской, да почти со всей Россіи идутъ сюда. Какъ начнется судоходство, народъ и валитъ. Теперь еще поотошло. Все же въ годъ тысячъ двадцать пять перебываетъ, до тридцати доходитъ... Вы тоже къ намъ?

— Да.

— Поѣзжайте; есть, гдѣ помѣститься. У насъ мѣста святыя! Аѳонъ Русскій—наши Соловки!

И такъ, въ Русскій Аѳонъ!

I.

Пароходъ «Вѣра».

Мы отправились изъ Архангельска въ Соловки лѣтомъ 1872 года на монастырскомъ пароходѣ «Вѣра». Солнце въ городѣ пекло немилосердно. Все обѣщало спокойное плаваніе. На небѣ ни облачка, флаги на мачтахъ судовъ неподвижно повисли. Двина была зеркальная. Ни малѣйшей ряби...

Толпа на пристани казалась все меньше и меньше, отдѣльныя лица сливались въ одну массу и, наконецъ, исчезли вовсе, когда пароходъ, слѣдуя теченію рѣки, круто повернулъ направо.

Насъ въ каютѣ собралось немного: какая-то старая дѣва съ подвязанною щекою и маленькими, бойко бѣгавшими глазками. Толстый вятскій купецъ бесѣдовалъ въ углу о душеспасеніи, о приближеніи грядущаго града съ «батюшкой» — красивымъ старикомъ, отличавшимся тѣмъ хитро-добродушнымъ выраженіемъ лица, которое составляетъ едва ли не главную отличительную черту всѣхъ чисто-великорусскихъ физіономій.

Первые полчаса мы знакомились съ пароходомъ.

Тутъ все поражало насъ удивленіемъ. Командиръ парохода, рулевой, машинистъ, матросы — весь экипажъ его состоялъ изъ монаховъ. Странно было видѣть моряковъ въ клобукахъ, точно и быстро исполнявшихъ распоряженія своего капитана — небольшого, худощавого инока, зорко оглядывавшаго окрестности. Не слышно

было приказаній вовсе. Движенія его руки опредѣляли каждый шагъ корабля, превосходно выполнявшаго эту безмолвную команду. Высоко, на главной мачтѣ парохода, сверкалъ яркимъ, рѣжущимъ глаза блескомъ вызолоченный крестъ, вмѣсто флага. Вотъ на него опустилась, словно серебряная, чайка, и, отдохнувъ съ распростертыми крыльями одно мгновенье, она рипулась въ недосягаемую высоту такъ быстро, что у насъ невольно захватывало дыханіе, когда мы слѣдили за ея полетомъ. Рѣзкій, словно плачущій, крикъ ея донесся оттуда.

Палуба была вся загромождена богомольцами.

Всѣхъ пассажировъ пароходъ везъ около 450 человѣкъ.

Это — прекрасное винтовое судно, купленное монастыремъ за безцѣнокъ и крестьянами-монахами передѣланное для Бѣлаго моря. Легкій на ходу, быстрый пароходъ «Вѣра» совершенно приспособленъ къ этимъ капризнымъ и опаснымъ водамъ.

Мы втроемъ присѣли у самаго края кормы на кругѣ свернутаго каната и невольно заглядѣлись на широко разстилающуюся позади даль, окаймлявшую зеленовато-сѣрый просторъ Двинскаго лимана.

Направо и налѣво даль ограничивалась низменными, пустынными, зелеными берегами. Только изрѣдка убогое село сползало къ самой рѣкѣ. Кое-гдѣ, словно въ воздухѣ, висѣли бѣлыя колоколенки и куполы деревенскихъ церквей.

Порою изъ однообразной массы лѣсныхъ вершинъ, едва-едва замѣтныхъ въ отдаленіи, виднѣлись туманныя линіи еще болѣе далекихъ рощъ, точно окутанныхъ голубымъ флеромъ. Песчаныя промежи, сверкая золотыми извивами, тянулись вдоль зеленой каймы, то узкими, какъ остріе, чертами, то широкими, какъ ярко блестящіе щиты, отмелями. Съ парохода на нихъ можно было разглядѣть черныя точки вверхъ дномъ опрокинутыхъ карбасовъ; вблизи ихъ копошились и ползали въ разныхъ направленіяхъ еще меньшія точки.

Кое-гдѣ вдоль береговой линіи, будто крылья чаекъ, мелькали паруса. Они, казалось, вовсе не подвигались впередъ.

Въ самомъ центрѣ зеленой каймы, тамъ, гдѣ правая и лѣвая сторона ея почти смыкались передъ нами, висѣлъ въ голубомъ прозрачномъ воздухѣ бѣлый городъ; какъ мелкія искры блистали, мѣняя постоянно направленіе своихъ лучей, куполы церквей и соборовъ. Съ каждымъ движеніемъ парохода то выдвигались бѣлыя линіи набережной, то вырѣзывались бѣлые силуэты колоколенъ. Городъ поднимался надъ рѣкою все выше и выше. Казалось, между нимъ и уровнемъ воды легла смутная, мглистая полоса... она все ширилась и ширилась... искра за искрой пропадала надъ нею; бѣлая линія съуживалась и сокращалась... Вотъ и все погасло, только одна точка еще лучится, когда вглядишься въ эту даль. Одна слабая точка, да и та, кажется, высоко въ небѣ. И она потухла, и зеленые берега сомкнулись передъ нами.

А впереди были облака, вода и небо.

На самомъ краю его, какъ невѣдомый, чудный гористый край, постоянно мѣняя свои очертанія, вздымалась серебряная, матово-серебряная, съ золотисто-голубыми тонами полоса облаковъ... Воображеніе дорисовывало между этими фантастическими вершинами призрачныхъ горъ—глубокія, лѣсистыя долины, на тихихъ берегахъ бѣлые города, маленькіе, всѣ потонувшіе въ зелени. Такъ и манило туда, туда, далеко — въ эти поэтическія пустыни.

А капитанъ-монахъ опасливо глядѣлъ на эту, все выроставшую изъ-за моря кайму. Зоркіе глаза его какъ будто высматривали что-то грозившее пароходу. Не бурю ли?

Что за дѣло! Пока еще лазурь уходившаго въ недосягаемую высь неба была безмятежна, упругія волны смиренно лизали бока парохода, безконечный просторъ дышалъ красою мира и покоя.

Откуда-то съ берега вѣтромъ донесло какъ будто

звуки пастушьяго рожка... Да, это они. Цѣлый рой воспоминаній, красокъ, образовъ, голосовъ словно вспыхнулъ въ памяти. Такъ разомъ поднимается вверхъ встрѣвоженный рой пчелъ. Какою-то прелестью уединенія вѣяло отъ этихъ звуковъ... Мы, словно зачарованные, внимали имъ. И тихая грусть незримо неслышимо проникала въ сердце...

А берега казались все ниже и ниже, концы ихъ направо и налѣво все отходили отъ насъ, сливаясь съ сѣрымъ просторомъ лимана.

— Скажите, какая огромность!—послышалось за мною, и все очарованіе исчезло. Флюсъ въ юбкѣ наслаждался природой.

За одно это выраженіе я готовъ былъ выбросить ее за бортъ.

II.

Отецъ Іоаннъ—командиръ парохода.

Я поднялся наверхъ къ капитану.

Отсюда видъ становился еще шире. Казалось, что еще мигъ—и полусмытые берега лимана пропадутъ вовсе. Мимо насъ быстро проплыла поморская шкуна. На одну минуту въ глазахъ мелькнули двѣ невысокія мачты, три паруса и какой-то коренастый малый въ шерстяной фуфайкѣ, копошившійся на палубѣ. На кормѣ шкуны преспокойно спала поморка, въ аломъ кумачномъ сарафанѣ.

И снова пустынная ширь зеленовато-сѣрой воды.

Капитанъ парохода крайне заинтересовалъ меня своею наружностью. Небольшого роста, весь какъ будто состоящій изъ нервовъ и жилъ, онъ ни на одну минуту не оставался въ бездѣйствіи: то онъ сбѣгалъ внизъ къ рулю и самъ поворачивалъ его, избѣгая переносныхъ мелей, то опять зорко оглядывалъ окрестности, командуя [illegible]жу. Бѣлая парусинная ряса во всѣ стороны развѣ-

валась вѣтромъ, черный клобукъ торчалъ на затылкѣ, длинные, каштановые волосы обрамляли еще молодое, но серьезное и умное лицо, всѣ черты котораго обнаруживали мужество, силу и смѣтливость.

— Сколько поднимаетъ «Вѣра»?

— Пятнадцать тысячъ пудовъ!

— А на ходу пароходъ каковъ?

— Да безъ баласта девять узловъ въ часъ дѣлаетъ. Вотъ придемъ въ монастырь, поставимъ его въ доки, да перемѣнимъ винтъ, такъ еще быстрѣй пойдетъ!

— Дорого онъ достался монастырю?

— Тысячъ за двѣнадцать; восемь израсходовано на приспособленіе его къ Бѣлому морю. Разумѣется, ежели сообразить, что рабочіе у насъ даровые, то цѣнность «Вѣры» окажется еще выше!

— Такъ вы въ настоящее время не отправляете пароходы для передѣлки за-границу?

— Нѣтъ... Теперь мы и сами научились пароходы строить. Пароходъ «Надежду» мы сами выстроили. Вотъ для «Вѣры» винтъ отдѣлаемъ въ монастырѣ, въ собственныхъ горнахъ. Она еще недавно у насъ плохонько ходила. Винту не доставало хорошихъ приспособленій. Можетъ быть, слышали, что пароходъ Бѣломорско-Мурманской компаніи «Качаловъ» стоялъ въ нашихъ докахъ для починки; ну, мы высмотрѣли въ немъ новое устройство винта и сейчасъ же сдѣлали сами составной винтъ для «Вѣры».

— Какъ вы попали на пароходъ? Странно какъ-то видѣть монаха, командующаго судномъ!

— Да, вѣдь я съ четырнадцати лѣтъ по морю хожу. И за границею, и здѣсь!

— Ба! Я, вѣдь, значитъ о васъ-то и читалъ. Вы возили Диксона по Соловецкому монастырю?

— Я, самъ.

— Такъ вы и есть о. Иванъ?

— Я.

— Читали вы, что онъ пишетъ о васъ въ «Свободной Россіи»?

— Нѣтъ.

Я ему разсказалъ. Очеркъ Диксона оказался не совсѣмъ вѣренъ. Я воспользовался случаемъ, чтобы отъ самого отца Іоанна узнать исторію его жизни, полной самыхъ неожиданныхъ контрастовъ и приключеній. Онъ четырнадцати лѣтъ кончилъ курсъ въ Кемскомъ шкиперскомъ училищѣ. На поморскія шкуны и теперь не легко попасть воспитаннику этой школы. Наши поморы-судохозяева обходятся пролетаріями-лѣтниками, готовыми изъ-за хлѣба, да изъ-за податей наняться на суда. О. Іоанну дѣваться было некуда. Долго не думая, онъ поступилъ матросомъ на ганноверскій галіотъ, который нуждался въ русскомъ, такъ какъ, по случаю датской войны, онъ ходилъ подъ нашимъ флагомъ. Способный юноша только что сталъ свыкаться съ службою, какъ во время сильной бури, въ Нѣмецкомъ морѣ, галіотъ разбило о скалы, и изо всего экипажа спаслось только трое матросовъ. Однимъ изъ нихъ былъ нашъ соотечественникъ. Возвращаться домой ему не хотѣлось. Въ немъ кипѣли молодыя силы; сердце неудержимо рвалось впередъ, глаза смѣло глядѣли въ загадочныя дали будущаго. Добравшись до первой гавани, онъ поступилъ на нѣмецкое судно, обошелъ на немъ вокругъ свѣта и вернулся въ Германію, отлично узнавъ нѣмецкій языкъ. Тутъ подвернулся англійскій китоловъ, и о. Іоаннъ отправился въ южныя полярныя моря бить китовъ, потомъ ходилъ въ Ламаншѣ, въ Ирландскомъ морѣ, велъ жизнь кипучую, отважную до дерзости, полную огня и страсти. Вернувшись въ Лондонъ, онъ уже говорилъ по-англійски, какъ англичанинъ, хотя съ нѣсколько простонароднымъ выговоромъ. Потомъ опять рядъ скитальчествъ, рядъ морскихъ похожденій — то матросомъ, то шкиперомъ купеческаго корабля, то кочегаромъ на пароходѣ, то помощникомъ капитана на немъ же. Чего онъ не переиспыталъ въ это время! Онъ побывалъ подъ всѣми широтами, перезнакомился со всѣмъ, и образовалъ изъ себя отличнаго моряка-практика. Бродяжничая такимъ образомъ по

свѣту, онъ на какой-то набережной, въ Плимутѣ, услышалъ унылую русскую пѣсню, и сразу точно что-то оборвалось въ его сердцѣ. Вспомнилась далекая родина, забытая семья, скалистыя берега Поморья, гдѣ еще ребенкомъ онъ справлялся съ морскимъ карбасомъ, смѣло правя рулемъ противъ пѣнистыхъ валовъ. Съ тѣхъ поръ онъ не зналъ покоя. Родныя пѣсни его преслѣдовали повсюду. Задумается ли на палубѣ въ безсонную ночь, и кажется, что кто-то его кличетъ изъ далека; захочется ли пѣть — неудержимо рвутся изъ груди знакомые старые мотивы, столько лѣтъ забытые и въ одинъ мигъ воскресшіе въ его памяти. Чужбина ему стала ненавистна. Онъ чуть не дотосковался до чахотки, вернуться же было опасно. Россію онъ оставилъ самовольно, безъ паспорта прожилъ заграницею болѣе двѣнадцати лѣтъ— и настолько зналъ наши законы, что сильно опасался за себя. Долго еще онъ маялся такимъ образомъ и, наконецъ, рѣшился. Будь, что будетъ, а онъ вернется домой— хоть въ тюрьму. Острогъ на родинѣ казался ему милѣе привольнаго скитальчества по безпредѣльнымъ морямъ и океанамъ чужбины. Не долго было до исполненія. Онъ взялъ мѣсто на одномъ изъ пароходовъ, шедшихъ въ Архангельскъ изъ Ливерпуля, и, припавъ къ родной землѣ, поцѣловавъ ее и обливъ горячими слезами, добровольный изгнанникъ явился къ начальству. Мудрое начальство сейчасъ его — въ острогъ, къ ворамъ и разбойникамъ, въ одну съ ними камеру. Потомъ онъ узналъ прелести россійскихъ этаповъ. Прикованный съ шестью другими бродягами на одну цѣпь, онъ въ такомъ видѣ прошелъ въ Кемь, откуда уѣхалъ первоначально. Тамъ опять душный, смрадный острогъ, допросы, слѣдствія, цѣпи, и это— человѣку, привыкшему бороздить безконечные океаны, освоившемуся съ кипучею, полною огня дѣятельностью. Тутъ отецъ Іоаннъ, вѣроятно, искренно раскаялся въ патріотизмѣ. Здѣсь же онъ далъ обѣтъ цѣлый годъ, въ качествѣ простого рабочаго - богомольца, проработать св. Зосимѣ и Савватію въ Соловецкомъ монастырѣ, если удастся

избавиться отъ грозившихъ ему арестантскихъ ротъ. Судъ праведный, разумѣется, приговорилъ его къ ротамъ, но нашлись люди, принявшіе въ немъ участіе, и онъ былъ освобожденъ оттуда. Тотчасъ же, по обычаю, усвоенному населеніемъ Сѣвера, и согласно своему обѣту, онъ отправился въ монастырь «работать на св. Зосиму и Савватія». Въ монастырѣ его поселили въ казармѣ богомольцевъ-рабочихъ, и цѣлую зиму онъ проработалъ, не разсказывая о себѣ ничего. Трудъ ему доставался самый тяжелый, какой бы онъ едва-ли вынесъ, еслибы не одушевлявшая его мысль—отблагодарить Зосиму и Савватія за спасеніе отъ окончательной гибели. Тутъ онъ и таскалъ тяжести, и пилилъ доски, и рубилъ дрова, и занимался въ кожевнѣ, и былъ мусорщикомъ. Наконецъ, подошелъ іюнь мѣсяцъ, и монахи, еще не зная въ немъ моряка, выбрали его въ матросы. Пароходъ «Надежда» вышелъ изъ соловецкой гавани въ море. На самой серединѣ пути въ Архангельскъ разразилась страшная буря. Команда потерялась. Управлявшій кораблемъ и плохо знавшій свое дѣло монахъ путался, пассажиры своимъ смятеніемъ и отчаяніемъ еще увеличивали затруднительность положенія. А буря все усиливалась и усиливалась. Пароходъ потерялъ мачты, снасти изорвало въ клочки. Гибель казалась неизбѣжной. И вотъ, когда послѣдняя надежда была потеряна, когда одни шептали молитвы, заживо погребая себя, а другіе погрузились въ мертвую апатію — вдругъ на пароходѣ грянула громовая команда: все дрогнуло, матросы бросились по своимъ мѣстамъ. Всѣ обернулись къ капитану и на его мѣстѣ увидѣли отца Іоанна, самоувѣренно выступившаго на борьбу со стихіей. Онъ вдохнулъ свое мужество въ самыхъ робкихъ: энергическая дѣятельность смѣнила тупой ужасъ; новый командиръ цѣлую ночь, самъ стоя у руля, боролся съ разсвирѣпѣвшимъ моремъ, и уже въ полдень на другой день пароходъ тихо и благополучно входилъ въ архангельскій портъ. Такимъ образомъ отецъ Іоаннъ спасъ четыреста жизней и первое паровое судно монастыря.

Монахи не любятъ выпускать изъ рукъ полезныхъ людей, и о. Іоаннъ остался вольнонаемнымъ командиромъ монастырскаго парохода, съ жалованьемъ въ 300 р. и полнымъ содержаніемъ отъ обители. Тотчасъ же вслѣдъ затѣмъ благочестивые иноки начали склонять дорогого имъ человѣка принять постриженіе. Хотя о. Іоаннъ и не высказывался никому, но понятно само собою, какую борьбу должна была выдержать эта страстная натура прежде, чѣмъ произнести обѣты отрѣшенія отъ жизни, добровольнаго самопогребенія. Наконецъ, онъ сдѣлался послушникомъ. Другіе до перваго постриженія ждутъ 8, 9 и 10 лѣтъ, а ему оно дано было въ первый годъ: ужъ очень нужный человѣкъ, какъ бы не одумался, да не ушелъ. Тотчасъ же вслѣдъ за постриженіемъ жалованье ему было сбавлено, ибо то, что онъ прежде дѣлалъ за деньги, теперь онъ долженъ былъ дѣлать по обязанности. Затѣмъ обитель дала ему второе постриженіе, послѣ котораго онъ имѣлъ случай везти на своемъ пароходѣ великаго князя Алексѣя Александровича. Когда Его Высочество предложилъ ему, кажется, 200 р. въ награду за трудъ, онъ отвѣтилъ: «монаху деньги не нужны; мнѣ было бы пріятно имѣть какую-нибудь память отъ васъ». И скорѣе согласился принять простые серебряные часы, чѣмъ деньги.

Когда я уѣхалъ въ Соловецкій монастырь, о. Іоаннъ уже получалъ только 100 р. въ годъ и 25 р. за навигацію въ видѣ награды. Всѣ эти деньги онъ тратилъ на выписку книгъ и инструментовъ по своей спеціальности. Послѣ уже я узналъ, что онъ получилъ третье постриженіе. Итакъ, іеромонахъ Іоаннъ крѣпкими узами связанъ теперь съ обителью. Да какъ послѣдней и не стараться залучить къ себѣ такого человѣка? О. Іоаннъ положительно лучшій морякъ во всемъ Бѣломорскомъ флотѣ. Жаль только, что его знанія пропадутъ даромъ, если онъ броситъ работать на томъ поприщѣ, гдѣ его способности такъ блестяще примѣняются теперь.

Ему станутъ платить, вѣроятно, очень немного.

— Я теперь работаю не на себя, а на св. Зосиму и

Савватія! — И въ его голосѣ слышалось глубокое религіозное волненіе, что ему, впрочемъ, не мѣшало зорко оглядывать окрестность, все болѣе и болѣе расширявшуюся передъ нами.

— И вамъ не хочется воротиться въ міръ?

— Въ мірѣ пагуба, въ мірѣ нѣсть спасенія!

И это говорилъ полный жизни, мужества и кипучихъ силъ молодой человѣкъ. Да, вѣра — великое дѣло, она дѣйствительно, движетъ горами! Кто бы могъ подумать, что подъ этою смиренною рясой хоронится жизнь, богатая такими сказочными переходами, событіями!

— И вамъ не скучно въ монастырѣ?—добивался я.

— Молитва и работа не допускаютъ скуки. Скучаютъ только тунеядцы!

Въ лицѣ о. Іоанна Бѣломорскій флотъ лишился человѣка, котораго ему не замѣнить нынѣшними своими капитанами. Это невознаградимая потеря.

Пока я размышлялъ о странной судьбѣ этого монаха, лѣвый берегъ Двины пропалъ вовсе, и въ сторонѣ передъ нами словно выросъ изъ однообразнаго сѣраго простора, мѣрно, ритмически катящихся валовъ, Мудюжьскій островъ, съ зеленой щетиной сосноваго лѣса и стройною круглою башней стараго маяка. Здѣсь тянется опасная мель. Тутъ же предполагается устроить станцію для спасенія погибающихъ при крушеніи судовъ.

Скоро мы были въ открытомъ морѣ...

III.

На палубѣ.

Палуба парохода была загромождена народомъ.

Богомольцы кучками сидѣли у бортовъ, у входовъ въ каюты, на свернутыхъ канатахъ, бочкахъ, ящикахъ, сундукахъ и узлахъ. Борты были унизаны головами. Всюду стоялъ неумолкаемый шумъ. Около трехсотъ человѣкъ говорило, смѣялось, молилось и пѣло.

Изъ четырехъ угольнаго отверстія трюма вырывались на свѣтъ Божій цѣлые снопы голосовъ. Тамъ, словно въ купели Силоамской, собралось множество слѣпыхъ и хромыхъ, глухихъ и болящихъ, всѣхъ чающихъ движенія воды. Калѣки въ невообразимой тѣснотѣ громоздились одни на другихъ. Сверху все это казалось цѣлою кучею тряпья, изъ-подъ котораго выглядывали изможденныя, измученныя лица, худыя, словно закостенѣвшія руки и голыя, струпьями и придорожною грязью покрытыя, ноги. Чѣмъ дальше къ угламъ, тѣмъ все это больше уходило во тьму и, наконецъ, совсѣмъ пропадало, только гулкій разноязычный говоръ позволялъ догадываться, что тамъ копошатся и отдыхаютъ кучки разнаго голутвеннаго и недужнаго люда.

И на верху народу было, что называется, не въ проворотъ.

Больше всего вятскихъ крестьянъ. Понурые, испостившіеся, они сидѣли артелями, безмолвно поглядывая другъ на друга, и только нѣкоторые подавали признаки жизни, съ трудомъ пережевывая черствый хлѣбъ. Олончане шумѣли больше всего. Между ними пропасть бабъ, и всѣ какія-то иконописныя, съ сухою складкою узкихъ губъ, на старческомъ, застывшемъ въ одномъ выраженіи отрицанія прелестей суетнаго міра, лицѣ. Кое-гдѣ бродили заматорѣлые въ бродяжествѣ странницы, тѣ обшмыганныя, юркія, на все готовыя странницы, которыя по землѣ русской и въ одиночку, и цѣлыми вереницами тянутся отъ однихъ угодниковъ къ другимъ, то на перепутьѣ цѣжа свои усталыя ноженьки въ купецкихъ благолѣпныхъ хоромнахъ, то попадая въ темницы тѣсныя, къ татямъ и разбойникамъ. Трудно сказать, что и въ настоящее время безъ этихъ ходячихъ четьи-миней дѣлали бы мастодонты и плезіозавры нашего торговаго міра. По захолустьямъ и теперь для шестипудоваго негоціанта нѣтъ выше наслажденія, какъ, попарившись въ банѣ, послушать за чайкомъ такую словоохотливую странницу, которая, по ея собственному признанію, отъ юности отвратила лицо свое отъ житія блуднаго, отъ міра прелестнаго, возлюбив

наипаче всего мати-пустыню прекрасную и обители святыя, благочестіемъ иноковъ и памятію угодниковъ своихъ, словно каменіемъ драгоцѣннымъ, украшенныя...

Были тутъ и странники. Это народъ — строгій, серьезный, неподвижный, съ устоемъ. Изъ-подъ черной, свалявшейся на головѣ, скуфейки зорко глядятъ острые, насквозь васъ пронизывающіе глаза; клочья сѣрыхъ, запылившихся волосъ выбиваются и на лбу, и по сторонамъ лица. Сѣрую изъ грубаго крестьянскаго сукна ряску охватываетъ широкій ременный поясъ. Въ рукахъ—посохъ, ноги—босы, а изъ-подъ ряски иногда выглядываетъ власяница. Только крупныя, алыя губы дышатъ чѣмъ-то инымъ, не аскетическою замкнутостію, порвавшей всѣ свои связи съ міромъ жизни, а чувственнымъ, жаднымъ, неудержимымъ стремленіемъ къ этому самому міру, къ этому самому блудному и піаному житію. Но пусть только этотъ гражданинъ лѣса и проселочной дороги замѣтитъ на себѣ посторонній взглядъ: въ одинъ мигъ погаснутъ глаза, на лицѣ разомъ отпечатлѣется стереотипная, иконописная сухость и строгость, губы какъ-то подберутся внутрь, и богатырская грудь станетъ впалой, и голова словно войдетъ въ плечи, и цѣпкія, крупныя руки благочестиво сложатся въ крестное знаменіе. Они на пароходѣ при другихъ, на улицахъ большихъ городовъ, въ монастырскихъ подворьяхъ сторонятся отъ странницъ, обзывая ихъ чертовыми хвостами, блудницами вавилонскими. Тутъ, разумѣется, говоритъ зависть. Страннику никогда не усвоить того юркаго, увлекательнаго языка, никогда не съумѣть съимпровизировать на мѣстѣ разсказы о чудесахъ и подвигахъ, о великихъ видѣніяхъ въ нощи, о князьяхъ власти воздушныя, на которые такъ щедры и изобрѣтательны странницы.

Между народомъ бродили и монашки - подростки. Это дѣти, одѣтыя въ костюмъ монастырскихъ послушниковъ. Возрастъ ихъ колеблется между 9 и 15 годами. Тутъ въ нихъ еще замѣтна какая-то робость, неумѣлость, но мѣсяца черезъ два—въ монастырѣ ихъ не узнать. Это большею

частію сыновья зажиточныхъ крестьянъ Архангельской губерніи, а также Вологодской, Вятской, Пермской и Олонецкой; отцы ихъ дали обѣтъ послать дѣтей въ монастырь на одинъ годъ для работы на Соловецкихъ угодниковъ. Какъ обитель воспользовалась этою живою силою, будетъ разсказано ниже. Тутъ же нельзя не выразить тяжелаго впечатлѣнія, производимаго этими молодыми, смѣющимися лицами, этими бойкими деревенскими парнишками, отъ которыхъ такъ и вѣетъ веселостью, но одѣтыми въ полу-монашескую черную одежду, знаменующую полнѣйшее и непримиримое отрицаніе жизни со всѣмъ ея свѣтомъ и тепломъ, со всѣми ея радостями и печалями. Монашки-подростки, прожившіе на Соловецкихъ островахъ годъ, побывавшіе затѣмъ дома и теперь возвращавшіеся обратно въ обитель добровольно, съ цѣлью остаться тамъ навсегда, носили уже на себѣ совершенно иной отпечатокъ. Ни одного рѣзкаго движенія, ни одного лишняго взгляда, на ихъ свѣжихъ лицахъ ни луча, ни смѣха. Они до непріятнаго подражали взрослымъ инокамъ. Та же спокойная, строгая осанка, та же размѣренность движеній, тѣ же опущенныя рѣсницы. Видна дисциплина самая безпощадная. Если бы возможно—малые сіи были бы большими аскетами, чѣмъ ихъ идеалы - взрослые и вполнѣ освоившіеся съ своею ролью монахи.

Только архангельскія мѣщанки безъ умолку трещали о своихъ дѣлишкахъ, занявъ лучшія мѣста между мачтами и у бортовъ. Тутъ живо переходили изъ рукъ въ руки чайнички, чашки съ чаемъ, кофеемъ, пироги и всякая снѣдь. Увы! Еслибы они знали, какую тяжелую участь приготовляли себѣ впереди.

Общая картина палубы была весьма эффектна.

Яркія наряды женщинъ, группы скученнаго народа, все это облитое знойными лучами яркаго лѣтняго солнца, все это двигавшееся, суетившееся, шумѣвшее. Въ кормовой части на платформѣ помѣщались пассажиры «почище», восторгаясь картиною открывавшагося впереди моря и повѣрявшіе другъ другу свои впечатлѣнія.

Я вошелъ туда.

Въ одной группѣ шелъ разговоръ о расположившихся внизу крестьянахъ. Мнѣ и прежде кидались въ глаза ихъ лохмотья и особенно измученныя, даже здѣсь выдѣлявшіяся какою-то натугою, лица. Казалось, цѣлыя поколѣнія нищенства, кабалы и неволи создали такія осунувшіяся черты, такіе равнодушные терпкіе взгляды. Рука невольно тянулась въ карманъ за подаяніемъ.

— Вы дѣйствительно думаете—убогіе? — разсуждалъ вятскій купецъ, одинъ изъ тѣхъ, которые готовы задушить своего рабочаго человѣка, чтобы только выжать изъ него лишній грошъ въ свой карманъ.

— Да, поглядите на нихъ, такъ голодомъ и несетъ!

— Потому что они добровольно голодали всю дорогу, именемъ Христовымъ питаясь. А знаете, что между ними есть такіе, что несутъ въ монастырь по 100 и по 150 рублей, завернутыхъ въ тряпкѣ. Спросите вонъ у монаха!

Спросили. — Бываетъ, да рѣдко... Все же случается. Одинъ пришелъ такой-то, триста рублей принесъ.

— Да вѣдь это нищіе!—вырвалось у меня.

— Нѣкоторые изъ нихъ только Христа ради нищіе. Такой нищій какъ придетъ, такъ мало-мало десять цѣлковыхъ вывалитъ, а нерѣдко и пятьдесятъ, и сто. Усердіе къ святынѣ! Поди, у другого и дома ѣсть нечего—а тоже на благолѣпіе обители отъ души жертвуетъ свою лепту. Есть, что коровенку свою продаютъ ради этого.

— Хороша лепта для крестьянина—цѣлый капиталъ!

— И какой еще капиталъ, семья на ноги встанетъ!

— Для Бога, господа, больше трудятся... Для Господа-Бога. Приверженность эту чувствуютъ.

— Разспросите вонъ у того, у кривого-то,—обратился ко мнѣ вятчанинъ,—какъ на него въ Орловскомъ уѣздѣ разбойники напали. Смѣху, то-есть, подобно. Передъ тѣмъ одинъ мѣщанинъ ѣхалъ—того ограбили и убили. Ну, а этого, какъ поймали, сейчасъ: «куда идешь?» — Въ Соловки... «Врешь, сучій сынъ. Кажи мошну». А у насъ знаете, коли кто идетъ къ угодникамъ, такъ все село

поминальныя записки даетъ, о вѣчномъ или срочномъ тамъ поминовеніи. Этакихъ документовъ у другого цѣлый возъ. Тотъ сейчасъ разбойнику кажетъ мошну, смотрятъ— дѣйствительно, что въ Соловки идетъ человѣкъ... Ну, говорятъ, ступай, помолись за насъ грѣшныхъ, потому ты, значитъ, о душеспасеніи... А атаманъ ихній вынимаетъ изъ кошеля своего двадцатьпятную, — на, говоритъ, запиши и меня, чтобы по гробъ моей жизни, потому какъ я во многомъ грѣшенъ... Въ Анзерскомъ, говоритъ, скитѣ запиши на вѣчное поминовеніе и отдай пять рублевъ, ну, а двадцать угодникамъ въ кружку. Закажи молебны о здравіи и въ кружку... А одначе сапоги съ него сняли, босымъ такъ и пустили.

— Извѣстно, народъ отчаянный... Легкій народъ.

— У насъ тоже крестьянинъ одинъ былъ — богачъ. Пообѣщался въ Соловки, въ видѣ нищаго то-есть. Такъ всю дорогу въ тряпкахъ и прошелъ. Милостыню просилъ. На грошъ хлѣба не покупалъ—все именемъ Христовымъ. А какъ въ обитель пришелъ, сейчасъ пятьсотъ... Ну, только домой воротился и закурилъ, и закурилъ... Потому, говоритъ, мнѣ все нонѣ простится... Великій я, говоритъ, передъ Богомъ подвигъ сотворилъ... Вотъ они пищіе какіе. Другой, можетъ, какіе грѣхи этимъ замаливаетъ.

— У Господа милостей много! Особливо ежели черезъ угодниковъ!—согласился монахъ.

Пароходъ начинало слегка покачивать... У многихъ уже вытянулись лица.

Воплощеніе насморка и флюса стонало у кормы, меланхолически поглядывая на окружающихъ.

Мы приближались къ бару.

— Ну, будетъ качка!—замѣтилъ мимоходомъ матросъ, проходя къ рулю.

Я оглядѣлъ небо. Весь сѣверо-западъ затягивало жемчужными, золотившимися по краямъ тучками. Волны становились крупнѣе и крупнѣе... Кое-гдѣ змѣились гребни бѣлой пѣны, и отдаленный гулъ все ближе и ближе подходилъ къ пароходу.

— Вамъ бы лучше въ каюту! — пригласилъ монахъ меланхолическую дѣву, весьма внимательно разсматривавшую что-то за кормою. Она наклонилась еще ниже, цѣпляясь за края борта.

— Уведите ее!—приказалъ рулевой монахамъ-послушникамъ. И еще недавно увлекавшаяся прелестями моря, а теперь первая жертва его—пассажирка подъ руки была уведена съ палубы.

IV.

Сибирячка.

Проходя между народомъ на палубѣ, я невольно остановился у одной группы. Ее составляли: въ центрѣ — слѣпецъ - старикъ, который, и сидя, опирался о посохъ. Жаркій лучъ солнца золотился на голомъ черепѣ, охватывая за-одно и не зрячіе глаза, и дѣтски-наивно улыбающееся сморщенное лицо. Изъ-подъ открытаго ворота посконной рубахи во всѣ стороны торчали углы костей. Рядомъ съ нимъ, пониже, на какомъ-то жиденькомъ узелкѣ помѣщалась небольшая худенькая дѣвушка съ робкимъ лицомъ и точно разъ когда-то испугавшимися и въ одномъ выраженіи страха застывшими глазами. Синій крестьянскій сарафанъ висѣлъ на костлявыхъ плечикахъ. Она только что начала сосѣдкѣ своей разсказывать о многотрудномъ пути, который довелось пройти ей до Архангельска.

— Я сама изъ Иркутскаго-города, въ Сибиряхъ это!

— Нну! У меня браганъ тамъ, на поселкѣ. Что-жъ ты сюда, по усердію, или по обѣщанію родителевъ?.. Тутъ больше по родительскому приказу бываютъ...

— Нѣтъ, сама. Потому я съ малолѣтства по обителямъ!

— А меня грѣшную только сей годъ Господь сподобилъ. Тебя какъ же это одну мать пустила?

— Много тутъ было... горя разнаго. Пять годовъ это дѣло задумано. Все съ отцомъ совладать не могла!

— А у тебя отецъ-то кто?

— Мѣщанинъ торгующій.

— Ну!? Чтожъ ты это съ сытой то купецкой жизни... Поди, на пуховикѣ спала...

— Судьба, знать!

— Давно ли ты оттуда?

— Семой мѣсяцъ!

— И все одна? Или со старикомъ?

— Нѣтъ. Старика-то я подъ Шадринскомъ нашла. Не родной.

— Извѣстно, кому какая судьба. Поди, сестры, коли есть, по праздникамъ пироги ѣдятъ, да съ утра до ночи на красу свою дѣвичью любуются. А ты на—поди! Босая всю путину прошла?

— Отъ Томскова-городка босая, потому какіе башмачонки были—совсѣмъ развалились!

— Ну, это тебѣ все зачтется. Много ты можешь согрѣшить теперь, потому твой подвигъ великъ. У Бога все на счету.

— Ужъ сколько и били меня, какъ сказала, что въ Соловки хочу.

— Родители?

— Они. А и пошла-то я, чтобъ, значитъ, родительскіе грѣхи замолить. Первый разъ я, не спросясь, пошла, безъ виду. Ну, меня верстъ за двѣсти отъ Иркутскаго и пымали... И по этапу домой приволокли. Потомъ я опять ушла—отецъ на лошади догналъ. И на цѣпи сталъ держать. Мѣсяца три не спущали, однако, ради дня ангела—ослобонили. Сколько одного бою было—страсть. На смерть били!

— Ахъ, ты—болѣзная. Ишь, какъ тебя Господь сподобилъ! Все, милая, зачтется!

— Тогда я и сказала родителямъ: сколько ни калѣчьте, а воли моей съ меня не снимете. Потому было мнѣ видѣніе... Святой Зосима во снѣ являлся и ободрялъ на подвигъ... Отцовскіе грѣхи, говорилъ, замоли... Три раза было видѣніе. Тогда и задумала я идти—къ отцу. Ска-

зала ему—позеленѣлъ: одначе смолчалъ. Ступай вонъ,—говоритъ,—чтобъ и духу твоего не пахло... На утріе опять къ нему,—онъ за волосы и давай меня топтать. До безчувствія было. Переждала я еще день и опять про то же,—вдругорядъ оттаскалъ. Я въ третій... Какъ сказала я въ третій, тутъ его за сердце и забрало... Заплакалъ. Снялъ икону, благословилъ, какъ слѣдуетъ. Иди,—говоритъ,—къ святымъ угодничкамъ и за насъ помолись. На другой день сряжаться стали. Далъ онъ мнѣ два ста рублей на дорогу, да три ста угодникамъ, паспортъ и все такое... Ну, а на третьи сутки опять побилъ.

— Ну, и родитель у тебя!

— Потому обидно, что безъ его воли пошла.

— Что-жъ ты все пѣшкомъ?

— Все. Деньги, какія дали—несу угодникамъ.

— А кормилась въ дорогѣ какъ?

— Именемъ Христовымъ... Побиралась.

— Много, много нонѣ согрѣшить можешь, и все съ тебя за это снимется. Ну, а старичокъ слѣпенькій сродственникъ тебѣ, что ли?

— Какой родичъ! Подъ Шадринскомъ на дорогѣ нашла. Онъ съ мальчикомъ ходилъ, да мальчикъ бросилъ его, убегъ... Ну, я и подумала, что Господь мнѣ его послалъ, чтобъ я еще потрудилась. Такъ и прошли вдвоемъ. И назадъ поведу до Шадринскова.

— А тамъ какъ?

— На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ взяла—тамъ и оставлю.

— Посередь поля?

— А то какъ же, гдѣ Господь послалъ!

— Да онъ помретъ!

— Ужъ это какъ Богъ. Потому, гдѣ взяла — туда и предоставить его должна. Иначе какъ?

— А тамъ опять къ родителямъ?

— Да, годикъ пережду. Потомъ въ Іерусалимъ-градъ.

— А ты бы замужъ... Поди, женихи были?

— Были!.. — И худенькое личико дѣвушки все перекосило ненавистью.—Были... Какъ не быть, погубители!

— Что-жъ, ты не пошла?

— И не пойду. Наглядѣлась, какъ батюшка маму бьетъ.. Всѣ они такіе. На тиранство одно идти, что ли?

— Безъ этого ужъ нельзя.. Одначе тоже съ опаской бей!...

— Лучше христовой невѣстой, по святымъ мѣстамъ ходючи, да родительскіе грѣхи замаливаючи...

V.

Монашекъ-подростокъ.

Тятенька мой торговою частью занимаются, тоже и подрядами, когда случится. Разъ онъ одинъ подрядецъ взялъ—мостъ строить. Дѣльцо было бы выгодное, коли-бъ не пришлось съ чиновниками дѣлиться, а то какъ раздашь половину всего—такъ смотришь, у себя въ карманѣ и на лѣсъ не хватитъ. Оченно заскучали тятенька, одначе мостъ выстроили, изъ гнилья правда, да все же мостъ. Хорошо... Прошло это, напримѣръ, полгода, вдругъ ревизоръ изъ самаго Питера. Тутъ тятенька и очунѣли. Къ тому, къ другому, къ третьему — куда тебѣ! Давай, говорятъ, Богъ, чтобы своя голова уцѣлѣла на плечахъ... Дѣлай, какъ знаешь. «Помилуйте,—объясняетъ тятенька,—да вѣдь вмѣстѣ брали?» —Про то,—отвѣчаютъ,—одинъ Господь всемогущій знаютъ, да только никому не скажутъ. Зря не болтай и ты, потому за безчестье съ тебя большія еще деньги слупимъ, а подъ судъ!..» Оченно это ошарашило родителя. «Ну, теперь,—говорятъ,—никто, какъ Творецъ небесный!» Назавтра примѣрно назначено свидѣтельство. Съ утра тятенька обѣгали всѣ храмы Божіи и вездѣ молебны съ водосвятіемъ заказали, потомъ и обѣтъ дали: «коли минуетъ, значитъ, чаша сія, такъ быть единоутробному сыну моему у Соловецкихъ угодниковъ одинъ годъ, пусть тамъ работаетъ на святыхъ предстателей нашихъ». Ну, сейчасъ поѣхали къ мосту, а тамъ уже вся коммиссія собралась. Питерскій ревизоръ-то пѣтушкомъ, такъ

и поскакиваютъ. На нашихъ чиновниковъ и не похожъ, потому въ емъ и фигуры нѣтъ. У насъ квартальный изъ себя значительнѣе, потому онъ себя съ форсомъ держитъ. А этотъ только что чистенькій, да гладенькій. Тятенькѣ ручку подалъ, тятеньку это, значитъ, ободрило.

— Тятька у тебя, поди, большой плутъ былъ?

— По торговой части, по нашимъ мѣстамъ, безъ этого не обойдешься. Потому дѣлиться нужно. Другому вся цѣна грошъ съ денежкой, а ты ему пять сотенныхъ подай, потому жадность эта у нихъ оченно свирѣпствуетъ. Особливо ежели съ купцомъ дѣло имѣютъ.

— Народъ!

— Народъ нонѣ норовитъ, какъ бы тебѣ съ сапогами въ ротъ залѣзть.

— Кая польза человѣку, аще весь міръ пріобрящетъ, душу же свою отщетитъ?

— Ну-съ, хорошо. Осмотрѣлъ левизоръ мостъ и оченно доволенъ остался. У насъ изъ ели мостъ - отъ строенъ, а тотъ удивляется — какая молъ лиственница отличная! Отлегло отъ сердца у тятеньки... И закурили же они тогда.

— Какъ съ этого случаю не закурить!

— Ну - съ, хорошо. Закурили они. Двѣ недѣли изъ дому пропадали, маменька даже въ полицію объявку подали. Тамъ успокоили. Будьте благонадежны, говорятъ, тутъ окромя запою ничего нѣтъ. Супругъ вашъ, опричь трактировъ, нигдѣ, въ такихъ чтобъ мѣстахъ не бываютъ. Наконецъ, вернулись тятенька и сейчасъ меня. «Собирайся, — говорятъ, — въ монастырь, великое есть мое усердіе, и значитъ, чтобъ ты тамъ годъ, тихо, смирно, благородно, потому, можетъ быть, еще такой случай будетъ, такъ угодничковъ Божьихъ обманывать не годится... Пригодятся! Великіе они за насъ грѣшныхъ молитвенники и предстатели. Помни это!» И таково ли все ласково, а допрежь того на всякой часъ тычокъ былъ.

— У васъ, у купцовъ, насчетъ этого оченно неблагородно!

— Невѣжество, что говорить!

— Одначе и не учить нельзя!

— А только бей съ разумѣніемъ. Любя, бей. Наказуй по человѣчеству!

— Что говорить! Извѣстно—господа купцы, поди, не одну скулу вывернутъ.

— Ну-съ, хорошо... Снарядили меня, подрясникъ тонкаго сукна сшили, скуфейку бархатную—все, какъ слѣдуетъ, и отправили. Какъ пріѣхалъ я въ монастырь, словно въ рай попалъ. Благолѣпіе, смиренство, насчетъ обращенія — благородно. Точно я опять на свѣтъ родился.

— Работалъ?

— Какъ же! По письменнной части занимался... Какъ пришло время къ отцу ѣхать, и заскучалъ я... А тутъ отцы-иноки: оставайся у насъ, потому въ мірѣ трудно, въ мірѣ не спасешься. У меня, говорю, невѣста есть.— «Оженивыйся печется о женѣ, а не оженивыйся о Господѣ»... Думалъ я, думалъ, наконецъ, и порѣшилъ въ монастырѣ оставаться. Тятенька сами пріѣзжали. Ничего, не попрепятствовали; живи, говоритъ, потому за твои молитвы Господь меня не оставляетъ!

— Много у васъ изъ купцовъ?—вмѣшался я.

— Изъ купцовъ во всемъ монастырѣ—человѣкъ шесть наберется!

— А остальные?

— Изъ крестьянъ все..., сами увидите нашу обитель пресвѣтлую.

Монашекъ-подростокъ говорилъ медовымъ, пѣвучимъ голоскомъ, поминутно закатывая глаза вверхъ.

— Много у васъ, поди, чудесъ?—вступила въ разговоръ синяя чуйка.

— Чудесовъ у насъ довольно!

— Что говорить! А тятенька вашъ какой губерніи будутъ?

— Изъ Сибири.

— Далеконько... Одначе, и у насъ по Волгѣ насчетъ

подрядовъ—вольно. Дѣло чистое. Съ казной—не съ человѣкомъ... Никого не грабишь, а деньги сами идутъ!

— Какъ кому Господь!

— Извѣстно, безъ него куда уйдешь... По всей жизни такъ-то.

— Одначе и угоднички помогаютъ. Въ болѣзтяхъ при мѣрно!

— Всякое дыханіе хвалитъ Господа!

— Вѣрно твое слово!

VI.

Казни египетскія.

Качка становилась все сильнѣе и сильнѣе.

— Ну, будетъ потѣха, — замѣтилъ морякъ - монахъ другому, машинисту, только что выскочившему изъ камеры, гдѣ помѣщался котелъ. На этомъ тоже была скуфейка, только онъ снялъ рясу. Все его лицо было словно обожжено зноемъ и окурено дымомъ. Онъ съ наслажденіемъ вдыхалъ свѣжій, холодный воздухъ, навѣваемый все крѣпчавшимъ сѣвернымъ вѣтромъ.

— А что, сиверко?

— Да, вишь, оно—боковая и килевая!

— Искушеніе!

Почти вся палуба была покрыта мучениками. Вопли и стоны раздавались всюду. Больные быстро теряли силу; послѣ первыхъ двухъ пароксизмовъ они неподвижно лежали, не имѣя силы даже повернуться «съ одного галса на другой», какъ объясняли моряки-монахи. Нѣкоторыхъ перекатывало съ одной стороны парохода въ противоположную.

— Господи!.. Око всевидящее!..

— Ой, труденъ путь!

— Только-что чайку попила, и таково ли пріятно попила!..

— Помру, отцы родные!

— Монашки благочестивые,—бросьте вы меня, рабу, въ море, потому нѣтъ моей моченьки!

— Грѣхи мои тяжкіе!. За всякій-то грѣхъ теперь... ой...

— Собрать на молебенъ надо бы. На Зосиму и Савватія!.. Молебенъ угодничкамъ! — предлагали монахи, по силѣ возможности.

Публика, разумѣется, струсила еще больше. Молебенъ—значитъ, есть опасность. Старухи завыли, какъ сумасшедшія. Юноша въ гороховомъ пальто, полчаса назадъ бодро пожиравшій магнезію, на томъ резонномъ основаніи, что съ кислотами желудка магнезія образуетъ нерастворимыя соединенія и предотвращаетъ рвоту, катался теперь по палубѣ, призывая на помощь святого Тихона Задонскаго и обѣщаясь, по прибытіи въ монастырь, заказать три молебна съ водосвятіемъ. Куда дѣвалась и химія: онъ чуть-ли не громче всѣхъ требовалъ молебна, сознаваясь во всѣхъ своихъ прегрѣшеніяхъ.

— Полноте трусить! Никакой опасности нѣтъ!—утѣшалъ его отецъ Иванъ.

— Какъ нѣтъ опасности? Ой, свв. Зосимъ и Савватій... Помоги мнѣ грѣшному. А я еще магнезіи. Вотъ и нерастворимыя соединенія. Святый Боже! Нельзя-ли повернуть обратно въ городъ? Пожалуйста, поверните обратно!

Наступала ночь, а волненіе все усиливалось. Паруса собрали: вѣтеръ, пожалуй, изорвалъ бы ихъ въ лоскутья. Валы поднимались выше бортовъ корабля. Пароходъ то вздымался на ихъ гребняхъ, то вдругъ его сбрасывало внизъ, въ клокочущую бездну. Бывали моменты, когда онъ становился почти перпендикулярно. О. Иванъ дѣлался все озабоченнѣе. Вотъ одинъ валъ опрокинулся на палубу и прокатился по ней отъ кормы къ носу.

— Сгоняй народъ въ каюты и трюмы!

Въ одну минуту палуба была очищена. На ней остались только о. Иванъ, да матросы, которыхъ сбивало съ ногъ каждымъ порывомъ неудержимо ревущаго нордъ-оста... Отверстія трюмовъ и люки каютъ были закрыты.

— Будетъ буря!—замѣтилъ сквозь зубы о. Иванъ.

— Никто, какъ Богъ... Молебенъ бы!— робко проговорилъ рулевой.

— Стой у руля, да гляди, куда правишь. Ишь разыгралась какъ!..

Я сошелъ внизъ, въ каюту второго класса.

— На дно идемъ!—слышались всхлипыванія батюшки протопопа.

— Господи! Скажи ты мнѣ, Христа ради, давно мы по дну плывемъ?—обратилась ко мнѣ микроскопическихъ размѣровъ старушка...

— Ну, что, какъ ваша магнезія? — спросилъ я у юноши.

— Не-по-мо-га-етъ! А по химіи выходитъ хоро... Святители!.. Ой, грѣшенъ я, грѣшенъ!—И опять онъ заползалъ по полу.

— Батюшка,—приставала къ попу толстая барыня.— Кай меня... Что-жъ ты?—немного погодя, повторяла она,— Какой ты попъ, коли каять не хочешь?

— Несообразная! Подумай, какъ я тебя каять буду, коли у меня ни ряски, ничего нѣтъ. Кайся вслухъ, при всѣхъ. Церковь это допускаетъ!

— Да у меня, можетъ, какіе грѣхи есть! Господи, неужели-жъ безъ исповѣди и помереть?

— Коли въ Соловки, къ угодничкамъ ѣдемъ, такъ все одно что съ исповѣдью...

— Ты говоришь, нонѣ треска дорога будетъ?

— Племянникъ сказывалъ, быдто въ Норвегѣ рыба дешевле!—слышалось въ углу.

— Господи! И сколько-то я грѣшила... Люди добрые, простите меня...

— За что простить-то?..—потѣшалась въ углу чуйка, на которую качка не дѣйствовала.

— Какъ послѣ мужа — вдовой значитъ — такъ съ военнымъ офицеромъ спуталась... Ахти, мнѣ, горькой... Пять годовъ спутамшись была.

— Го-го-го!..—хохотали въ углу.—А давно ли это было, мать?

— Тридцать годковъ, голубчики, тридцать годковъ... Простите вы меня!

— Господь проститъ... Го-го-го... Какъ же это ты, мать, съ офицеромъ?

— По дурости, да по неразумію... Года наши такіе... Опять же въ великій постъ ноне согрѣшила — яичкомъ искусилась...

— Пять годовъ, говоришь, съ офицеромъ?—любопытствовала таже чуйка.

— Пять годовъ, родненькій!

— Ну, если пять—ничего!

— За это тоже, поди, на томъ свѣтѣ не похвалятъ... Старуху точно обожгло.

— И сама я знаю, голубчики, что не похвалятъ... Наставьте, отцы, какъ мнѣ мой грѣхъ замолить?

— А какъ китъ-рыба насъ въ окіанъ-море потащитъ?—пристала ко мнѣ другая старушка.

— О, Господи, бѣда это наша пришла!

— Вѣруй въ Бога—главное! —наставлялъ попъ. — Вотъ сказано: не вѣсте ни дня, ни часа... Всѣ, всѣ здѣсь помремъ. Дѣточекъ только своихъ жалко... Какъ-то вы одни сиротами останетесь. Кто-то пріютитъ васъ!.. Вотъ оно—вольнодумство наше...

— Да неужли-жъ мы въ самомъ дѣлѣ потонемъ? — встрепенулся вдругъ молчаливо сидѣвшій въ углу купецъ.

— Ужъ потонули, голубчикъ, ужъ потонули!

— Боже мой!.. Какъ же я тапереча буду... Праведники!

— Ужъ потонули... Всѣ потонули... На тридцать верстовъ, можетъ, подъ землю ушли...

VII.

Море.

Утромъ, на другой день по отплытіи изъ Архангельска, когда я вышелъ на палубу парохода, во всѣ стороны передо мною разстилалась необозримая даль сѣровато-

свинцоваго моря, усѣяннаго оперенными гребнями медленно катившихся валовъ. На небѣ еще ползали клочья разсѣянныхъ вѣтромъ тучъ. Свѣжій попутничекъ надувалъ парусъ. Тяжело пыхтѣла паровая машина, и черный дымъ, словно развернутое знамя, плавно разстилался въ воздухѣ, пропитанномъ влагой...

На передней части парохода стоитъ ветхій деньми старецъ. Волоса его, рѣдкіе, серебристые, развѣваетъ вѣтеръ, лохмотья плохо защищаютъ тѣло, впалая грудь чуть дышетъ, но взглядъ его неотступно прикованъ къ горизонту. Что онъ тамъ видитъ—въ этомъ безграничномъ просторѣ влаги, сливающемся съ еще болѣе безграничнымъ просторомъ неба? Вотъ онъ снимаетъ шапку и медленно творитъ крестное знаменіе. Онъ молится. Для него это море—громадный храмъ, въ туманной дали котораго, тамъ, гдѣ-то на востокѣ, возносится незримый, невѣдомый алтарь.

Да, море дѣйствительно храмъ. И ревъ бури, и свистъ вѣтра, и громовые раскаты надъ нимъ, это только отголоски, отрывочно доносящіеся къ намъ звуки нѣкоторыхъ трубъ его органа, дивно гремящаго тамъ, въ недоступной, недосягаемой высотѣ—великій, прекрасно охватывающій все небо и землю гимнъ.

Вотъ, сквозь клочья сѣрыхъ тучъ прорвался и заблисталъ на высотѣ широкій ослѣпительный лучъ солнца—и подъ нимъ озолотилась цѣлая полоса медленно колыхающихся волнъ... Вотъ новыя тучи закрыли его.

Божество незримо, но присутствіе его здѣсь чувствуется повсюду.

VIII.

Вятскіе хлѣбопашцы.

— Откуда Господь несетъ, кормильцы?

— Изъ Вячкой.

— А изъ уѣзда какого?

— Орловска...

— Знаю, хлѣбородная сторонушка.

— Ничаво... Хлѣбъ родится... Дюже хлѣбъ родится!

— Вятка хлѣбу матка,—сказано!

— Не то что наша Архангельская губернія.

— Поди, много хлѣба продаютъ?

— Какъ не продавать!.. Сами для себя, бываетъ, съ мякиной мѣшаемъ да ѣдимъ... Почти весь въ продажу идетъ.

Я, разумѣется, не повѣрилъ.

— Какъ Богъ святъ, да мы, милой, рѣже вашего архангельца-трескоѣда видимъ цѣльный хлѣбъ-отъ. Вѣрно твое слово, что хлѣба у насъ не впроворотъ, а только другихъ промысловъ у насъ нѣту, недоимки одолѣли... Ну, а хлѣбъ—дешевъ, а хлѣбъ дешевъ—и мужикъ дешевъ. Коли-бъ цѣна на рожь стояла настоящая, мы бы половину хлѣбушка съѣли сами, а другую продали. А то, вѣрь, крещеная душа, какъ передъ истиннымъ Богомъ, Царемъ небеснымъ, два лѣта назадъ по двоегривенному маклакамъ за пудъ сдали. Впередъ, значитъ...

— Хоша бы и по двоегривенничку—да и то денегъ не видимъ. Съ зимы влѣзли въ долгъ, словно въ петлю, ну, и бьемся въ ей... Да ты еще хлѣбъ предоставь на мѣсто купцамъ. Вымолотишь его осень—распутица, пути нѣтъ, жди зимы; какъ зима хватитъ, навалишь хлѣбушка въ сани и везешь. Морозы, вьюга... Сколько животовъ на дорогѣ поколѣетъ—страсть! Пріѣдешь въ Орловъ—въ контору, свѣта Божьяго не видишь. Все-то лицо потрэскается, скрозь губы кровь идетъ, носъ горой раздуетъ. Моли Бога, что самъ цѣлъ остался!

— А въ городу, — подхватилъ первый,—опять прижимка. Какъ привезъ, глядь—цѣну сбили, отдашь хлѣбъ ни за грошъ, да и пойдешь домой ни съ чѣмъ!

— А и урожаи когда — не легше, потому дешевы купцы эти за хлѣбъ даютъ... Аспиды!

— А ты не ругайся! Въ кое мѣсто идемъ?

— Больно нутро распалилось, потому у меня прош-

лой зимушкой чуть съ голодухи вся семья не поколѣла. Тоже, поди, чувство имѣемъ. Невесело—на бабу, да на дѣтокъ малыхъ глядѣть. Душа рвется. Не псы какіе, слава Богу!

— Вотъ и понимай, какова наша матка—Вятка!

— Какъ же вы, братцы, въ Соловки теперь?

— А мы по обѣщанію шли. Изъ одного мѣста всѣ—авось, полегчаетъ. Монахи, спасибо, на праходъ даромъ пустили. Очень оголѣли мы ужъ. Какіе достатки были—все ушло!

— Какіе у насъ достатки!

— Жизнь наша,—скажу я тебѣ, самая подлая. Сытости въ насъ настоящей нѣту, седни — не померъ и ладно. А завтра, можетъ, и помремъ. Давай молитвы читать, ребята; къ такому мѣсту плывемъ...

IX.

Бродяжка.

Монастырь былъ уже недалеко.

Въ носовой части парохода слышалось молитвенное пѣніе. Звуки мягко и плавно разносились въ безграничности морского простора. У самой кормовой каюты рапсодъ-олончанинъ пѣлъ объ Алексѣѣ божьемъ человѣкѣ, и нѣсколько богомольцевъ и богомолокъ благоговѣйно внимали ему. Это былъ слѣпецъ: голый черепъ, длинная сѣдая борода, прямыя и правильныя черты лица дѣлали его похожимъ на библейскаго патріарха, сидящаго у входа въ свой шатеръ, посреди выжженной солнцемъ пустыни...

Зеленыя лица показались изъ каютъ, осунувшіяся, измученныя качкой. Люди едва передвигали ноги, — но теперь пароходъ шелъ уже спокойно, миновавъ полосу морской бури. Попутный вѣтеръ надувалъ парусъ, и золотой крестъ на гротъ-мачтѣ неподвижно свѣтился надъ этимъ плавучимъ міромъ.

Въ центрѣ одной изъ палубныхъ группъ сидѣла старушка, вся сморщенная, вся сгорбленная, вся немощная. Казалось, потухающіе глаза съ трудомъ могли видѣть наклонившіяся къ ней лица; въ одеревенѣвшихъ чертахъ ея выражалось полнѣйшее равнодушіе ко всему; синяя крестьянская понява, босыя ноги, костыль и убогая сума.

— Бродяжка я, голубчики, бродяжка я съизмалѣтства. По градамъ и весямъ все странствую, святое имя Христово прославляя. Отца не помню, а матушка, та — далеко отсюда, на большой рѣкѣ, въ большомъ городу мѣщанкой была... И какой это городъ, кормильцы, не знаю, и какая это рѣка — не вѣдаю. Помнится только зеленое, зеленое поле, а за полемъ синіе лѣски.. Старый храмъ Божій, съ тонкой такой колоколенкой, по надъ самой рѣкою прихилился и въ свѣтлыя воды смотрится... Еще помню узкій проулочекъ, по обѣ стороны дома — избенки на курьихъ ножкахъ, и наша избушечка тутъ, что калѣка старая, что я же теперь, вся сгорбилась да перекосилась сердешная... И яблонь бѣлую помню... И смородину помню... Густая была... По задворкамъ лѣпилась на самомъ припекѣ... Еще помню матушку—добрая... А потомъ дорога какая-то, старцы убогинькіе... Тамъ опять пути дороженьки... Ну, и перепутала все!.. Давно это было!.. Все я на ноженькахъ на своихъ... Все одна странствовала. Всю землю крещеную обошла и вездѣ Божіимъ угодничкамъ молилась. Въ Ерусалимѣ-градѣ была, слыхала тамъ, какъ грѣшники во адѣ мучаются, Гробу Господнему поклонилась. Турку тамъ увстрѣла, а турка добрый, головы христіанской не рубитъ, а самъ же тебѣ и хлѣбушка подастъ; хлѣбъ у нихъ бѣлый и тонкій, что лепешка, все одно. Еще я тамъ много городовъ видѣла, и всѣ на припекѣ, на солнышкѣ всѣ... Таково-ли паритъ — страсть! Море знаю, какъ къ Ерусалимъ-граду ѣхать... Много насъ тамъ было, и померло много. Такъ Гробу Господню и не поклонились, сердешные!.. Монаховъ эллинскихъ на горѣ Аѳонѣ-святой тоже помню. Суровые... смотрятъ на тебя ненавистно; а въ

обителяхъ ихъ, сказываютъ, благолѣпіе неизреченное... Чудеса тамъ на каждой травушкѣ. Извѣстно, мѣсто излюбленное. И въ Кеевѣ была.. Градъ святой Кеевъ—тамъ въ пещерахъ тысящи праведниковъ лежатъ, и всѣ въ вѣнцахъ осіянныхъ, у всѣхъ въ рученькахъ вѣтвь пальмовая, а въ ноженькахъ—каменіе самоцвѣтное. И идешь ты по пещерамъ этимъ, и свѣту нѣтъ — а все видно, потому отъ вѣнцовъ сіяніе изливается. И въ темницахъ была я со тати и со разбойники безвинно... За благочестное странствіе свое томилася.

— Да, нонѣ строго! Всякъ человѣкъ при своемъ мѣстѣ состоять долженъ, всякому мѣсто его указано..

— Купцы въ большомъ городу за меня, старицу безсчастную, вступилися... Ну, власти земныя и выпустили рабу, и опять пошла я по землѣ крещеной... И въ Сибири была.

— А смертоубивцевъ видѣла?

— Бывало все, кормильцы... все бывало. По Волгѣ разъ... давно, въ лѣсу злого человѣка увстрѣчала—молода была тогда, ну, онъ и изобидѣлъ меня... очень онъ меня изобидѣлъ... Опять потомъ подъ Смоленскомъ... Все я, раба, снесла, все претерпѣла!

— Много ты, мать, походила?

— Много, кормилецъ, много!.. Таково-ли еще ходила, какъ молода была... Легше вѣтру буйнаго. И все-то поля, поля зеленыя, и все-то снѣга, снѣга глубокіе, бѣлые... Все-то лѣса—тѣнь безпросвѣтная... Тутъ только верхушки шумятъ надъ тобой... тишь... идешь ты, и боязно тебѣ, чтобъ на не добраго человѣка не попасть... А медвѣдь что!—И человѣка онъ ѣстъ—а странниковъ и странницъ не трогаетъ, потому на это ему предѣлъ положенъ...

Нѣсколько чаекъ спустились на снасти мачтъ... Бѣлыя, ослѣпительно сверкающія подъ лучами солнца. Рѣзкій крикъ послышался надъ ними, словно плачущій.

— Скоро и Соловки наши будутъ...

X.

Острова.

Впереди засинѣли какія-то смутныя очертанія.

Большая часть богомольцевъ столпилась на носовой части парохода. Одни стояли на колѣняхъ и молились, другіе пѣли псалмы. Религіозное настроеніе охватило даже самыхъ равнодушныхъ.

На лицахъ странницъ выражалось самое искреннее умиленіе. Однѣ плакали, другія обнимались.

— Сподобилъ Господь святынямъ помолиться!

— Угодничкамъ, Соловецкимъ праведникамъ!

— Собрать бы на молебенъ, братцы?

— Слѣдуетъ!—одобрилъ батюшка и сталъ собирать деньги въ камилавку.

А острова все выростали. Неопредѣленно синѣющія массы становились зеленоватыми. Края ихъ очерчивались все рѣзче и рѣзче; изъ неопредѣленныхъ облачныхъ формъ они принимали ясные контуры. Что-то, словно искра, сверкало тамъ, лучась и точно колыхаясь въ синевѣ неба.

— Это—куполъ, братцы; святой соловецкій куполъ!

— Краса!—замѣтилъ угловатый олончанинъ стоявшей съ нимъ рядомъ странницѣ.

Вотъ зеленоватая кайма стала еще гуще. Напряженный взглядъ различалъ уже верхушки высокихъ сосенъ.

Прямо съ островов неслась къ намъ съ рѣзкими, словно привѣтственными криками громадная стая чаекъ. Точно сотни серебрянныхъ платковъ развѣвались въ воздухѣ. Чайки кружились близъ парохода, забѣгали впередъ и вновь отставали. Одна изъ нихъ, описавъ громадный кругъ, смѣло уцѣпилась за крестъ гротъ-мачты, другая, словно камень, упала на палубу и, точно у себя дома, заходила между богомольцами. Третья очутилась на рулѣ парохода и стала чистить носомъ подъ широко распущенными крыльями.

— Чудеса этто, братъ!

— Птица и та отъ угодничковъ — встрѣчаетъ странничковъ христовыхъ... Тутъ не просто дѣло... Ишь, она, что собака, къ людямъ, ластится!

— И сподобилъ же Господь увидѣть...

А чаекъ все прибывало и прибывало. Вблизи показались въ водѣ какія-то круглыя, словно нырявшія, головы. Онѣ вмѣстѣ съ волнами то поднимались, то опускались. Ихъ было цѣлое стадо, юровье, какъ называютъ здѣсь.

— Глядь, робя, морская звѣря проявилась. Нерпой прозывается.

— Поди, человѣка дюже жретъ?

— Не... Онъ кроткій, за это ему отъ Господа два вѣка жизни положено.

— А вонъ бѣлыя головы-то... Это бѣлекъ... молодая нерпа... дите малое, неразумное.

— Тссъ!.. Сколь много чудесъ у Господа...

На кормѣ монахи пѣли молитвы. Волны все становились меньше и меньше. Солнечный свѣтъ льется мягкими полосами на крупныя вѣковыя сосны утесистыхъ береговъ. Море приняло зеленовато-голубой, почти прозрачный цвѣтъ. Громадные валуны и скалы кое-гдѣ лежатъ посреди тихихъ, никакимъ волненіемъ невозмущаемыхъ водъ. А верхушки этихъ оторванныхъ обломковъ острова уже зазеленѣли, и жалкая пока травка узорчатыми гирляндами спускается внизъ по сѣрымъ поверхностямъ гранита къ цѣлымъ массамъ водоросля, оцѣпившимъ внизу эти глыбы.

Пароходъ тихо плыветъ вдоль берега, словно въ безконечной панорамѣ развертывающаго передъ нами свои чудныя картины. То желтыя, песчаныя отмели, то зеленые откосы, то утесы, вертикально обрывающіеся внизъ... А тамъ, позади ихъ, что за ширь лѣсная, что за глушь тѣнистая.

Но вотъ одинъ поворотъ, и «Вѣра» входитъ въ зеленую бухту, въ глубинѣ которой, словно граціозный призракъ волшебнаго вешняго сна, поднимается бѣлостѣн-

ный монастырь съ высокими круглыми башнями, массою церквей, зеленые куполы и золотые кресты которыхъ легко и полувоздушно рисуются на синевѣ безоблачнаго неба.

Всѣ словно замерли. Не слышно и дыханія... доносится только крикъ морскихъ чаекъ.

Всѣ глаза устремлены на это мѣсто поклоненія... Всѣ словно ждутъ чуда и боятся пропустить его. Тихо приближается пароходъ къ обители, которая все ярче и выше поднимается передъ нами изъ голубыхъ волнъ спокойнаго моря.

«Нынѣ отпущаеши раба Твоего съ миромъ, яко видѣста очи мои спасеніе твое»!—шепчетъ рядомъ со мною старикъ и опускается на колѣни, поникая сѣдою, какъ лунь, головою.

И сколько головъ опустилось въ эту минуту, сколько рукъ творило крестное знаменіе!..

XI.

Монастырь. Гостиница. Святое озеро.

Невыразимо прелестенъ этотъ зеленый берегъ. Какое-то радостное чувство охватывало всего, когда я спускался съ пароходнаго трапа на плиты набережной. Прямо поднимались старинныя изъ громадныхъ валуновъ сооруженныя стѣны. Это—постройка циклоповъ. Нѣсколько башенъ, высокихъ, съ остроконечными павильонами на верхушкахъ, были сложены изъ тѣхъ же колоссальныхъ камней. На высотѣ, въ стѣнахъ и башняхъ чернѣли узкія щели бойницъ... Древностію, цѣлыми столѣтіями вѣяло отсюда. Тутъ все было такъ же, какъ во времена первыхъ царей московскихъ. Нѣкоторыя сооруженія напоминали эпоху господина Великаго-Новгорода... Отъ каждаго камня вѣяло былиною, каждая пядь земли попиралась героями нашей ветхозавѣтной исторіи. И теперь настолько же массивны и недоступны эти стѣны. Только вокругъ обители все

вѣетъ новою жизнью; громадное, трехъ-этажное зданіе гостиницы, доки, разводные мосты, искусственная гавань, набережная, подъемныя машины, деревянное зданіе странноприимнаго дома, разрушеннаго англійскими ядрами, слѣды которыхъ и на монастырскихъ стѣнахъ отмѣчены черными кружками; только небольшія бѣлыя часовенки на лугу передъ обителью производятъ непріятное впечатлѣніе. Эти карточныя, прямолинейныя будочки рядомъ съ каменными громадами, пережившими цѣлыя столѣтія и поражающими до сихъ поръ своимъ величіемъ, такъ и вѣютъ буржуазнымъ вкусомъ нашего вѣка, проникшимъ даже и въ эту аскетическую обитель, схоронившуюся въ бѣломорской глуши отъ всего живого и движущагося.

Изъ-за этихъ стѣнъ, созданныхъ какъ будто самою природою, золотятся кресты церквей, и мягко рисуются ихъ зеленые куполы. Рядомъ съ монастыремъ тянется зданіе лѣсопильнаго завода, а кругомъ всю эту площадь обступилъ зеленый, свѣжій, весь проникнутый изумруднымъ блескомъ, тѣнистою дремой и влажнымъ покоемъ лѣсъ. Такъ и манило туда.

Но что поразило насъ болѣе всего — это чайки. Ихъ тутъ было нѣсколько десятковъ тысячъ, по крайней мѣрѣ. Крикъ ихъ не умолкалъ ни на минуту. Ихъ, еще сѣрые, птенцы неуклюже бѣгали въ травѣ у самыхъ стѣнъ монастыря и гостиницы — каждый выводокъ въ своемъ точно опредѣленномъ участкѣ. Тутъ, въ центрахъ этихъ участковъ, матки высиживали яйца, нахально кидаясь къ богомольцамъ за подачкою. Чайка сама шла въ руки.

— Господи! Да онѣ нашихъ куръ смирнѣе...

— Отъ Бога имъ повелѣно обитель стеречь!

— Столько ли еще чудесъ тутъ повидаешь... Главное, чтобъ съ чистымъ сердцемъ!

Наконецъ, насъ позвали въ гостиницу, содержимую очень хорошо монастыремъ. Это красивое трехъ-этажное зданіе. Черезъ просторныя сѣни мы вступили въ корридоръ, посрединѣ котораго была большая комната, куда насъ всѣхъ пригласили. Тутъ каждый, прежде чѣмъ по-

лучить нумеръ, долженъ былъ записать, сколько и какихъ именно молебновъ ему требуется; при этомъ уплачиваются и деньги по установленной таксѣ. Простой молебенъ стоитъ 35 коп., молебенъ съ водосвятіемъ 1 р. 50 коп. Заплативъ деньги и получивъ взамѣнъ ихъ марки, мы поднялись наверхъ. Крестьянамъ и кто одѣтъ не совсѣмъ чисто, отводится нижній этажъ, гдѣ въ большихъ комнатахъ помѣщается въ каждой около 20 или 25 человѣкъ. Средній этажъ, отдѣланный безукоризненно, съ высокими и просторными комнатами, предназначается чиновникамъ—отъ тайнаго совѣтника и выше до коллежскаго регистратора включительно—и купечеству, которое поприличнѣе. Наверху, въ небольшихъ комнатахъ, по 4—5, помѣщаются разночинцы. Понятно, что всѣ эти градаціи отличаются по платью.

Комнаты средняго этажа оклеены обоями, въ остальныхъ просто выбѣлены. Вездѣ диванъ, стулья, столъ и кровать съ матрацами. Болѣе ничего не полагается. Разумѣется, тотчасъ же по прибытіи, богомольцы потребовали самоваровъ. Въ каждомъ корридорѣ, въ комнатѣ іеромонаха, завѣдывающаго имъ, имѣется нѣсколько громадныхъ вдѣланныхъ въ стѣну самоваровъ, откуда кипятокъ разливается въ большіе чайники на потребу странникамъ...

Видъ изъ оконъ гостиницы на монастырь и бухту—великолѣпенъ. Особенную прелесть придаютъ ему прозрачность воздуха, туманная кайма отдаленныхъ лѣсовъ и необыкновенная, почти южная, синева неба... Чудный уголокъ выбрали себѣ соловецкіе монахи. Тутъ бы хотѣлось видѣть многолюдное населеніе съ звонкимъ смѣхомъ дѣтей, рѣзвящихся въ зелени луговъ, съ улыбками и пѣснями красивыхъ женщинъ, съ косарями не въ клобукахъ и рясахъ.

— Что теперь, братцы, дѣлать слѣдуетъ?

— Отецъ іеромонахъ (корридорный), куда теперь?

— Теперь первымъ дѣломъ въ Святое озеро—купаться!

— Святое?.. Чудодѣйствуетъ, значитъ?

— Великая отъ него сила и въ недугахъ исцѣленіе!

И цѣлая ватага вышла изъ гостиницы. Я послѣдовалъ за ними.

Окаймленное лѣсомъ Святое озеро — почти чернаго цвѣта. Одною своей стороной оно примыкаетъ къ стѣнамъ обители. На немъ устроены двѣ купальни—мужская и женская. Мы вошли... Кто-то заговорилъ; его остановили.—Не знаешь, кое это мѣсто? Тутъ, можетъ, кольки святыхъ купалось?..

Воцарилось общее молчаніе. Всѣ раздѣлись.

— Крестись, робя... Главное съ вѣрою... Господи, благослови... Нну—вали, шутъ съ тобой!—И темныя тѣла грузно плюхнули въ воду. Всѣ плескались серьезно, точно исполняя религіозный обрядъ. Одинъ взялъ въ пригоршень воды и благоговѣйно выпилъ ее, другой крестился по груди въ водѣ, третій читалъ молитву. Вода была далеко нечиста. Мутная, но мягкая... Въ дверяхъ купальни показался монахъ.

— Благослови, батюшка!—Потянулись къ нему голыя руки.

— Мнѣ не даю еще... Господь благословитъ. Каково плавали?

— Потрясло... Дюже трясло!

— Это отъ Господа. Чтобъ грѣхи свои вѣдали и помышленія нечистыя у вратъ обители сложили!

— Рай земной теперича обитель святая ваша... Помогаетъ, говорятъ, вода-то?

— Отъ нутряныхъ болѣстей хорошо дѣйствуетъ!—твердилъ монахъ.

— Возьму-ко-сь... въ бутылочку для хозяйки. У нея нутро палитъ!

— Не воспрещено, возьми!

Монахъ вышелъ. Всякій, оставляя воду, крестился; какъ-то непривычно было видѣть голыхъ богомольцевъ, клавшихъ земные поклоны на узкомъ помостѣ, окружавшемъ бассейнъ.

Освѣженные, мы вышли, и тотчасъ же намъ кинулся въ глаза синій, темно-синій и какой-то блестящій на этотъ разъ морской просторъ, ласково охватывающій этотъ островъ. Прямо передъ монастыремъ изъ зеркальной глади поднимались небольшіе островки и утесы, увѣнчанные часовнями и елями.

XII.

Іеромонахъ-огородникъ.

Возвращаясь послѣ купанья, я случайно наткнулся на монастырскіе огороды. Между грядами копался главный огородникъ, малорослый, горбатый, колченогій, но съ удивительно добрымъ выраженіемъ неказистаго лица. Ватный черный клобукъ былъ вздернутъ на затылокъ, и какъ-то па бекрень. Монахъ любопытно оглядывалъ насъ, видимо, одолѣваемый охотою поразговориться съ живымъ человѣкомъ. При мнѣ онъ съ тремя даровыми работниками изъ годовыхъ богомольцевъ дѣятельно трудился надъ грядами. Тутъ росли: лукъ, капуста, картофель, огурцы, морковь, рѣдька. Это подъ 65° с. ш., а еще говорятъ, что огородничество невозможно въ Архангельской губерніи. Несмотря на неблагопріятное лѣто —холодное и сухое, овощь шла превосходно.—Мы разговорились.

— Я вячкой. Изъ крестьянъ. Крѣпостнымъ былъ— теперь іеромонахъ. Вотъ огородомъ заправляю... Что-жъ, поживите у насъ, мы гостямъ очень ради. Очень мы гостей любимъ, потому одичаешь безъ человѣка вовсе... Помолитесь угодничкамъ. Было время, у насъ и пѣли хорошо. Хоръ на славу былъ—да непригоже монастырю этимъ заниматься. Новый настоятель уничтожилъ пѣніе это. Теперь, какъ батька сказалъ: прекратить, такъ и бросили. Самое пустынное пѣніе у насъ нонѣ...

— Зачѣмъ же было уничтожать пѣвчихъ?

— Не подобаетъ монаху о красѣ клирнаго моли

словія заботиться. Просто, пустынно пѣть надо. Чтобы слухъ не занимало. Въ міру—дѣло другое...

— Каковы огороды у васъ?

— Огороды у насъ первый сортъ. Ничего въ городу не покупаемъ. Все, что нужно монастырю, здѣсь есть. Отъ сиверка мы лѣсомъ защитились. Одначе, и Господь помогаетъ, потому у насъ хозяева такіе, угодные ему—Зосима и Савватій. Хорошіе хозяева, блюдутъ свой домъ и стадо свое охраняютъ!

— Неужели вамъ и въ міръ никогда не хочется?

— Правду скажу тебѣ, не какъ иные прочіе, что отъ міра открещиваются, а сами душой къ нему стремятся,—не привлекаетъ насъ міръ, а почему, хочешь знать? Потому что всѣ мы изъ крестьянъ, и было у насъ въ міру, въ Рассеѣ, житье куда горькое. Что въ немъ—въ міру-то—грѣхъ одинъ. Ежели помышленія блудныя и одолѣваютъ, сдѣлаешь сотни двѣ земныхъ поклоновъ—все отойдетъ... А бѣсъ соблазняетъ... какъ не соблазнять, все бываетъ. А только Господь хранитъ, потому велика Его милость и покровъ Его надъ нами!

— Неужели въ монастырѣ мало монаховъ изъ духовнаго или изъ чиновниковъ?

— А, пожалуй, и двадцати не насбираешь. Да и не надо грамотныхъ намъ. Работать не работаютъ, а смута одна отъ нихъ... Грамотности не требуется. Соблазну меньше, мы вѣдь здѣсь по простотѣ!

— А всѣхъ-то сколько?

— Съ послушниками—поди, сотъ пять будетъ. Много насъ; сказано—обитель святая... Други милые, вы поотдохните немножко,—ласково обратился онъ къ работникамъ.—Чайки только одолѣваютъ насъ. Расподлая птичка. Страсть, какъ она огороды клюетъ. Мы было вересомъ обсаживать стали—не помогаетъ. Лисицъ у насъ много, повадились тѣ яицы у чаекъ ѣсть; что-жъ бы ты думалъ? Чайки-то подкараулили и выклевали глаза у лисицъ!

— Будто?

— Вѣрное мое слово. Она птичка умная. У ней

всякой свое мѣсто есть, которая съ яйцами или птенцами. Всякая мать свою округу имѣетъ а другія уважаютъ это. Сторонняя чайки ни за что на ея землю не зайдетъ, издали перекрикиваются.

— А съ чего это онѣ пароходъ встрѣчаютъ?

— Тучей летятъ. Это онѣ не праходъ, а богомольчей; какъ заслышатъ свистокъ, такъ и летятъ: потому богомольчи прикармливаютъ ихъ, онѣ и любятъ. Нонѣ, батька, велѣлъ лисицъ разводить, чтобы чаекъ уничтожить, потому одолѣли!

А между тѣмъ, несмотря на нелюбовь монаховъ, чайки придаютъ этому монастырю особенно поэтическій оттѣнокъ. Бѣлыя стаи ихъ безпрестанно кружатся въ воздухѣ, описывая громадные и красивые круги надъ старинными стѣнами. Рѣзкій крикъ ихъ, когда къ нему попривыкнешь, а это бываетъ въ первый же день, кажется даже пріятнымъ для уха. Онъ немолчно раздается въ монастырѣ и днемъ, и ночью. Въ немъ есть что-то радостное, задорное, возбуждающее. Да и что за красивая птица сама чайка! Серебристо-бѣлая, граціозная, она великолѣпна, когда, широко разбросивъ крылья, сверкаетъ высоко надъ вами, кокетливо ныряя въ синемъ небѣ. Хохлатые, большеголовые, сизые и сѣрые птенцы ихъ также не лишены нѣкоторой красивой неуклюжести. Они по цѣлымъ часамъ стоятъ, уставясь носомъ въ землю и разсуждая о чемъ-то весьма глубокомысленно.

Мы невольно любовались хорошо содержимыми огородами.

— У насъ еще въ Макарьевской и Савватьевской пустыняхъ огороды есть. Арбузы, дыни, персики и разную нѣжную ягоду въ теплицахъ разводимъ; потому краснобаевъ у насъ мало, зато работниковъ да знающихъ людей много. Всякій свое дѣло несетъ. Со всѣхъ концовъ Россіи къ намъ сходятся, ну, мы и присматриваемся, что гдѣ лучше, такъ и дѣлаемъ!

Обращеніе іеромонаха - огородника съ рабочими - мірянами было почти нѣжно. Эту черту потомъ мы замѣчали у всѣхъ монаховъ. Они, дѣйствительно, братски отно-

сятся къ забитому и загнанному крестьянину. Оно и понятно. Почти всѣ монахи вышли изъ этой среды; произнося обѣты отрѣченія отъ жизни, они не могли окончательно порвать всѣ связи съ своимъ прошлымъ. Имъ не разъ вспоминается томительная безкормица далекаго, снѣгомъ занесеннаго села, гдѣ съ утра до ночи надъ непосильною работою изводятъ свои силы ихъ матери, братья и сестры. Отсюда любовь къ богомольцу-рабочему. Несладка жизнь послѣдняго дома, и его пребываніе въ монастырѣ—мирный отдыхъ. Повсюду его встрѣчаетъ братская ласка, привѣтное слово, улыбка. Ихъ иначе не называютъ, какъ—други, голубчики, кормильцы. Крестьянинъ оживаетъ здѣсь и бодро смотритъ впередъ, мечтая, рано или поздно, войти въ эту добрую рабочую семью въ качествѣ ея полноправнаго члена. Кромѣ того, надо отдать справедливость соловецкимъ монахамъ, они и сами ѣдятъ хлѣбъ въ потѣ лица своего. Они трудятся, какъ дай Богъ трудиться каждому міранину. Монахъ, напримѣръ, огородникъ своимъ рабочимъ подаетъ первый примѣръ труда; онъ не ограничивается ролью наблюдателя, но самъ прикладываетъ руки къ дѣлу, возится въ грязи и, въ концѣ-концовъ, сдѣлаетъ больше всякаго богомольца. Такъ у нихъ вездѣ. Поэтому хозяйство ихъ цвѣтетъ, и монастырь, помимо своего аскетическаго значенія, имѣетъ всѣ признаки хорошей рабочей общины. Даже намѣстники работаютъ, какъ простые чернорабочіе, исполняя разныя «послушанія», не говоря уже о разныхъ іеромонахахъ, которые, кромѣ мантіи, надѣваемой въ церковь и за трапезу, ничѣмъ не отличаются отъ прочихъ иноковъ.

XIII.

Кузница и горны.

— Хозяйство у насъ основательное. Монастырь—хозяинъ хорошій. Все свое. Посмотри, посмотри, намъ даже оно и пріятно, если любопытствуютъ. Все во славу оби-

тели святыя. Посмотри литографію нашу, да кожевню, заводы, да мало ли чего у насъ нѣтъ. Не перечтешь. А это вотъ наша кузница будетъ!

Кузницей заправляютъ два монаха. При нихъ съ десятокъ годовыхъ богомольцевъ.

— Что это за двухъ-этажное зданіе?

— Для огородниковъ. Вонъ тамъ дома—тоже въ два этажа выведены—годовые богомольцы живутъ!

Мы отправились осматривать кузницу.

Скрипя, отворилась желѣзная дверь. Насъ обдало запахомъ каменнаго угля. Громадное черное помѣщеніе кузницы, словно подземелье, охватило насъ мракомъ, который не могли разсѣять даже закоптѣвшія, продѣланныя въ стѣнѣ окна. Въ темнотѣ передъ нами высились какія-то массы, неподвижные силуэты, столбы. Полъ весь былъ заваленъ кучами угля. Въ самомъ глухомъ углу, тлѣвшій въ горнѣ огонь тускло сверкалъ. Лѣтомъ работы бываетъ мало—монастырь занятъ богомольцами.

— Зимой зато кипитъ дѣло. Зимой мы ото всего свѣту отрѣзаны. По морю плавать нельзя—льды, мы тутъ по душѣ и живемъ. Ни надъ нами, ни подъ нами никого. Молимся Богу да работаемъ. А работа, извѣстно,—та же молитва... Хорошо у насъ зимою... Никуда бы не ушелъ!

— Будто бы такъ никуда не хочется отсюда? И молодые не рвутся въ міръ?

— Молодые?—Монахъ призадумался.—Бываетъ, дѣйствительно, кто изъ купечества, да изъ благородныхъ въ монахи идутъ... Тѣ тоскуютъ .. Тѣ шибко тоскуютъ. Измаются, особливо ежели весною; какъ это снѣга почнутъ таять, да подъ сугробинками ручьи побѣгутъ, такъ, словно потерянные, ходятъ. А какъ море очистится, такъ стоятъ по бережкамъ, да въ синь широкую глядятъ, иной мается, мается, плачетъ... Въ лѣса пойдетъ—пѣсни поетъ. Хорошія бываютъ пѣсни, не духовныя. Измаемся, глядя на нихъ. Другой первое время ничего, слюбится... А потомъ, годковъ черезъ пятокъ, и потемнѣетъ весь.

Находитъ это на нихъ. Только вѣдь изъ купцовъ да изъ дворянъ у насъ мало. Все больше крестьянство; ну, тѣмъ легко, тѣ ради. Работаютъ, да Господа Бога славятъ!

— У другого, пожалуй, семья; по ней тоскуетъ!

— Былъ одинъ. Жена молодая, сказываютъ, у него въ Питерѣ оставлена. Тотъ, бывало, лѣтомъ ляжетъ на лугъ да и смотритъ по цѣлымъ часамъ на небо. Подойдешь къ нему—не слышитъ, только слезы текутъ, да про себя шепчетъ что-то,—дьяволъ смутьянитъ. Изъ этихъ больше и выходятъ настоящіе схимники... Какъ онъ преодолѣетъ себя,—такъ словно закаменѣетъ совсѣмъ человѣкъ. И лицо такое неподвижное станетъ, и глаза потухнутъ. Слова ты и него тогда не допросишься. Въ себя уйдетъ человѣкъ, все молитвы читаетъ, да поклоны бьетъ. Отъ этихъ у пользы монастырю мало. Плохіе они работники... А вотъ и наши кузничныя печи!

Жутко было тутъ, въ этомъ черномъ подвалѣ. Откуда-то смутно доносился говоръ, а здѣсь стояла мертвая недвижимая тишина. Зато необыкновенный эффектъ должна производить эта громадная кузница зимою. Кругомъ нея мракъ, тяжелый, сырой мракъ, а въ ней ярко блистаютъ багровые огни, слышится стукъ молотовъ, и сыплются цѣлые потоки яркихъ, серебряныхъ искръ.

— Это у насъ крестьянинъ одинъ устроилъ... Спаси, Господи, его душу... Наверху и кузнецы наши живутъ...

Тутъ, кромѣ пароходныхъ машинъ, монахи дѣлаютъ ножи, косы, топоры, короче—все, что нужно въ ихъ обиходѣ; желѣзо для этого покупается пока въ Архангельскѣ и Норвегіи, но уже при мнѣ монахи собирались добывать его, устроивъ заводъ въ Кемскомъ уѣздѣ, гдѣ болотная желѣзная руда находится въ изобиліи и гдѣ, къ сожалѣнію, до настоящаго времени она никѣмъ не разработывается. Явился какой-то аферистъ, пруссакъ, разорилъ мѣстныхъ крестьянъ, да и былъ таковъ.

XIV.

Монашеская школа.

День былъ свѣтелъ и ярокъ. Такъ и манило въ лѣса, окружавшіе обитель, въ ихъ прохладную глушь и тьму. Синее море нѣжно охватывало острова, едва подернутое легкою, чуть замѣтною рябью. Мы шли между двумя рядами деревянныхъ двухъ-этажныхъ зданій, внѣ монастырскихъ стѣнъ. Въ однихъ помѣщались рабочіе, въ другихъ мастерскія. Между ними одно намъ кинулось въ глаза,—это зданіе школы. Лѣстница вела въ большія прохладныя сѣни. Внизу было пусто. Наверху—корридоръ. Налѣво—рядъ небольшихъ дверей, числомъ съ 25, направо—просторныя комнаты двухъ классовъ.

Ни души живой. Только гдѣ-то густымъ басовымъ голосомъ жужжала муха, да смутно, сквозь запертыя окна, слышались крики чаекъ. Мы стали пробовать двери—не отперта ли какая-нибудь. Наконецъ, одна пріотворилась. Оказалась маленькая каморка шаговъ пять въ длину и три въ ширину. Тутъ на узенькой кровати спалъ старикъ-монахъ. Мы его разбудили. «Можно осмотрѣть школу»?

— Сейчасъ!—заторопился тотъ.. — Ключи... Гдѣ это ключи дѣвались?

Школа устроена для мальчиковъ, которые на зиму при монастырѣ остаются. Ихъ учится здѣсь до ста. Тутъ въ этихъ каморкахъ они и живутъ.

— Ну, однако, и тѣсновато имъ!

— Да, вѣдь, они тутъ только ночуютъ. Утро—на работѣ, потомъ трапезуютъ, опосля по дворамъ бѣгаютъ, въ лѣса уходятъ—кто во что. А вечеромъ въ школу!

— И давно школа открыта у васъ?

— Въ шестьдесятъ-второмъ. Архимандрита Парѳенія—усердіемъ. Я тутъ сторожемъ состою.

Мы вошли въ школу. Большая комната, черныя нары, кафедра. На стѣнахъ развѣшаны старинныя карты. На

окнѣ самодѣльный, по вѣрный глобусъ, по словамъ монаха, сдѣланный однимъ изъ мальчиковъ.

— На карту посмотрѣлъ, посмотрѣлъ, да и сдѣлалъ шаръ-отъ по картѣ!

Мы посмотрѣли и, дѣйствительно, подивились. Сколько для крестьянскаго мальчика надо было потратить соображенія и труда, чтобы сдѣлать этотъ глобусъ. И подумать, что всѣ его способности должны пропасть безплодно—въ стѣнахъ монастыря: грустное чувство охватывало насъ при этой мысли.

На стѣнѣ была табличка уроковъ: оказалось, что ежедневно на классъ посвящается отъ 2—3 часовъ времени. Привожу росписаніе уроковъ цѣликомъ:

1. Понедѣльникъ: Законъ Божій. Чтеніе св. писанія; 2. Вторникъ: Исторія ветхаго и новаго Завѣта 3. Среда: объясненіе Богослуженія. 4. Четвергъ: упражненіе учениковъ въ чтеніи молитвъ подъ руководствомъ всѣхъ наставниковъ вмѣстѣ. 5. Пятница: исторія церкви и государства русскаго. Географія. Ариѳметика. 6. Воскресенье: письмоводство.

И такъ, только два часа въ недѣлю опредѣлено на русскую исторію, географію, ариѳметику. Затѣмъ все остальное время занято чисто духовными предметами. Понятно, что такая школа, при ласковомъ обращеніи съ учениками монаховъ, приготовляетъ изъ дѣтей будущихъ кандидатовъ въ обитель. Тутъ они проникаются до мозга костей аскетизмомъ и духомъ монастырской общины. Возвращаясь домой, въ свои города, села и деревни, они спятъ и видятъ, какъ бы опять поскорѣе попасть въ монастырь, и уже навсегда.

— Наказываютъ монахи учениковъ?

— Чудно это дѣло, братецъ мой: безъ розги обходятся—а дѣти шибко учатся. Чтобъ это кто лѣнился—николи! Дѣтки такое усердіе имѣютъ, что другъ передъ дружкой стараются!

— Много идетъ ихъ въ монастырь потомъ?

— Всѣ, почитай; рѣдкій не вернется въ обитель. Потому духъ этотъ почіетъ въ нихъ!

— И молодыми поступаютъ?

— Да, подросточками. Годковъ по шестнадцати, по семнадцати *)...

Кромѣ этого класса, есть еще младшій, гдѣ учатъ молитвамъ, чтенію и письму. Цѣлесообразно вообще направляетъ монастырь свою дѣятельность. Мальчикъ является сюда забитымъ и запуганнымъ. Дома онъ голодалъ, былъ плохо одѣтъ, томился на работѣ; дома—грязь, нищета, пьянство отца; дома онъ слышитъ общія жалобы: недоимка одолѣла, становой притѣсняетъ, старшина куражится, староста пропилъ казенныя деньги—всякъ отвѣчай за него своимъ карманомъ; дома деревенскій мальчикъ растетъ, какъ волченокъ, чуя за собою постоянную травлю, видя, что та же травля одинаково преслѣдуетъ и взрослыхъ.

Въ монастырѣ онъ разомъ сталкивается съ инымъ міромъ, съ иною, привольною жизнью. Тутъ его никто не бьетъ. Съ нимъ обращаются мягко, даже нѣжно. Старики-монахи смотрятъ на него, какъ на свое дитя. Потребность любить пробуждается въ старческомъ сердцѣ аскета, и онъ серьезно привязывается къ крестьянскому мальчику, какъ къ родному. Товарищи, войдя въ общій тонъ обители, обращаются съ нимъ ласково. Онъ всегда сытъ: изобильный обѣдъ, ужинъ; хлѣба, мяса и рыбы въ волю; ѣшь до отвала. Первое время, дѣйствительно, онъ только ѣстъ да спитъ. Одѣтъ онъ опрятно и чисто. Бѣлье ему мѣняютъ въ недѣлю по два раза, нѣтъ своего подрясника—ему выдадутъ новый изъ монастырской рухлядной кладовой. На работѣ его не томятъ. Работай, сколько можешь, сколько есть усердія, потому что эта работа не на хозяина, а на св. Зосиму и Савватія. Грязи, нищеты не видать нигдѣ. Пьяныхъ и подавно. Жалобъ на судьбу, недоимку, подать и повинности не

---

*) Въ послѣднее время мѣры, принятыя Св. Пр. Синодомъ, посократили значительно случаи поступленія въ монастырь такого громаднаго количества послушниковъ, какъ прежде. *Прим. авт.*

слыхать; короче — приволье, рай земной, обѣтованная для крестьянскаго забитаго ребенка.

Понятно, что несчастный мальчуганъ въ восторгѣ отъ обители. Это для него—идеалъ земного счастія и благополучія. Чего еще искать, куда еще идти? А тутъ на помощь является школа, гдѣ каждый день ему твердятъ о великомъ подвигѣ спасенія, о грѣховности міра, о невозможности сохранить душу свою внѣ предѣловъ обители. Умъ его настраивается на монашескій ладъ. Онъ совершенно становится монахомъ. Пропадаетъ рѣзвость движеній, гаснетъ смѣлый взглядъ, рѣсницы опускаются внизъ, шаги становятся размѣренными, самая рѣчь подъ вліяніемъ школы дѣлается похожею на церковно-славянскую. Годъ такой жизни—и будущій монахъ готовъ. Что его удержитъ въ мірѣ? Любовь къ семьѣ? Но въ этой семьѣ онъ видѣлъ брань, колотушки, холодъ и голодъ. Стремленіе къ брачной жизни? Онъ еще не доразвился физически до этого. Онъ и идетъ въ монастырь, считая величайшимъ для себя счастіемъ попасть туда. Обитель становится его отечествомъ, его вѣрою, его жизнью. Это—самый лучшій монахъ. Онъ много работаетъ и мало разсуждаетъ. Не умѣетъ руководить и приказывать—зато слѣпо повинуется самъ. Отсюда понятно недоброжелательство монаховъ къ чиновникамъ, дворянамъ, купцамъ, поступающимъ въ обитель. Эти, пожалуй, не подчинятся строгой дисциплинѣ, на которую тѣ смотрятъ, какъ на легкое бремя, и даже не какъ на бремя, а какъ на легкую и пріятную обязанность. Эти станутъ разсуждать, станутъ сѣять соблазны въ ихъ средѣ. Да, наконецъ, и въ прошломъ этихъ прозелитовъ столько свѣтлаго, что они никогда не съумѣютъ порвать съ нимъ свои связи. Отсюда тоска, заражающая другихъ, недовольство и, наконецъ,—чего монахъ особенно не любитъ—оставленіе монастыря, растриженіе.

Впрочемъ, въ Соловкахъ послѣднее случается очень и очень рѣдко.

XV.

Самородки.

Въ трапезной Соловецкаго монастыря я видѣлъ картины художниковъ-самоучекъ. Первыя ихъ произведенія обнаруживали яркій талантъ, послѣднія бывали безжизненны, сухи, бездарны. Явился было одинъ мальчикъ, подававшій большія надежды. Его ученическіе эскизы дышали смѣлостію, чутьемъ художественной правды. Даже монахи были поражены ими. Обитель послала подростка въ Москву, въ художественную школу. Тамъ юный талантъ окончилъ курсъ и вернулся въ монастырь. Рисунки этого періода его жизни—хороши. Но по всѣмъ послѣдующимъ можно прослѣдить, какъ подъ вліяніемъ аскетизма, мертвенности, неподвижности, застоя жизни, гасъ его талантъ. Линіи рисунка выпрямляются, выраженіе лицъ становится все болѣе сухимъ, иконописнымъ. А хоть тотъ же мальчикъ, сообразившій, какъ по ландкартамъ сдѣлать глобусъ? Развѣ не скрывался въ немъ талантъ? Къ сожалѣнію, и онъ погибъ для жизни и науки! Вотъ, напр., разсказъ одного монаха.

— Привезъ къ намъ инокъ брата своего, зырянскаго мальчика. Оставилъ въ монастырѣ. Пугливъ мальченка былъ. Привели его въ классъ, показали азбуку—къ вечеру онъ ужъ и знаетъ ее. А черезъ два дня самъ читать сталъ. И что ему ни показывали, все понималъ разомъ. Книги читать началъ—не оторвешь, бывало. Мѣсяца черезъ четыре лучше монаховъ все священное писаніе зналъ. Память такая, что прочтетъ страницу, и все разскажетъ слово въ слово. Взялъ библію на славянскомъ языкѣ и на латинскомъ, словарь взялъ (одинъ монашекъ, изъ поповъ, помогъ ему), черезъ три мѣсяца ужъ и латынь зналъ. Задачи какія ариѳметическія — разомъ понялъ. Учителя своего втупикъ ставилъ. Задастъ, бывало, учителю задачу, тотъ бьется-бьется надъ ней, а зырянинъ смѣхомъ рѣшитъ. Любознательности у него гибель было. Ничего мимо не

пропуститъ. Такихъ способностей я на вѣку своемъ не видывалъ. Просто умъ помутится, какъ поговорить съ нимъ. Такой ли острый парень! Ну, только и предсказывали мы ему, что долго не проживетъ. Потому Господь не даетъ такимъ долгаго вѣка. Пробовали его отъ книгъ отваживать, на черную работу посылали—мигомъ покончитъ работу и опять за книгу. Мастерство завелъ—деревянные часы своимъ умомъ сдѣлалъ. Потомъ монастырь весь, до малѣйшей подробности изъ хлѣба слѣпилъ. Все для подъема воды колеса разныя придумывалъ. Братъ, бывало, отниметъ у него книгу—выпроситъ со слезами и опять читаетъ. Такъ года два или три шло. Просто мы диву дались. Однако знали, что не къ добру это... Уговаривали его бросить — засмѣется въ отвѣтъ, да и только. А въ это время пріѣхало къ намъ важное лицо, ему и показали этого мальчика, потому—чудо. Только въ нашей обители и могутъ проявиться такіе. Подивился и тотъ: часа два говорилъ съ мальчикомъ, задавалъ задачи, какія у насъ и не снились никому; думали, смутится парень—ничего. Все рѣшаетъ, и быстро такъ. Велѣли ему ѣхать въ Питеръ, тамъ его въ какое-то училище опредѣлили. Что же бы вы думали—въ три года онъ на двѣнадцати языкахъ говорилъ. Къ брату писалъ оттуда. А потомъ слухъ прошелъ, что послали его въ Парижъ на всемірную выставку, тамъ на выставкѣ этой и померъ.

— Отчего же онъ умеръ?

— Потому въ монастырѣ у насъ—строго. Въ Питерѣ братъ тоже своимъ его препоручилъ, въ оба за нимъ глядѣли. Ну, а въ Парижѣ во вся тяжкія пустился, отъ женщинъ, отъ блудницъ вавилонскихъ этихъ, и сгорѣлъ. Вотъ она судьба! А остался бы въ монастырѣ, доселѣ былъ бы живъ во славу обители. Очень мы его жалѣли. Извѣстно, міръ—въ немъ спасенія нѣтъ. Кто изъ монастыря туда уйдетъ—сгніетъ, какъ червь. Богъ такимъ не даетъ долгаго вѣка—не посрамляй обитель святую!

Стою я какъ-то у берега Святаго озера. Было это вечеромъ, на третій день моего пріѣзда въ Соловки. Солнце

уже заходило. День не становился темнѣе, потому что въ это время здѣсь ночи нѣтъ. Но изъ лѣсу уже ползла сырая мгла. На водѣ погасли искры, и вся ея гладь лежала, какъ тусклая сталь, съ береговъ опрокинулись въ нее силуэты темныхъ сосенъ. Прямо передо мною черезъ озеро поднимались стѣны монастыря. Гулкій звонъ колоколовъ только что замеръ въ воздухѣ, а ухо, казалось, еще слышало послѣдніе удары. Сердце невольно рвалось куда-то.

Вижу, ко мнѣ робко подходитъ молодой монахъ изъ послушниковъ. Мы заговорили.

— У меня къ вамъ дѣло есть!—И онъ замялся.

— Сдѣлайте одолженіе: радъ служить, чѣмъ могу!

— Правда, что вы пишите въ газетахъ и журналахъ? Мнѣ братъ одинъ сказалъ.

— Правда!

— Ахъ, давно я хотѣлъ повидать кого-нибудь изъ писателей. Я тоже (онъ покраснѣлъ) стихи пишу. Только не знаю, что выходитъ. Дрянь, должно быть... А, можетъ, и есть что!

Меня поразила симпатичная наружность этого юноши. На блѣдномъ лицѣ его ярко сверкали крупные черные глаза, волоса роскошными прядями обрамливали высокій лобъ, какое-то болѣзненное чувство тоски лежало въ каждой чертѣ его лица, въ каждомъ движеніи проглядывало что-то робкое, какая-то неувѣренность въ себѣ.

— Какъ вы сюда попали?—наконецъ спросилъ я.

— Это невеселая исторія,—началъ онъ.—Стоитъ ли только разсказывать?.. Любилъ я дѣвушку одну... Ну, и она тоже... Чудо дѣвушка была. Года два такъ шло. Вдругъ родители взяли, да и выдали ее за какого-то пьяницу-чиновника силкомъ, потому они тоже чиновники были, ну, а я изъ мѣщанъ. Чуть я не утопился тогда. Прошло мѣсяца три—она возьми, да и убѣги ко мнѣ. Отняли съ полиціей. Побоевъ сколько было!.. Вынесла, бѣдная, немало и... заболѣла чахоткою,—черезъ силу про-

говорилъ онъ какимъ-то надорваннымъ голосомъ.—Проболѣла недолго. Весною, съ первымъ листикомъ, и Богу душу отдала... И въ гробу, точно живая, лежала... Что было со мною—не знаю. Сталъ я ходить на ея могилу; только и счастія было, что поплачешь надъ ней... Ну, а какъ пришла зима, да занесло все снѣгомъ, такая меня тоска тогда обуяла, что порѣшилъ я бросить все и уйти въ монастырь. Лѣтомъ и пошелъ сюда пѣшкомъ... А какое созданіе славное было... Знаю, что большой грѣхъ думать объ этомъ, да ужъ съ вами душу отвелъ!

— Вы учились гдѣ-нибудь?

— Гдѣ учиться. До четвертаго класса гимназіи дошелъ, да оттуда отецъ силой взялъ—въ лавку надо было!

— Что же вы пишите?

— Стихи. Я, признаться, и въ міру стихи писалъ. Да то—другое дѣло!

— Пробовали вы посылать куда-нибудь?

— Куда?.. И то хоронюсь. Неприлично это монаху!

— Неужели вы думаете постричься окончательно?

— А то какъ? Тамъ мнѣ нечего дѣлать. Здѣсь хоть за ея душу молиться стану!

Онъ прочелъ мнѣ свои стихотворенія. Они были необработаны, риѳма не совсѣмъ удачна; размѣръ не соблюденъ—но какая сила выраженія, какіе яркіе образы! Талантъ такъ и звучалъ въ каждой строкѣ ихъ. Они были проникнуты чувствомъ великой скорби. Только порою въ нихъ отчаянно прорывался бурный, бѣшенный порывъ измученной души. Тоску они навели на меня. Жалко было видѣть такое дарованіе схоронившимся въ монастырѣ.

Всѣ мои убѣжденія были напрасны.

— Перстъ Божій!—твердилъ онъ.—Да и что изъ меня будетъ тамъ... Въ мірѣ нѣтъ спасенія!

XVI.

Кожевня и кирпичный заводъ.—Экономическое положеніе монастыря.

Нужно отдать Соловецкому монастырю справедливость. Это хорошій работникъ и хозяинъ. Начиная съ намѣстниковъ и членовъ собора, здѣсь работаютъ всѣ и каждый. Часто іеромонахъ справляетъ черную работу и не претендуетъ на это. Онъ только совершаетъ «послушаніе». Сюда стекаются изъ разныхъ концовъ Россіи. Тутъ есть монахи съ Кавказа, изъ-за Волги, изъ Западнаго края, изъ Крыма, изъ Сибири, изъ Турціи. Всякій приноситъ съ собою какое либо знаніе, кто по хозяйству, кто по механикѣ. Оттого въ монастырѣ вездѣ, гдѣ возможно, ручной трудъ замѣненъ машиною, и непремѣнно мѣстнаго изобрѣтенія. Даже вода въ гостинницы и монастырь не разносится носильщиками, а поднимается въ каждый этажъ посредствомъ ловко и удобно устроенныхъ воротовъ. Никто не долженъ находиться въ бездѣйствіи—вотъ принципъ этой аскетической рабочей коммуны.

— Да вѣдь у васъ, поди, полѣниваются работать?

— А надзиратели-то наши!

— Какіе надзиратели?

— Св. Зосима и Савватій невидимо присутствуютъ. Ихъ не обманешь—все видятъ. На нихъ, вѣдь, работаемъ, они наши хозяева. Повсечасно памятуемъ это. Опять же не забываемъ, что только труждающійся да ястъ...

Монахъ идетъ на работу безпрекословно. Ни недовольства не выскажетъ, ни о замѣнѣ его другимъ не попроситъ. Этому особенно способствуетъ то, что $^5/_6$ всего числа иноковъ больше крестьяне и только $^1/_6$ изъ другихъ сословій. Первые и внѣ стѣнъ монастыря привыкли работать и работать впроголодь.

— Разъ какъ-то я стѣну работалъ и затомился, такъ затомился, что руки поднять не могу. А хотѣлось стѣну вывести, не откладывая до другого раза. Ну, и сталъ я

на колѣни, сдѣлалъ нѣсколько земныхъ поклоновъ, помолился святому Зосимѣ-Савватію, и вдохнули хозяева наши силу въ меня. До самаго до вечеру безотходно работалъ. Стѣну и окончилъ!

Монахи имена святыхъ Зосимы и Савватія произносятъ, какъ одно имя: Зосимсавватій.

Понятно отсюда, какъ развилась въ Соловецкомъ монастырѣ такая производительность, какая не снится и Архангельску. Здѣсь строятъ пароходы, чинятъ ихъ, литографируютъ, дубятъ кожи, приготовляютъ кирпичи; тутъ есть фотографія, финифтщики, золотильщики, ювелиры, сапожники, портные, башмачники, восковщики, механики, скотоводы, сыровары, строители, архитекторы; тутъ есть магазины, великолѣпныя хозяйственныя помѣщенія, кладовыя, квасныя и пекарни; монастырю принадлежатъ два парохода и морская шкуна, на которой монахи ловятъ рыбу и промышляютъ звѣря вдоль береговъ Мурманскихъ, въ сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ. Тутъ есть рѣзчики, столяры, кузнецы, гончары, коневоды, огородники, опытные садовники, живописцы, даже золотопромышленники. Короче,—отрѣзанный въ теченіе 8-ми мѣсяцевъ отъ всего остального міра, Соловецкій монастырь ни въ комъ не нуждается и ничего нигдѣ не покупаетъ, а все, что ему необходимо, производитъ самъ, кромѣ хлѣба, крупъ и каменнаго угля.

Эта кипучая дѣятельность производитъ поразительное впечатлѣніе на людей, видѣвшихъ такія обители, каковы Троицко-Сергіевская, Юрьевская и др., не труждающіяся и не обремененныя, но все же вкушающія отъ плодовъ земныхъ въ изобиліи.

Соловки прежде вываривали до 400,000 пуд. соли на бѣломорскихъ берегахъ Кемскаго и Онежскаго уѣздовъ; кромѣ того, въ первомъ они разработывали желѣзо, серебро на Мурманѣ и отправляли промысловыя партіи на Новую Землю. Такимъ образомъ, эта рабочая община исторически выработала свои настоящія формы. Разумѣется, благосостоянія, удивляющаго теперь богомольцевъ,

они не достигли бы своими средствами исключительно. Тутъ отчасти важное значеніе имѣли приношенія богатыхъ крестьянъ архангельскихъ, олонецкихъ, вологодскихъ, вятскихъ и пермскихъ и особенно обиліе даровыхъ рабочихъ рукъ. Добровольныхъ работниковъ-богомольцевъ остается въ монастырѣ на годъ не менѣе четырехсотъ человѣкъ. Считая каждый рабочій день въ 30 коп. (minimum), мы получимъ сумму, остающуюся въ пользу монастыря, — 120 руб. въ день или 43,800 руб. въ годъ. Считая число мальчиковъ во 100, и принимая, что рабочій день каждаго станетъ 10 к., или всѣ 10 р. въ день и 3,650 р. въ годъ окажется, что даровой трудъ приноситъ обители— 47,450 руб. Ежегодно по разсчету монастыря у нихъ перебываетъ до 15,000 богомольцевъ. Считая, что каждый изъ нихъ принесетъ въ монастырь по 10 р. (minimum), а обойдется монастырю въ 2 р. (maximum), получимъ 120,000 руб. Часовня обители, находящаяся въ Архангельскѣ, подворья, гдѣ квартиры, лавки и кладовыя отдаются въ наймы, приносятъ ежегодно 10,000 руб., да пароходы около 15,000 руб. Итого, кромѣ неопредѣленныхъ, чрезвычайныхъ пожертвованій, вкладовъ и т. п., монастырь имѣетъ ежегоднаго, правильнаго неизбѣжнаго дохода около 200,000 р. Процентовъ съ принадлежащихъ ему капиталовъ монастырь, какъ мы слышали, получаетъ 25,000 руб. Прибавьте, что для себя Соловки покупаютъ только хлѣбъ въ Архангельскѣ и каменный уголь въ Англіи, что все необходимое производится здѣсь и въ такомъ излишкѣ, который допускаетъ продажу на сторону, достигающую 30,000 р., и вы тогда сообразите, насколько богата эта община. Тѣмъ не менѣе, истинныя средства ея выше показанныхъ нами. Монастырь своею работою содержитъ себя самъ. Онъ могъ бы легко обойтись и безъ всѣхъ этихъ рессурсовъ, которые только увеличиваютъ его фонды, неподвижные, не пускаемые въ обороты, его лежачій капиталъ. Если бы обратить въ деньги движимое и недвижимое имущество монастыря, т. е. самые острова, составляющіе его собственность (грамоты Мареы Посад-

пицы, Іоанна IV Грознаго и пр.), строенія, скиты, пароходы, суда, доки, всѣ его производительныя заведенія фабрично-заводскаго характера, его церкви, ризницу, часовни, его табуны и стада, его подворья въ другихъ мѣстахъ, то получилась бы сумма навѣрно превышающая 10.000,000 руб. И все это цвѣтетъ, всѣ производства совершенствуются и расширяются. Вотъ краткій очеркъ экономическихъ средствъ монастыря. И это развилось въ глуши, посреди негостепріимнаго Бѣлаго моря, безъ всякаго участія грамотныхъ, образованныхъ классовъ, среди горсти крестьянъ, пріявшихъ иноческій чинъ и съумѣвшихъ въ теченіе четырехъ столѣтій обратить голые соловецкіе камни въ чудные оазисы, поразительные своею оригинальною красотою, богатствомъ и производительностію.

Прежде средства монастыря были еще значительнѣе. Несмотря на улучшеніе путей сообщенія на сѣверѣ устройствомъ пароходства по рѣкѣ Сѣверной Двинѣ,—обѣднѣніе нашего крестьянства дошло до той степени, что оно отразилось и на доходахъ монастыря. Прежде не только богомольцевъ было больше (до 25.000 чел.), но и приношенія дѣлались чаще и крупнѣе. Такъ, еще недавно, какъ мы слышали, цифра такихъ приношеній доходила до 280.000 р. Разумѣется, всѣ эти данныя только приблизительно вѣрны, но ихъ достаточно для общихъ заключеній.

— Оскудѣваетъ усердіе къ святой обители! — жаловался мнѣ старый сѣдой монахъ, опираясь на костыль.

— Духъ времени!

— Не духъ времени, а духъ вольномыслія, духъ погибельный, духъ зла...

— Работать нынче много приходится, все дорого, а средствъ мало. Обѣднѣли!

— А обѣднѣло все потому, что ослабѣло усердіе къ благолѣпію храмовъ Божіихъ. Вѣра оскудѣваетъ. Отъ князя власти воздушныя все. Послѣднія времена приходятъ. Крестьяне и тѣ скупятся на приношенія!

— Да, вѣдь, и они до голода доходятъ...

— Прежде слѣпая вѣра была—оттого и нищеты той не замѣчалось. Нынѣ разумомъ своимъ величаются и оскудѣваютъ!

— Что-жъ, послѣдній кусокъ нести въ монастырь?

— Зачѣмъ послѣдній... Господь подастъ: ты принесешь свой даръ обители, домой вернешься—а тебѣ, можетъ, за это ангелъ Господень нивѣсть какое богатство подастъ!

— Ну, на это мало надежды!

— Враны пророка питали въ пустынѣ!

Кожевня помѣщается въ двухъэтажномъ каменномъ домѣ; какъ и большая часть здѣшнихъ производительныхъ заведеній, она бываетъ въ дѣйствіи только восемь зимнихъ мѣсяцевъ. Четыре мѣсяца навигаціи, когда монастырь посѣщается богомольцами, она стоитъ безъ дѣла. Въ кожевнѣ работаютъ одинъ монахъ и шестеро рабочихъ изъ богомольцевъ; выдѣлываютъ здѣсь до 8.000 штукъ однѣхъ нерпичьихъ кожъ; кромѣ того, тюленьи, моржовыя, оленьи и коровьи. Тутъ-же и кельи работающихъ въ кожевнѣ людей. Кожевня приноситъ монастырю немалый доходъ, какъ и все устроенное у себя монахами. Валовой оборотъ ея равняется 50.000 р.

Отсюда мы вышли и углубились въ лѣсъ.

— Все это, — объяснялъ путеводитель, — когда-то сплошнымъ болотомъ было. Монастырь осушилъ острова, и теперь, кромѣ нѣсколькихъ луговъ, нарочно оставленныхъ, нигдѣ топкаго мѣста не найти. Луга и тѣ посередь островов больше, да въ Анзерахъ. Вездѣ прорыты канавки!

Меня тутъ поразило обиліе незабудокъ и такихъ цвѣтовъ, которые не встрѣчаются въ Архангельскомъ, Холмогорскомъ и Шенкурскомъ уѣздахъ, несмотря на то, что они гораздо южнѣе Соловокъ. Роскошная растительность послѣднихъ носитъ на себѣ отпечатокъ сѣверной природы. Тутъ есть, между прочимъ, великолѣпные лѣса, изъ-подъ почвы которыхъ постоянно прорѣзываются гребни гранитныхъ утесовъ.

Монастырь имѣетъ свой кирпичный заводъ. Тутъ ежегодно заготовляется до 400.000 шт. кирпича, и какого, кирпича! Прочность его необыкновенна, и отъ времени онъ пріобрѣтаетъ крѣпость желѣза. Каждый кирпичъ вѣситъ 16-ть фунтовъ, и гораздо крупнѣе нашихъ. Изъ него выстроены всѣ позднѣйшія зданія, какъ, напримѣръ, гостиница — громадный трехъэтажный домъ, возведенный въ три мѣсяца, при чемъ надъ постройкой трудился самъ архимандритъ. Кирпичъ для этого строенія заготовлялся три года. Въ кирпичномъ заводѣ работаютъ около 20-ти человѣкъ съ пятью монахами. Онъ прекрасно содержится.

Нельзя отрицать, что жизнь въ монастырѣ для годовыхъ богомольцевъ-рабочихъ имѣетъ свою полезную сторону. Часто, т. е. почти всегда, крестьянинъ является сюда ни къ чему не подготовленнымъ. Работая здѣсь, онъ присматривается къ разнымъ хозяйственнымъ приспособленіямъ, упрощеніямъ, и дома у себя старается примѣнить видѣнное. Когда я проѣзжалъ Олонецкую губернію, то въ большомъ селеніи Юксовичи удалось мнѣ видѣть необыкновенно чистыя конюшни, особенно весьма выгодный и практическій способъ содержанія скота и нѣкоторые необычные въ крестьянскомъ хозяйствѣ пріемы. Разспросивъ старика-крестьянина, я узналъ, что село обязано этимъ — Соловецкому монастырю, въ которомъ перебывала, въ качествѣ добровольныхъ рабочихъ, большая часть населенія этого круга.

Особенно выгодно пребываніе въ монастырѣ отзывается на мальчикахъ, если, разумѣется, оставить въ сторонѣ склонность къ аскетизму и монашеству, выносимую отсюда. Они пріѣзжаютъ домой ремесленниками, или вообще производителями другого рода. Знанія эти даютъ имъ возможность упрочить свое экономическое положеніе; здѣсь-же они привыкаютъ къ опрятности и строгому порядку, — двумъ добродѣтелямъ, рѣже всего встрѣчающимся въ нашемъ крестьянствѣ.

———

XVII.

Каналы, лѣса и дороги.

Монахи умѣютъ пользоваться мѣстностью.

По склону, едва замѣтному, нѣкогда бѣжалъ ручей изъ одного внутренняго озера въ другое. Тонкая струя воды—и только. Казалось, она ни къ чему и не пригодна. Какой-то послушникъ расчистилъ берегъ ручья, углубилъ его ложе и выровнялъ его: незначительный истокъ обратился въ узенькій каналъ.

Я поднялся вверхъ по его теченію; монастырь и тутъ не упустилъ случая воспользоваться силою воды и устроилъ въ одномъ мѣстѣ точильню, на другомъ пунктѣ водоподъемную машину. Точильня состояла изъ большого ворота, движимаго водою. Діаметръ его $1^1/_2$ сажени. Воротъ стоитъ вертикально. Его дугу охватывали ремни, которые затѣмъ, перекрещиваясь, раздѣлялись на два, къ каждому изъ нихъ было прикрѣплено большое точильное колесо. Вслѣдствіе движенія воды въ каналѣ, воротъ вращался и въ свою очередь, посредствомъ ремня, вертѣлъ два точильныхъ колеса. Передъ послѣдними устроены были скамьи, на которыхъ при насъ сидѣли точившіе косы и топоры монахи. Механизмъ до крайности простъ, удобенъ и выгоденъ. Въ день такая точильня можетъ выточить болѣе 300 косъ, 450 топоровъ — и сколько хотите ножей. Ея одной достаточно на городъ средней руки. Надъ точильнею—домъ, чисто содержимый и весьма опрятный. Зимою, когда канава замерзаетъ, воротъ приводится въ движеніе механическою силой. Эта точильня—изобрѣтеніе крестьянина, прожившаго здѣсь годъ и, кажется, оставшагося въ монастырѣ навсегда.

Солнечный свѣтъ мягко обливаетъ зеленую мураву сухого луга. Безоблачное небо синѣло надъ нами, напоминая необыкновенно прозрачною лазурью своей дальній югъ. По окраинамъ словно замерли гигантскія сосны и бѣлыя березы, протянувъ недвижныя вѣтви въ свѣтъ и

тепло яркаго лѣтняго дня. Мы шли все вверхъ по теченію канала.

Новое зданіе каменное, большое:—это водоподъемная машина.

Мы вошли. Родъ сарая; посрединѣ несложнымъ механизмомъ вода подымалась вверхъ на высоту четырехъ аршинъ, лошадь съ бочкою подъѣзжала подъ кранъ, которымъ заканчивался жолобъ, и струя отвѣсно падала сверху. И легко, и просто, и удобно. А главное—сокращаетъ рабочую силу, замѣняя ее механической. Въ сарай влетѣла чайка и спокойно сѣла на край жолоба.

— Кто это строилъ у васъ?

— Монахъ одинъ... Изъ крестьянъ. Хорошо придумалъ!

— Да, хорошо!

— Все отъ угодниковъ. Ихъ заступленіемъ; не оставляютъ обители—домъ свой... Потому, здѣсь вси труждающіеся и обремененные. Шелковъ, да бархатовъ, какъ въ иныхъ прочихъ монастыряхъ, не носимъ!

Дѣйствительно, соловецкій монахъ — всегда и вездѣ является въ одной и той-же рясѣ изъ толстаго и грубаго сукна. Простое холщевое бѣлье, крестьянскаго покроя, сапоги-бахилы изъ нерпичьей кожи—одинаковы у всѣхъ, у намѣстника и у простого послушника. Черныя, грубыя мантіи дополняютъ костюмъ. Роскоши нигдѣ незамѣтно.

И какой здоровый, коренастый народъ—соловецкіе монахи! Все это люди сильные, незнакомые съ недугами. Оригинальную картину представляетъ здѣшній инокъ, когда съ засученными по локоть рукавами, клобукомъ на затылкѣ и подобранной спереди рясой, онъ большими шагами выступаетъ, съ крестьянской перевалкой и присѣданіями, по двору обители. Это тотъ-же самый хлѣбопашецъ, только переодѣтый въ рясу. Съ однимъ изъ такихъ подвижниковъ мы отправились въ лѣсъ.

По обѣ стороны дороги лежали громадные валуны. За ними недвижно стояли лѣсные гиганты. Оттуда вѣяло свѣжестью и прохладой. Мы вошли въ эту тѣнистую

глушь. Высоко надъ нами переплетались могучія вѣтви, мягкій дернъ устилалъ всѣ промежутки между деревьями. Что это были за прямые стволы! Порою изъ-подъ почвы выступала острымъ краемъ сѣрая масса гранита. Кое-гдѣ цѣлыя скалы торчали въ глуши, плотно охваченныя молодою порослью. Земля была холмиста. На верхушкахъ пригорковъ поднимались купы сосенъ, протягивая далеко на югъ свои вѣтви. Сѣверная сторона этихъ великановъ была обнажена. Деревья, росшія внизу, распростирали во всѣ стороны одинаково свои сучья. Ихъ не достигалъ грозный сѣверный вѣтеръ. И какія чудныя озера были разбросаны въ глуши этихъ лѣсовъ, чистыя, прозрачныя, какъ кристаллъ. Невольно приходило въ голову сравненіе ихъ съ красавицей, лѣниво раскинувшейся въ зеленой ложбинѣ. Кругомъ нея стоятъ ревнивыя сосны— а она нѣжится въ лучахъ яркаго солнца, отражая въ бездонной глубинѣ своихъ чудныхъ очей и это синее небо, и эти жемчужныя тучки!.. Тутъ все дышетъ идилліей, все навѣваетъ блаженныя грезы, все говоритъ о далекомъ миломъ краѣ, гдѣ намъ было такъ хорошо, весело и отрадно, о прекрасномъ, безконечно прекрасномъ краѣ, гдѣ царствуетъ вѣчная весна, о свѣтломъ краѣ воспоминаній, имя которому—юность!..

И какъ становится досадно, когда встрѣчаешь кругомъ только сѣрыя, аскетическія лица!..

А прозвучи здѣсь громкая, вдохновенная пѣсня, проникнутая всею нѣгой потрясеннаго страстью сердца, этотъ призывъ неудержимо рвущейся куда-то человѣческой души—и какъ волшебно прекрасенъ показался-бы этотъ идиллическій міръ, съ его лѣсною глушью и свѣтловодными озерами!..

На этихъ поразительно живописныхъ берегахъ какъ мила была-бы любящая пара, вся проникнутая довѣріемъ къ будущему, золотыми мечтами юности, радужными надеждами на счастье...

И развѣ это счастіе не было-бы лучшею молитвою, чистѣйшимъ славословіемъ, хвалебною пѣснію сердца?..

Побродивъ съ часъ по лѣсу, мы опять вышли на дорогу, ведущую назадъ къ монастырю. Соловецкія дороги замѣчательно хороши. Прямыя, плотно убитыя щебнемъ, достаточно широкія, онѣ во всѣхъ направленіяхъ перерѣзываютъ острова, свидѣтельствуя о предусмотрительной энергіи монаховъ. Какъ любилъ я бродить по нимъ, когда спадетъ полуденный зной, и тихая прохлада вѣетъ изъ лѣсу, съ зеркальнаго простора озеръ, съ синѣющаго безбрежнаго моря... Да, это прекрасный уголокъ земли, лучшая часть нашего далекаго сѣвера. Къ сожалѣнію, теперь здѣсь нельзя остаться даже на лѣто больному, потому что острова Соловецкіе принадлежатъ монастырю и тамъ негдѣ жить постороннему.

«Рай—наши Соловки!»—говорятъ монахи.

«Господь своимъ инокамъ предоставилъ ихъ, чтобъ здѣсь на землѣ еще видѣли, что будетъ даровано праведникамъ тамъ, на томъ свѣтѣ».

«Одно плохо, хлѣба не родитъ наша пустынь блаженная!»—дополняли третьи, болѣе практическіе.

XVIII.

Отецъ Авраамъ *).

Я забрелъ въ Благовѣщенскій соборъ рано утромъ. Меня тамъ почти оглушилъ шумъ многихъ голосовъ раздававшихся отовсюду. Двадцать три іеромонаха одновременно служили молебны. Стоя близъ служившихъ, нельзя было различить отдѣльныхъ словъ. Это былъ какой-то хаосъ выкрикиваній, звуковъ, пѣнія. Поминутно являлись новые богомольцы, и семи-восьми человѣкамъ заразъ, отбирая у нихъ поминанія, священникъ торопливо служилъ молебны. Деньги за молебны запрещено давать въ руки іеромонахамъ. Сначала покупается билетъ на молебенъ (простой 35 к., съ водосвятіемъ 1 р. 50 к.);

*) Имя измѣнено.

съ нимъ богомолецъ является въ соборъ, предъявляетъ его священнику, который уже затѣмъ начинаетъ службу...

— Сколько вы такимъ образомъ отслужите молебновъ въ одно утро?

— Всѣ вмѣстѣ — пятьсотъ случается. Бывало, и по шестисотъ удавалось. Все зависитъ отъ того, сколько богомольцевъ!

Говорившій со мною былъ приземистый, коренастый монахъ, только-что снявшій ризу. На крупномъ четырехъугольномъ лицѣ его бойко и умно смотрѣли нѣсколько вкось прорѣзанные глаза; густые сѣдые волосы обрамливали львиною гривою лобъ. На скуластомъ лицѣ отражалось выраженіе крайняго самодовольства. Еще-бы! Приходилось отдохнуть послѣ сорока молебновъ.

— Вы не изъ Архангельска-ли? — спросилъ онъ у меня:—Знаете Ф. и Д.?—Онъ назвалъ знакомыхъ.

— Какъ-же,—хорошо знаю!

— Ну, такъ пойдемъ ко мнѣ чай пить. Побесѣдуемъ, давно я не бывалъ въ Архангельскѣ!

Я съ удовольствіемъ принялъ его приглашеніе. До тѣхъ поръ мнѣ не удавалось видѣть внутреннюю обстановку. Пройдя двумя дворами, обставленными высокими зданіями келій, я воспользовался случаемъ поразспросить его о хозяйствѣ монастыря, и перечислилъ при этомъ только-что видѣнныя мною мастерскія.

— Ну, а чугунно-литейный заводъ видѣли? И восковой, и смолокурню не осматривали?.. Все у насъ есть. Главное, Господь невидимо покровительствуетъ. Чудодѣйственная сила во всемъ, куда ни посмотри!—И коренастый монахъ съ гордостью оглянулся кругомъ.

Мы вошли въ келью.

Бѣдная, выбѣленная комната. Прямо между двумя окнами налой. Два табурета, столъ, комодъ и кровать. Кстати вспомнилъ я, какъ соблюдаютъ обѣты бѣдности іеромонахи другихъ монастырей; сравненіе было не въ пользу послѣднихъ...

— Что, у васъ всѣ такъ живутъ?

— Нѣтъ,—самодовольно отвѣтилъ старикъ.—У меня попросторнѣй, да и посвѣтлѣе. А, впрочемъ, житіе пустынное, настоящее монашеское житіе. Развѣ мы нѣмецкіе пасторы или польскіе ксендзы, чтобы роскошничать?.. Пасторъ и польскій ксендзъ, а по нашему — попъ, и я попъ, а между нами разница, потому мы не отъ міра сего!

Отецъ Авраамъ безцеремонно снялъ рясу, шаровары и сапоги и очутился въ рубахѣ и нижнемъ бѣльѣ. Въ одинъ мигъ монахъ преобразился въ вологодскаго крестьянина. Такъ онъ и присѣлъ къ столу.

Засѣли мы за чай. Пошла бесѣда. Я спросилъ о библіотекѣ монастыря.

— Книгохранилище наше теперь опустѣло. Всѣ рукописи старинныя въ Казанскій университетъ мы отправили!

— Зачѣмъ вы ихъ отдали?—спросилъ я.

— Какъ зачѣмъ? Да вѣдь у насъ онѣ, что камни лежали. Кому ихъ разбирать. Вѣдь у насъ—пользоваться не умѣютъ. Теперь-же тамъ хоть что-нибудь извлекутъ. Мы и послали на свой счетъ. Теперь читаю кое-что, вижу и изъ нашихъ рукописей есть. Оно и пріятно, что нашлись умные люди.

— Неужели-жъ у васъ никого не было?

— Некому у насъ въ монастырѣ. И члены-то собора нашего, и мы всѣ—мужики. Крестьянское царство тутъ. Наше дѣло работать въ потѣ лица своего. Шестьсотъ манускриптовъ послали мы. Все старинныя самыя рукописи... Тутъ-бы ихъ или мыши, или черви съѣли. Не до того намъ. И некому, говорю тебѣ—некому!

— Ну, а библіотека ваша пополняется?

— Нѣтъ. Читать некому. Все-же есть кое-что. Недавно я вопросомъ о соединеніи церквей занялся. Много источниковъ нашелъ. Интересно было послѣ работы почитать!

И отецъ Авраамъ принялся излагать настоящее положеніе этого вопроса, такъ что я сталъ втупикъ. «Ошибся,—думаю,—этотъ вѣрно изъ духовныхъ».

— Давно вы въ монастырѣ?—спрашиваю.

— Сорокъ лѣтъ. Я изъ мужиковъ вѣдь. Изъ самыхъ изъ крѣпостныхъ. Какъ-то помѣщикъ честно отпустилъ меня помолиться въ Соловки. Я какъ попалъ сюда — и выходить не захотѣлъ. Потомъ бѣжалъ, скрывался, ну, а теперь кое-что могу понимать!

Изъ разговора оказалось, что отецъ Авраамъ вологжанинъ. На родинѣ у него и теперь сестры, которымъ онъ помогаетъ.

Бесѣда его обнаруживала большую начитанность и знаніе. Умъ проглядывалъ въ каждомъ выраженіи, въ каждомъ приводимомъ имъ аргументѣ. Это—находчивый и бойкій діалектикъ. Ко всему этому неизбѣжно примѣшивалось чувство нѣкотораго самодовольства. Вполнѣ, впрочемъ, законное чувство; «подивись-ка ты, ученый, какъ тебя со всѣмъ твоимъ университетскимъ образованіемъ простой мужикъ загоняетъ». Онъ съ особеннымъ удовольствіемъ при случаѣ ссылался на свое происхожденіе, выражая кстати, что достаточно пустить въ монастырь двадцать пять дворянъ, чтобы вся производительность, все благосостояніе обители рушилось:—дурной примѣръ—соблазнъ. «У насъ столъ грубый, одежда грубая,—тѣ начнутъ заводить свои порядки—и все пойдетъ прахомъ. Оттого мы неохотно принимаемъ въ нашу среду чиновниковъ».

— А что, одолѣваетъ скука? Хочется въ міръ, отецъ Авраамъ?

— Отчего?.. Никогда не томитъ. Не зоветъ туда. Ну, впрочемъ, два мѣсяца было. Доселѣ не забылъ. Я ужъ лѣтъ пятнадцать состоялъ. Лѣтомъ какъ-то разъ стою у пристани и пріѣхали къ намъ богомолки, да богомольцы. Кто-то изъ нихъ и запой пѣсню. Такъ я и дрогнулъ. Точно съ той пѣсни что у меня въ сердцѣ оборвалося... Даже похолодѣлъ весь... Едва-едва въ келью добрался. Какъ пластъ на полъ упалъ, да до вечера и пролежалъ такъ... На другой день еще хуже... Все пѣсни въ головѣ... Хожу по лѣсу, начну псаломъ—а кончу пѣсней.

Бью поклоны въ соборѣ, а въ глазахъ не иконы—поле зеленое, село родимое... Садъ барскій, да рѣка синяя внизу излучиной тянется... а по за рѣкой степь, наша степь, и по ней низко-низко туманъ виснетъ; не колышется, только въ ширь ползетъ, разстилается. Слезы, бывало, по лицу такъ и катятся... До того доходило, что бѣжать изъ монастыря думалъ... Да, слава Господу, опамятовался. Пошелъ къ архимандриту и въ самую тяжкую работу попросился. Мѣсяца полтора прошло такъ, что вечеромъ, какъ придешь домой въ келью, такъ, не доходя кровати, въ углу свернешься, шапку подъ голову, и до утра—словно мертвый... Отошло тогда... Больше не бывало. Извѣстно, Господь испытывалъ!

— А бывали такіе что не выдерживали такихъ испытаній?

— Бывали, какъ не бывать! Малодушіе это, ну, дьяволъ и пользуется шепчетъ въ уши и передъ глазами живописуетъ. Не соблюдешь себя и сгинешь, какъ червь. Одинъ въ монастырѣ у насъ на что пустился, чтобы рясу сбросить: донесъ слѣдователю, что-де онъ убійство совершилъ. Ну, его въ острогъ въ Архангельскъ, стали справки собирать—никакого такого убійства и не бывало. Ну, его изъ монастыря и выключили. Что же-бы ты думалъ—съ вина человѣкъ черезъ годъ сгорѣлъ...

— Кстати, правда ли, что разсказывалъ архимандритъ Александръ о своей поѣздкѣ на англійскіе корабли во время осады монастыря?

— Должно быть, у Максимова читали? Просто англичане потребовали сдачи монастыря—имъ и отказали. У насъ одному монаху въ виду непріятеля пришлось за порохомъ въ Архангельскъ отплыть!

— И удалось?

— Еще бы. Крестъ за это получилъ. Ему дали лодку и отпустили. Въ три дня онъ въ городъ попалъ. И погоня была. Ко дну пустили бы, еслибы поймали. Онъ и причастился передъ поѣздкой. Вѣдь на смерть шелъ. Впрочемъ, и монастырь-то защищался не для сбереженія

своихъ сокровищъ. У насъ однѣ стѣны оставались. Всѣ драгоцѣнности, деньги, документы, даже ризы съ образовъ были отправлены въ Сійскій монастырь на храненіе. А англичане сильно добирались до насъ. Стрѣляли. Бомбы внутри зданій разрывались. Ну, и Господь показалъ свое чудо: не токмо человѣка не убило и не ранило— ни одной чайки, ни одного яйца птичьяго не тронуло. Чайки же и задали англичанамъ Какъ тѣ стали палить —онѣ и поднялись. Тысячами налетѣли на непріятеля, да сверху-то корабли ихъ и самихъ англичанъ опакостили... Умная птица!

— Ну, а мужество духа, бодрость, дѣйствительно были обнаружены монахами, какъ писалъ Александръ?

— И этому не вполнѣ вѣрь. Перетрусили нѣкоторые до страсти, упали на землю и выли. Да и какъ не спужаться—мы народъ мирный, наше дѣло молитва да трудъ, а не сраженіе. Такого страха и не увидишь нигдѣ. Да вотъ спроси у о. Пимена—онъ былъ въ то время!

Я обратился къ только-что вошедшему о. Пимену. Это былъ высокій, худой монахъ съ длинною сѣдою бородой, сгорбленный, едва передвигавшій ноги. Онъ подтвердилъ, что дѣйствительно монахи очень тогда «испужались».

— Вотъ какое у нихъ мужество было. Человѣкъ пятьдесятъ порѣшительнѣе было!

— Что же, когда изъ Архангельска возвратились съ порохомъ?

— Къ тому времени англичане ужъ домой убрались. Раньше-то мы не запаслись. Заднимъ умомъ крѣпки!

— Какъ не спужаться,—продолжалъ старикъ. Поди, если попадетъ — ноги тоже протянешь. Бомба, она не пожалѣетъ, у ней разуму нѣтъ... Нешто она понимаетъ, въ кого летитъ. У ней всѣ виноваты!

Разговаривая съ монахами, я не разъ убѣждался, какъ фанатически привязаны они къ своей обители. Простые послушники съ озлобленіемъ отзываются о каждой попыткѣ мѣстной администраціи вмѣшаться въ ихъ дѣла.

Монахи, когда имъ предлагали отсюда ѣхать настоятелями въ другіе монастыри, заболѣвали отъ отчаянія и умирали. Это своего рода тоска по родинѣ. Добровольно изъ нихъ не выѣзжаетъ никто. А между тѣмъ къ этому средству еще недавно прибѣгали архимандриты, чтобы отдѣлаться отъ надоѣдавшихъ имъ, или почему бы то ни было непріятныхъ имъ монаховъ.

«Въ другихъ обителяхъ, правда, богато живутъ, рясы шелковыя носятъ, да у насъ все лучше. У насъ настоящее пустыножительство»...

Обитель для нихъ отечество. Она замѣняетъ имъ все— семью, родину.

«У васъ въ Рассеѣ»,—говорятъ монахи. «Завтра назадъ въ Россію ѣдете?»—Ну, какъ у васъ въ Россіи народъ живетъ?»—«То въ Россіи, а то у насъ!»

XIX.

Соловецкая тюрьма и ея арестанты.

Соловецкій монастырскій острогъ вмѣстѣ съ Суздальскимъ ёдва ли не послѣдніе остатки стараго времени, ужасовъ, когда-то пугавшихъ нашихъ предковъ и получившихъ на страницахъ исторіи свое мѣсто.

Сколько крови пролилось на эти сырыя, холодныя плиты, сколько стоновъ слышали эти влажныя, мрачныя стѣны! Какимъ холодомъ вѣетъ отсюда, точно въ этомъ душномъ воздухѣ еще стелется и расплывается отчаяніе и скорбь узниковъ, тѣла которыхъ давно истлѣли на монастырскомъ кладбищѣ. Невольный трепетъ охватывалъ меня, когда я вступалъ въ ограду этой исторической темницы. Князья, бояре, митрополиты, архіереи, раскольоучители, крамольники томились когда-то за этими черными, насквозь проржавѣвшими рѣшетками. Сотнями свозили сюда колодниковъ со всѣхъ сторонъ Россіи. Тутъ всегда страдали за мысль, за убѣжденіе, за пропаганду. Цари московскіе часто ссылали сюда своихъ при-

ближенныхъ. Петръ наполнялъ кельи этого острога людьми, не преклонявшимися предъ его желѣзной волей. Измученные, часто прямо отъ пытки, съ вырѣзанными языками и ноздрями, сюда отправлялись искатели истины, за заблужденія на пути этого исканія. Одиночество, суровыя условія жизни ожидали ихъ здѣсь, вплоть до могилы или новаго мученичества. Расколоучители иногда отсюда посылались внутрь Россіи, гдѣ ихъ живьемъ сожигали въ деревянныхъ срубахъ. Это была наша старорусская инквизиція. Соловецкая тюрьма, когда къ ней приближаешься, кажется такою же громадною, многоэтажною гробницей, откуда вотъ-вотъ покажутся, открывъ свои незрячія очи и потрясая цѣпями, блѣдные призраки прошлаго. Суевѣрный страхъ охватываетъ васъ когда вы входите въ узкую дверь темницы, за которой тянется вдаль черный корридоръ, словно щель въ какой-то каменной массѣ.

Снаружи, передъ вами, ряды узкихъ оконъ. Порою въ нѣкоторыя выглянетъ блѣдное-блѣдное лицо... Нѣтъ, это галлюцинація!.. Тройные ряды рамъ и рѣшетокъ едвали пропускаютъ свѣтъ въ одинокую келью заключеннаго.

Кто попалъ въ Соловецкій острогъ, тотъ позабытъ цѣлымъ міромъ. Онъ схороненъ заживо. О немъ не вспомнитъ никто. Пройдетъ двадцать, тридцать, сорокъ лѣтъ—онъ увидитъ только лицо своего сторожа. Тутъ содержатся преступники противъ вѣры. Теперь здѣсь лишь два арестанта. Кромѣ того, живутъ въ тюрьмѣ двое «не въ родѣ арестантовъ» по оффиціальной номенклатурѣ.

На меня тюрьма произвела отвратительное впечатлѣніе. Эта сырая каменная масса внутри сырой каменной стѣны переноситъ разомъ за нѣсколько вѣковъ назадъ. Жутко становилось мнѣ, когда я подходилъ къ ней. На лѣсенкѣ у входа сидѣло нѣсколько солдатиковъ. Для двухъ арестантовъ содержатся здѣсь двадцать-пять солдатъ съ офицеромъ.

— Что, братцы, можно осмотрѣть тюрьму?

Всѣ переглянулись; молчаніе. Явился старшой. Оказалось, что арестантовъ видѣть не позволяется... Они помѣщены въ верхнемъ корридорѣ; но остальные корридоры видѣть можно.

Я вошелъ въ первый. Узкая щель безъ свѣта тянулась довольно далеко. Одна стѣна ея глухая, въ другой —нѣсколько дверей съ окошечками. За этими дверями мрачныя, потрясающе мрачныя темничныя кельи. Въ каждой окно. Въ окнѣ по три рамы, и между ними двѣ рѣшетки. Все это проселенѣло, прокопчено, прогнило, почернѣло. День не броситъ сюда ни однаго луча свѣта. Вѣчныя сумерки, вѣчное молчаніе.

Я вошелъ въ одну изъ пустыхъ келій. На меня пахнуло мракомъ и задушающею смрадною сыростію подвала. Точно я былъ на днѣ холоднаго и глубокаго колодца.

Я отворилъ двери другой кельи—и удивился. Въ этой черной дырѣ комфортабельно помѣстился жидокъ—фельдшеръ мѣстной команды. Онъ былъ, какъ у себя дома. Въ третьей жилъ фельдфебель. Второй корридоръ этажомъ выше—то же самое.

— Тутъ никако нѣтъ?

— Есть, только «не родѣ арестантовъ». Добровольно сидятъ.

«Кто рѣшится жить добровольно въ такой ужасной трущобѣ?» и я вошелъ къ одному изъ этихъ странныхъ узниковъ. Передо мною оказался высокій высохшій старикъ. Какъ лунь, сѣдая голова едва держалась на плечахъ. Глаза смотрѣли безсмысленно, губы что-то шептали. «Арестантомъ то же былъ когда-то. Ему ужъ сто-два года»—пояснилъ солдатъ.—Что же, онъ освобожденъ?

Оказалось, что лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ этого старика посадили въ Соловецкую тюрьму и позабыли о немъ. Только лѣтъ двадцать назадъ вспомнили — и онъ былъ освобожденъ. Когда ему объявили объ этомъ—было уже поздно. Старикъ помѣшался за это время. Его вы-

вели изъ тюрьмы, онъ походилъ-походилъ по двору, глупо и изумленно глядя на людей, на деревья, на синее небо, и воротился назадъ въ свою темничную келью. Съ тѣхъ поръ онъ не оставлялъ ея. Его кормятъ, даютъ ему одежду, иногда водятъ его въ церковь. Онъ подчиняется всему, какъ ребенокъ, и ничего не понимаетъ. Гдѣ-то у него осталась семья, но во все продолженіе своего заточенія ни онъ о ней, ни она о немъ ничего не слышала. Какая печальная жизнь! Что можетъ сравниться съ этимъ!

Другой узникъ, помѣщавшійся рядомъ и тоже добровольный, былъ высокій, крѣпкій, красивый человѣкъ, съ окладистою русою бородою. Это бывшій петербургскій палачъ, пожелавшій, по окончаніи своего термина, постричься въ монастырѣ. Соловецкіе монахи не отказались принять его, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ предварительно, пока они присмотрятся къ нему, нѣсколько лѣтъ прожилъ у нихъ въ тюрьмѣ. Какое странное сближеніе: палачъ и монахъ. Этотъ узникъ совершенно доволенъ своею судьбою. Онъ замаливаетъ старые грѣхи, вѣруя въ искупленіе. Сила, чисто рабочая сила его не пропадетъ для монастыря даромъ. Изъ него будетъ хорошій каменотесъ или носильщикъ, а Соловкамъ ничего больше и не надо.

— Ну, а наверхъ рѣшительно нельзя? — спросилъ я у солдатика. Оказалось, что строго запрещено новымъ архимандритомъ.

— При старомъ капитанъ, что сидятъ здѣсь, ходили вездѣ. Ихъ и въ кельи монашескія пущали, по лѣсамъ, по лугамъ. Ну, а какъ новый вступилъ, сейчасъ ихъ высокоблагородіе заперли, и никого къ нимъ не пущаютъ... Они ничего, ласковы, я допрежъ съ ними въ лѣсъ хаживалъ вмѣстяхъ!

— Что-жъ онъ дѣлаетъ?

— Чудной человѣкъ и больше ничего. Изъ себя жида изображаютъ. Субботу соблюдаютъ и разное такое. Одначе съ архимандритомъ горды очень — не покоряются.

Тѣ ихъ обращаютъ назадъ, въ православіе, но одначе капитанъ не слушаются и на своемъ стоятъ!

— Скучаетъ, вѣрно?

— Какъ не скучать! Книжки тоже читаютъ!

Какъ оказалось, это человѣкъ весьма образованный... Властные люди, которымъ тюрьма открыта, видѣвшіе его говорили, что онъ помѣшанъ, и что его слѣдуетъ держать въ психіатрической лечебницѣ.

— Они подъ святыми воротами, при старомъ архимандритѣ, проповѣди богомольцамъ держали. Оченно это быстро говорятъ и руками машутъ! — замѣтилъ мой проводникъ.

— А кромѣ него кто еще тамъ есть?

— Купецъ одинъ... Хорошій человѣкъ... Обходительный...

Больше я ничего не могъ узнать объ арестантахъ Соловецкаго острога.

Когда я вышелъ отсюда, и меня со всѣхъ сторонъ охватилъ теплый воздухъ лѣтняго дня, когда впереди опять раскинулась передо мною синь морская, а въ вышинѣ лазурь безоблачнаго неба, я невольно почувствовалъ все безконечное счастіе свободы... Какое блаженство пройти по этому зеленому лугу, углубиться въ этотъ тѣнистый, словно замершій надъ зеркаломъ извилистаго озера, лѣсъ. А тамъ—въ этихъ черныхъ кельяхъ острога, въ этихъ погребахъ...

Да, только узникъ изъ-за рѣшетокъ своей тюрьмы пойметъ неизмѣримое, божественное счастіе свободы. Какъ оттуда онъ долженъ смотрѣть на едва доступный его взгляду клочокъ голубого неба! Съ какою мучительною болью слѣдитъ онъ за жемчужною каймою облака, набѣгающаго на него, за серебряной искрою чайки, ныряющей въ высотѣ, за робко мигающей оттуда звѣздочкой ясной зимней ночи. О, не дай Богъ никому пережить эти ужасные годы одиночества и неволи. Легче—смерть!

———

XX.

Въ трапезной.

Я освѣдомился у монаха объ историческихъ подземельяхъ Соловецкаго монастыря.

— Какія подземелья? Погреба наши, что-ли? Квасная, кладовая...

— Нѣтъ, тюрьмы подземныя!

— Этого у насъ вовсе нѣтъ. Слухъ одинъ пущенъ, что есть, будто. У насъ есть одинъ братъ, очень эту старину любитъ. Ничего и онъ не нашелъ. Потомъ слышно было, что никакихъ такихъ мѣстовъ у насъ нѣтъ и званія. Ты, поди, у газетчиковъ читалъ? Врутъ!

Наконецъ, мы отправились въ трапезную. Длинный коридоръ былъ весь расписанъ фресками, возбуждавшими въ крестьянахъ-богомольцахъ безпредѣльный ужасъ.

— Б-оже мой!... Глядь-ка, изъ глотки-то змѣй ползетъ...

Разговоръ шелъ, повидимому, между фабричными, которые и здѣсь оставались вѣрны своей безшабашной манерѣ говорить.

— Чудеса, братецъ мой. А чортъ во какой... Ишь... Господи, спаси и помилуй!

— А вонъ пламя адово...

— Змій, исходящій изъ гортани, обозначаетъ грѣхи, —объяснялъ монахъ:— сей грѣшникъ пріиде ко схимнику, дабы покаяться во грѣсѣхъ своихъ. И видѣ схимникъ, что по наименованіи грѣховъ изъ гортани кающагося излетаютъ гады и всяческая мерзость—скорпіи и жабы, василиски и аспиды, хамелеоны и драконы крылатые. Напослѣдокъ оттуда показася глава змія погибельнаго, но грѣшникъ не покаялся искренно, и змій обратно въ гортани сокрыся. Изъ сего научитеся не таиться передъ пастыремъ во дни покаянные!

— Удавитъ онъ его, братцы, змій этотъ...

— Не, онъ тихо...

— А змій сей обозначаетъ великій грѣхъ противу духа святаго...

— Поди, кто о благолѣпіи храмовъ не заботится, тоже не похвалятъ?—спрашиваетъ странница у монаха.

— Заботься по силамъ. Черезъ силу тоже не подобаетъ, ибо и о дѣтяхъ малыхъ подумать надлежитъ, а кто имѣетъ избытокъ, тому точно жутко будетъ за равнодушіе ко храму,—объяснялъ монахъ.—Древле на церковь десятина шла, нынѣ—на волю каждому предоставлено!

Богомольцы продолжали изумляться и пугаться изображеній адскихъ мукъ и дѣлать свои соображенія о тотъ, кого больше будутъ жарить на томъ свѣтѣ..

— Всякому по дѣламъ его, значитъ... Все зачтется... Премудрость это, братцы!

Наконецъ, мы вошли въ трапезную. Эта громадная комната въ сводахъ поддерживается необыкновенной толщины колонной. Она вся расписана. Яркія краски, позолота, лазурь, такъ и бросаются въ глаза зрителю. Впрочемъ, все носитъ на себѣ отпечатокъ чисто восточнаго великолѣпія. Нѣкоторые рисунки отличаются талантливостью. Таковы работы отца Николая, молодого художника-монаха—25 лѣтъ. Чрезвычайно хороша его картина «Снятіе со креста». Въ ней изящно и тщательно отдѣланы женскія фигуры. Многія картины обнаруживаютъ хорошее знакомство съ анатоміей.

Столъ для богомольцевъ поставленъ отдѣльно. На счетъ монастыря каждаго кормятъ три дня. Затѣмъ нужно ѣхать, если на дальнѣйшее пребываніе въ обители не дано особаго разрѣшенія высшею властью. Богомольцу даютъ обѣдъ и ужинъ. За обѣдомъ, на которомъ присутствовали мы, все шло тихо, чинно и спокойно. Передъ каждымъ—оловянная тарелка, деревянная ложка, вилка и ножъ. На каждые четыре человѣка подается одна общая миска съ варевомъ. Сначала всѣ, стоя у своихъ мѣстъ, ждутъ колокола. При первомъ ударѣ всѣ молятся и садятся, но ѣсть еще не начинаютъ. Лишь при третьемъ

ударѣ ложки опускаются въ миски, и вдоль всѣхъ столовъ послушники разносятъ небольшіе куски благословеннаго бѣлаго хлѣба. Каждая перемѣна блюдъ возвѣщается колоколомъ. Хорошенькіе монашки-подростки, похожіе на дѣвочекъ, разносятъ миски съ кушаньемъ. По окончаніи обѣда всѣ строятся у своихъ столовъ въ два ряда, и поется благодарственная молитва. Затѣмъ опять раздача благословеннаго хлѣба и вновь пѣніе псалма. Во время обѣда читается св. Писаніе. Крестьяне обѣдаютъ внизу съ служителями, женщины же отдѣльно отъ всѣхъ. Какъ видите, и здѣсь относительно сословій соблюдается табель о рангахъ. При мнѣ на обѣдъ было подано: соленая сельдь, окрошка изъ щуки со свѣжими огурцами, супъ изъ палтуса, уха изъ свѣжихъ сельдей, пшенная каша съ масломъ и молоко. Кромѣ того передъ каждымъ лежалъ громадный кусокъ хлѣба, фунта въ $2^1/_2$. Мяса, разумѣется, не подается никогда, и монахи быстро привыкаютъ къ этому, тѣмъ болѣе, что большинство — крестьяне и дома у себя рѣдко видѣли мясо. Сѣверный крестьянинъ питается треской и прочими рыбами изъ рода gadus, хлѣбомъ, брусникой, морошкой, солеными грибами (волнухами) и у моря—сельдью.

— Хорошо ѣдятъ монахи!

— Кажись, такую бы жисть—не ушелъ бы изъ монастыря!

— А ты больше—о душеспасеніи... Подумай о душѣ... Ишь, тебя яства смущаютъ... А въ нихъ, въ яствахъ этихъ—блудъ!

— Если съ вѣрой—какой блудъ? Безъ молитвы, да безъ вѣры—блудъ. А я съ чистымъ сердцемъ...

— То-то... О душѣ подумай, главное. Потому ей то—душѣ оченно жутко ежели да безъ Господа-Бога!

— Одно слово всевидящее око... И все какъ на ладонѣ... Должны мы, кажется, это понимать и чувствовать...

— А мы не понимаемъ. Потому въ насъ грѣхъ вселился... И за это насъ слѣдоваетъ во какъ... Гли, гли—бѣсы бабу хворостятъ... во-какъ. Поди, подлая, проштрафилась.. Извѣстно—она баба и въ ей умъ бабій... Од-

нако и ихъ на томъ свѣтѣ не похвалятъ... Ишь хворостятъ какъ, а ей больно, и она кричитъ...

— Кается.

— Поздно... На томъ свѣтѣ не спокаешься... Тамъ раздѣлка будетъ...

— А вотъ ежель на Паску помереть—безпремѣнно въ рай пойдешь—такой придѣлъ положенъ...

— А ежель еретикъ на Паску помретъ?

— Его въ жупелъ. Потому онъ поганый и въ Бога не вѣруетъ...

— Одначе и еретики есть, молятся!

— Глаза отводятъ—извѣстно. Потому въ Рассеѣ всѣмъ имъ царь приказалъ: у меня, значитъ, чтобъ молиться, а ежели нѣтъ—ступай вонъ!

— Извѣстно, народъ некрещенный. Въ пѣтуха вѣруютъ!

— Ну? Въ пѣуна?..

— Ванька Шалый сказывалъ, у нихъ замѣсто креста, пѣтухъ на церквахъ...

— Ахъ, ты злое сѣмя!.. Въ пѣтуха!... Ну!.. Какже это нашъ царь батюшка терпитъ? Разнесетъ онъ ихъ, поди, за это...

— Турка, сказываютъ, въ луну вѣритъ...

— То луна—планида небесная, не пѣтухъ. Въ ей въ лунѣ—премудрость... А пѣтухъ что, ему только бы горло драть, потому онъ дуракъ и ничего понимать не можетъ...

— На счетъ куръ тоже... блудливъ поганый!...

— Въ пѣтуха!.. Какихъ необразованныхъ нацый на свѣтѣ нѣтъ... Нѣмецъ, такъ говорятъ, въ колбасу больше вѣруетъ, оттого его Карла Карлычъ прозываютъ, и большой онъ, этотъ нѣмецъ, плутъ...

— Нониче народъ плутъ. Время такое!...

— Жуликъ народъ!...

— Куда таперче?..

— Спать, братцы, давай, потому мы, какъ слѣдуетъ, утромъ, рано встамши, помолились, потомъ въ церкви были, опосля потрапезовали. Теперь спокой требуется...

XXI.

Поѣздка въ Муксальму. Гигантскій мостъ. Ферма.

Соловецкій архипелагъ, отданный Марфою Посадницею въ вѣчное и безраздѣльное владѣніе монастырю, право котораго признано было и Іоанномъ Грознымъ, состоитъ собственно изъ острова Соловецкаго и изъ островов Анзерскаго, Муксальмы, Зайцева и др. мелкихъ. На Муксальмѣ скотъ и молочныя фермы обители. Доѣхать туда можно весьма удобно въ монастырскомъ экипажѣ за пятьдесятъ копѣекъ.

Утро было чудное. Только-что поднявшееся солнце сверкало въ листвѣ зеленаго лѣса изумруднымъ, лучистымъ блескомъ. Въ вѣтвяхъ березъ задорно перекликались птицы. Роса на каждомъ просвѣтѣ отливалась бриллiантовыми искрами. Кругомъ все дышало жизнью и привольемъ. Кое-гдѣ по обѣимъ сторонамъ дороги, словно колонны, подпирающія своды голубого неба, поднимались вѣковыя сосны. Сквозь чащу трепетали подъ свѣтомъ лѣтняго яркаго дня небольшія озера. Громадные валуны, вырытые, когда проводились эти дороги, лежали по краямъ ихъ, уже охваченные молодою порослью. Порою, изъ-подъ самыхъ ногъ лошадей, не торопясь, выбѣгали тетерки. Въ лѣсахъ, поляхъ и лугахъ Соловецкихъ островов никто не имѣетъ права убивать дичи. Вслѣдствіе этого олень здѣсь на десять шаговъ подходитъ къ человѣку, лисицы и тѣ не убѣгаютъ отъ него. Минутъ пять рядомъ со мною бѣжала на Анзерскомъ островѣ куропатка и взлетѣла только тогда, когда я вздумалъ ее погладить. Разумѣется, такое довѣріе къ человѣку развилось вѣками. Монахи гордятся этимъ и называютъ свои лѣса—скотнымъ и птичьимъ дворами.

Не было примѣра, чтобы они давали кому-нибудь разрѣшеніе охотиться здѣсь. Понятно, что все это производитъ сильное впечатлѣніе на богомольца, объясняющаго

себѣ подобныя явленія чудомъ, невидимымъ вмѣшательствомъ сверхъестественной силы.

— Кротость—это... Значитъ, и звѣрь чувствуетъ, что здѣсь ему милость!

— Нешто звѣрь чувствуетъ?

— Господь черезъ него, незримо!

— Ну, и чудеса, братцы мои!

— Молись, знай. Этакихъ чудесъ здѣсь по всякій часъ довольно, потому обитель святая!

— Древле враны пророка въ пустынѣ питали, а нонѣ... Гляди, олень не бѣжитъ...

Виды направо и налѣво становились все живописнѣе. Описывать здѣшнія озера—невозможно. Извивы на зеленыхъ берегахъ, ихъ зеркальныя прозрачныя воды, ихъ волшебные острова полны такой прелести, что я стоялъ по цѣлымъ часамъ въ какомъ-нибудь безлюдномъ уголкѣ, не отрывая глазъ отъ этихъ чудныхъ картинъ. Да, дѣйствительно, въ красотѣ этихъ озеръ и лѣсовъ Богъ явилъ величайшее изъ чудесъ своихъ. Каждое такъ и просится на полотно. На небольшомъ клочкѣ земли природа развиваетъ передъ вами всѣ свои богатства. Какія сочетанія цвѣтовъ и линій! Посмотрите, напримѣръ, хоть на это озеро. Оно и все-то протянулось саженъ на тридцать, но въ зеркалѣ его водъ отражаются серебряные, словно расплавленные, комья небесныхъ тучекъ, голубая синь и неровная зубчатая линія лѣсныхъ вершинъ. Какимъ блаженнымъ миромъ и спокойствіемъ вѣетъ на странника этотъ маленькій, весь потонувшій въ зелени черемховыхъ кустовъ островокъ. А этотъ острый камень, словно громадная игла, выступающій изъ воды? На крайней точкѣ его покойно усѣлась бѣлая чайка и цѣлые часы сидитъ она тутъ, словно нѣжась въ лучахъ полуденнаго солнца. У самаго берега точно повисли въ водѣ неподвижныя рыбки. Едва-едва шевельнутъ онѣ плавниками и снова замираютъ надолго. А вонъ по самому дну пробирается хищная щука. Вся она передъ вами какъ на ладони. Чудныя озера!

Всѣхъ озеръ на Соловецкихъ островахъ около четырехсотъ. Большая часть ихъ сообщается между собою. Безъ нихъ прекрасныя картины этого райскаго лѣтомъ уголка были-бы однообразны и безжизненны. Да, дѣйствительно, ежели отрѣшаться отъ жизни и бѣжать въ пустыню,— то именно въ такую, какъ эта. Тутъ все, что можетъ замѣнить и общество, и суету, и движеніе. Измученная душа труженика воскресаетъ и, словно почка долго нераспускавшагося цвѣтка, — раскрывается для счастія и свѣта... Какимъ бы чуднымъ пріютомъ любви могли быть эти острова, гдѣ своды молодыхъ деревъ словно манятъ въ прохладную, тихую, ничѣмъ и никѣмъ невозмутимую глушь. Эти роскошныя купы деревъ посреди озеръ, эти челны, неподвижные на ихъ водахъ, это уединеніе... Тишина!.. Невольно забываешься и рисуешь себѣ иную южную природу, пока печальный псаломъ монаха не возвратитъ къ дѣйствительности.

И великъ, и страшенъ становится этотъ аскетизмъ рядомъ съ прелестною, полною жизни природою...

Наконецъ, мы выѣхали изъ лѣсного царства. Даль широко раздвинулась передъ нами. Скоро мы уже были у берега синяго, глухо шумѣвшаго моря. Передъ нами тянулся мостъ, если только такъ можно назвать эту работу титановъ. Островъ Муксальма находится въ разстояніи двухъ верстъ отъ Соловецкаго. Между ними— нѣсколько мелкихъ островковъ въ разныхъ направленіяхъ. Монахи всѣ эти острова соединили между собою—заваливъ море до самаго дна каменьями и покрывъ этотъ искусственный перешеекъ щебнемъ и пескомъ. Сооруженіе грубое, но колоссальное, вѣчное. Бури, ледяныя громады, время—безсильны передъ этою каменною стѣною. Сколько труда надо было потратить на такую стихійную, подумать работу—страшно. Это кажется скорѣе дѣломъ природы, чѣмъ твореніемъ рукъ человѣческихъ. Мостъ тянется зигзагами. Въ самой серединѣ его перерывъ для прохода судовъ. Тутъ устроенъ деревянный, разводящійся мостикъ.

Мы были поражены. По краямъ этого сооруженія на-

валены громадные валуны, цѣлыя скалы. О нихъ разобьется всякая ледяная масса, прежде чѣмъ тронетъ ихъ съ мѣста. И все это сдѣлано безъ помощи машинъ— одною рабочею ручною силою. Трудно вѣрить, не видѣвъ, что горсть крестьянъ-монаховъ могла создать это чудо труда и генія. И между строителями, замѣтьте, не было ни одного техника. Простые крестьяне устроили все сами.

— Господь намъ помогъ: архимандриту видѣніе было. Молились мы передъ этимъ долго. Мѣсяцъ постъ строгій соблюдали и начали постройку. Самъ настоятель помогалъ намъ. Намѣстники камни тащили... Ну, и явилъ Господь чудо свое! Вотъ оно въявь! Кто дерзнетъ усомниться, кто помыслитъ, что нынѣ изсякла чудодѣйственная сила Его?

— И долго строили вы?

— Не мы строили; Зосима и Савватій и легіоны ангеловъ съ ними. Бывало, подымаемъ камни: въ такое время, простое, никакъ и не шевельнешь ихъ, а тутъ легко, потому невидимая сила была. Схимникъ нашъ одинъ пѣніе въ воздухѣ слышалъ. Небесныя рати Творца своего славословили. Въ лѣто все кончили. Да! Вѣра — великое дѣло. Сказано—горами движетъ. Чрезъ простыхъ рыбарей Господь силу свою являлъ древле, а нынѣ мы, иноки неграмотные, носители откровенія его!

Два крестьянина, бывшіе съ нами въ экипажѣ, при этомъ вышли и стали молиться, припадая къ землѣ.

Монастырскія лошади бойко бѣжали по массамъ камня. Нѣсколько изгибовъ и поворотовъ—и мы въѣхали на Муксальму, зеленѣющую, покрытую пастбищами. При насъ на мостъ вошло цѣлое стадо превосходныхъ коровъ, телятъ,—всего штукъ двѣсти. Ихъ отправляли пастись на свѣжіе луга Соловецкаго острова.

Мы посѣтили птичій дворъ, ферму, гдѣ осмотрѣли великолѣпно содержимыя конюшни, которыя чистятъ и моютъ ежедневно. Отъ этого такъ необыкновенно красивъ и самый скотъ соловецкій. Теплая комната для сквашиванія молока—опрятна до педантства. Въ кладовой мѣд-

хорошо вылуженныя посудины для молока сіяютъ,

какъ зеркало. Здѣсь доятъ коровъ не въ деревянныя ведра, а въ металлическія. Прохладная горница для храненія молочныхъ продуктовъ и рядомъ ледникъ — верхъ хозяйственнаго удобства и чистоты.

Не знаешь, чему удивляться. Мы привыкли видѣть нашего крестьянина въ вѣчной грязи, тутъ приходится убѣдиться, что эта грязь только результатъ его нищеты. Тѣ же крестьяне въ Соловкахъ раціонально ведутъ свои хозяйства и по любви къ порядку напоминаютъ собою чистокровныхъ нѣмцевъ. Намъ подали сливокъ густоты необычайной.

На чемъ ни останавливался взглядъ — все было безукоризненно, все поражало своимъ удобствомъ и цѣлесообразностію.

— Монастырь — хорошій хозяинъ! — замѣтилъ одинъ крестьянинъ.

— Хозяева у насъ точно хороши—не отъ міра сего,— вступился монахъ.—Такихъ хозяевъ, какъ Зосима и Савватій, ни у кого нѣтъ. Блюдутъ они свои помѣстья и о насъ, рабахъ своихъ, заботятся!..

Общій видъ фермы совершенно напоминаетъ крестьянскія хозяйственныя постройки. Только, разумѣется, разница въ приспособленіяхъ, размѣрахъ и уходѣ.

— Гдѣ-же у васъ быки?.. Только коровъ мы и видѣли!

— А быковъ, въ началѣ іюня, какъ подымется трава, мы выпускаемъ пастись, гдѣ хотятъ. Такъ до конца лѣта о нихъ и не заботимся. Одичаютъ совсѣмъ. Ну, ихъ и ловимъ потомъ, по порошѣ. Что твоя охота!

Когда мы ѣхали назадъ,—въ морѣ передъ нами чайки ловили рыбу. Цѣлый рядъ ихъ сидѣлъ на выступѣ громаднаго валуна. Вотъ на гребнѣ одной волны мелькнула серебристая спинка сельди, и въ одно мгновеніе крайняя чайка кинулась, выхватила ее изъ волнъ, высоко взвилась и, сдѣлавъ кругъ въ воздухѣ, вернулась и сѣла уже послѣднею. Вторая, немного спустя, повторила этотъ же маневръ и такъ до конца, не нарушая очереди и порядка...

XXII.

Доки и лѣсопильный заводъ.

Пароходъ «Вѣру» ставили въ доки, для перемѣны винта.

Соловецкіе доки—уже не грубое сооруженіе, не работа громадной физической силы, а основанное на научныхъ выводахъ и, при всей огромности своей, — изящное созданіе человѣческаго генія.

Монахи съ гордостію указываютъ на него, и невольно чувствуешь, что въ этомъ случаѣ гордость ихъ вполнѣ законна.

— Наши, изъ крестьянъ, строили! — объясняютъ они вамъ.

— А кто наблюдалъ за постройкой?

— Тоже монашекъ изъ мужичковъ!

— И техниковъ не было?

— Зачѣмъ намъ техники: у насъ Зосима и Савватій есть. Чего не поймемъ, они наставятъ!

Не описываю самаго устройства доковъ; скажу только, что и за границей я не встрѣчалъ сооруженія болѣе прочнаго и красиваго. Бока его обшиты гранитомъ, все до послѣдней мелочи изящно, несокрушимо и удобно. Края доковъ состоятъ изъ 8,000 балясинъ въ два ряда, промежутки между которыми завалены каменьями и засыпаны землею. Подъ гранитною обшивкой ничего подобнаго, разумѣется, не видно. Въ докъ проведены каналы изъ Святого озера и изъ резервуара мельницы св. Филиппа. Когда откроютъ шлюзы, вода стремится по этимъ двумъ путямъ съ ужасающей быстротою. До входа въ бассейнъ дока двѣ эти водныя массы встрѣчаются въ небольшомъ углубленіи: тутъ они кружатся и пѣнятся съ такой быстротой и шумомъ, что у зрителей захватываетъ дыханіе. Говорятъ, что отъ брошеннаго сюда бревна остаются только щепки. Потомъ весь этотъ водоворотъ стремится въ шлюзы и съ громомъ наполняетъ бассейнъ доковъ.

Когда вода поднимется до опредѣленной высоты, ранѣе введенный въ постоянный бассейнъ пароходъ ставится въ брусья, и потомъ вода спускается.

— Вѣдь этакъ Святое озеро можетъ изсякнуть!

— Нѣтъ. Святое озеро соединяется съ другими. У насъ всѣ озера связаны между собою каналами и подземными протоками. Иначе какъ объяснить, что въ маленькихъ озеркахъ пропасть щукъ завелось? Черезъ Святое озеро и резервуаръ св. Филиппа въ доки идетъ вода восьмидесяти озеръ... Мы еще какъ приспособили: — каналъ, который проводитъ воду въ шлюзы, движетъ также и машину лѣсопильнаго завода!

— Какъ строился докъ?

— Днемъ и ночью строили безпрерывно. Днемъ богомольцы, подъ присмотромъ монаховъ, а ночью одни монахи, сами. А за всѣми работами крестьянинъ-монахъ смотрѣлъ!

— Тяжела работа была?

— Нѣтъ, многимъ въ это время разныя явленія были. Подкрѣпляло это. Мы вѣдь такъ: какъ затомимся — сейчасъ молитву хозяину обители, ну—какъ рукой и сниметъ; или псаломъ хоромъ споемъ—и опять за работу!

Пароходъ былъ вдвинутъ и поставленъ въ теченіе двухъ часовъ. Все это время іеромонахъ и намѣстники тянули бичеву и работали наравнѣ съ простыми богомольцами. Меня поразило здѣсь отсутствіе бранныхъ словъ и пѣсенъ, безъ которыхъ, какъ извѣстно, работа у русскаго человѣка не спорится. Впрочемъ, въ другомъ мѣстѣ — «ухни, дубинушка, ухни; ухни, зеленая сама пойдетъ», а здѣсь — псалмы. Понукали лѣнивыхъ мягко и снисходительно. Не было слышно ни безтолковаго крика, ни неидущихъ къ дѣлу совѣтовъ и замѣчаній. Все совершалось въ строгомъ порядкѣ. Вводомъ парохода въ докъ распоряжался командиръ «Вѣры», отецъ Иванъ.

— Ну, а постороннія суда въ докахъ у васъ бывали?

— Какъ-же, мы недавно пароходъ «Качаловъ» Бѣломорско-мурманской компаніи чинили. Какъ-то разъ шкуну

одного помора, кажись, Антонова, разбило. Ну, онъ явился къ намъ: плачетъ парень, только, говоритъ, на постройку судна сбился, какъ Господь гнѣвомъ своимъ посѣтилъ. Мы поставили его въ доки, починили, пожалуй, лучше, чѣмъ прежде—сдѣлали, и отдали ему—пусть Богу молится!

— Ничего не взяли?

— Ни единой полушки. Что брать, ежели Господь человѣка посѣтилъ?

— А свое что-нибудь строили въ докахъ?

— Какъ-же, теперь пароходъ «Надежду» сами здѣсь соорудили. Винты для пароходовъ дѣлаемъ. Скоро и машины станемъ производить. Дай срокъ—все будетъ!

— Ну, а съ чего намѣстникъ работаетъ тамъ вмѣстѣ съ простыми матросами?

— У насъ первое дѣло—примѣръ. Какъ гостинницу строили — самъ архимандритъ камни таскалъ. Кирпичи на тачкахъ возилъ. Трудъ—дѣло святое, всякому подобаетъ. Не трудишься, такъ и хлѣба не стоишь!

— Экое богачество,—удивлялся рядомъ крестьянинъ. Видимо, что Промысломъ Господнимъ все!

— И что чудно, братецъ мой, никого не приставлено, а все, какъ слѣдоваетъ идетъ!

— Вотъ, монашекъ, по ихнему въ большихъ чинахъ состоитъ,—а тоже канатъ тянетъ!

— Дома-то, какъ почну разсказывать — уши развѣсятъ. Поди, на тотъ годъ полъ-села сюда вдарится!

Тутъ же мы побывали и въ сараяхъ лѣсопильнаго двора. Вездѣ чистота, порядокъ. Работа кипитъ, но шума не слышно, и суеты не видать. Монахи работаютъ рядомъ съ богомольцами, подъ общимъ надзоромъ небольшого приземистаго іеромонаха, тоже не ограничивающагося однимъ наблюденіемъ.

Весь этотъ монастырь показалъ мнѣ то, чѣмъ могло бы быть русское крестьянство по отношенію къ труду и производительности, если-бы попеременно его не давило то иго монгольское, то безвыходное крѣпостное состояніе.

XXIII.

У благочиннаго.

Благочинный церквей Соловецкаго монастыря, отецъ Ѳеодосій, оказался моимъ архангельскимъ знакомымъ. Я посѣтилъ его келью. Та же простота обстановки, что и у остальныхъ монаховъ.

— Часто, я думаю, поминаете Архангельскъ,—все же тамъ веселѣе, чѣмъ тутъ?

— Нѣтъ, монаху мѣсто въ монастырѣ. Какъ жилъ я въ Соловецкомъ подворьѣ, въ Архангельскѣ, такъ не зналъ, куда и дѣваться отъ скуки. Ходилъ, бывало, по кельѣ, а на улицу и выглянуть боялся, потому тамъ міряне. На монаха, что на дикаго, смотрятъ: куда-де затесался? Ну, и сторонишься. Въ монастырѣ я только и отдохнулъ. Мы вѣдь всѣ такъ. Думаете, тѣ иноки, что на подворьѣ въ городѣ живутъ—довольны своею участью? Нѣтъ, они лучше на самую тяжелую работу въ монастырь пойдутъ, чѣмъ тамъ оставаться. Бѣда это, особливо коли день праздничный. Народъ ходитъ, и все-то на тебя, что на звѣря заморскаго смотритъ. Да и соблазна тамъ больше. Здѣсь ничего не видишь — и не искушаешься, а тамъ трудно!

— Все же есть такіе, что въ городъ бы съ радостію поѣхали?

— Есть-то есть... Да мы ихъ туда не пустимъ... Что за монахъ — если онъ въ міръ стремится. Надѣлъ рясу, да принялъ постриженіе, такъ и сиди въ кельѣ—работай да молись, а о мірѣ и позабудь думать, потому тебя заживо похоронили, ты это и памятуй. Нѣтъ, такого народа мы не пошлемъ туда. Въ городъ изъ монастыря идутъ самые надежные люди, чтобы обители нашей не посрамили. И то нынѣ имя монаха, словно клеймо Каиново, стало.

— Разскажите мнѣ о чинахъ монашескихъ. Я слышалъ, что у васъ постриженіе дается не легко!

— Да... У насъ послушниками по семи-восьми лѣтъ бываютъ. Рясофорными монахами — восемь лѣтъ, а до манатейнаго монаха и пятнадцать лѣтъ прослужишь. А правъ повышеніе никакихъ не даетъ: развѣ что жалованье побольше. Іеромонахи, которые особенныя должности занимаютъ, получаютъ рублей по 50-ти въ годъ, остальные отъ 40 до 25 р.; простые монахи по 10, 6, 5 рублей, ну, а рясофорные, поди, и рубля въ треть не получатъ.

— А архимандритъ?

— Прежній получалъ 4,500 руб., новый отказался, только 3,000 руб. взялъ. Онъ у насъ простую жизнь любитъ. Во всемъ себѣ отказываетъ. Ну, и строгъ тоже. Хорошо это... Дурно, ежели пастырь слишкомъ стадо свое распуститъ. Большое нестроеніе изъ этого происходитъ...

— Правда ли, о. Ѳеодосій, что богомольцевъ у васъ съ каждымъ годомъ меньше становится?

— Это правда. Но все же нынѣ хотя ихъ и меньше, а *кадка* для приношеній полна.

— Какая *кадка?*

— А у св. Зосимы стоитъ.

— Т. е. кружка?

— Нѣтъ кадка, т. е. цѣлый боченокъ. Ужъ мы ее и опростали въ этомъ году разъ—а вновь наполняется!

— А отъ казны монастырь получаетъ что-нибудь?

— Да 1,200 р. въ годъ беремъ!

— При вашихъ доходахъ это вѣдь совершенно лишнее!

— Отчего же не брать, все въ пользу св. обители.

— Монастырь самъ легко бы могъ въ казну платить подати!

— Подати?.. Это зачѣмъ же! Неслыханное дѣло, что-бы монахи подати платили. Мы не отъ міра сего!

— Богомольцы къ вамъ однимъ путемъ черезъ Архангельскъ направляются?

— Нѣтъ. Идутъ и черезъ Кемскій уѣздъ. Теперь вотъ человѣкъ въ Сумѣ сидятъ—шкунъ ждутъ, что-бы въ

монастырь переправиться. Ничего, пусть посидятъ. Все жители Сумы *покормятся!*

О. Ѳеодосій въ простотѣ души смотрѣлъ на богомольцевъ, какъ на доходную статью. Такъ, впрочемъ, смотритъ на нихъ большинство монаховъ. До Сумы, какъ оказалось, эти богомольцы шли пѣшкомъ изъ Петербурга и Новгородской губерніи. Ежегодно сюда направляются изъ Архангельска до 12,000 чел. (это преимущественно крестьяне Вологодской, Вятской и Пермской губ., также и архангельцы), изъ Онеги до 690 ч. (олончане, новгородцы), изъ Кеми до 1,300 ч. (кемляне, корела, петербуржцы и псковичи).

— Я слышалъ, что въ докахъ за работу вы дорогонько берете?

— Мы беремъ дорого? Нѣтъ, у насъ англичане были и тѣ удивлялись дешевизнѣ. Мы за то, чтобы ввести въ докъ и вывести изъ дока судно, съ разными исправленіями, беремъ 100 р., и за то, чтобы снять судно съ мѣста крушенія, тоже—100 р. А намъ только развести пары да выйти лишь изъ гавани обходится въ 70 р. Вы говорите, что у насъ дорого. А вонъ, какъ Бѣломорская компанія содрала съ военнаго корвета «Полярная Звѣзда» за самыя ничтожныя исправленія 6000 р., это ужъ грабежъ. У насъ бы за то же больше 500 р. не взяли. На то они, впрочемъ, нѣмцы, а нѣмцамъ законъ не писанъ. Мы бѣднымъ судохозяевамъ-поморамъ и даромъ чинимъ суда, памятуя заповѣдь Христову. Про насъ много лишняго разсказываютъ!

— Ну, а относительно работъ у васъ какъ? Всѣ ли обязаны трудиться?

— Всѣ безпрекословно. Да оно и не трудно, потому вѣдь мы изъ мужичковъ. У насъ такъ искони ведется. Царъ Петръ сюда духовника своего Іону присылалъ. Что-жъ?—Вѣдь онъ въ Соловкахъ поваромъ былъ. Примѣрно, я благочинный, ну, а пошлютъ меня камень тесать, я и пойду. Бывали примѣры! Потому это не работа, а «послушаніе». На свв. Зосиму и Савватія работаемъ. Коли

кому работы не назначатъ, такъ онъ самъ начнетъ либо ложки дѣлать деревянныя, либо образки рисовать. Продаетъ все это, а деньги въ казну нашу вложитъ!

— Есть у васъ урочные часы для работы?

— Нѣтъ, всякому предоставлено по мѣрѣ силъ, кромѣ общихъ работъ. Оно и лучше—больше и усерднѣе трудятся. Палка намъ не нужна, сами работаемъ!

Зазвонили къ вечернѣ. Мы вышли. Намъ пришлось проходить по лѣстницѣ архимандрита. Тутъ терлась упомянутая прежде меланхолическая дѣва.

— Сударыня, пожалуйте внизъ... Зачѣмъ вы здѣсь? Уходите, уходите. Тутъ нечего дѣлать...

— Архимандритъ страсть не любитъ,—замѣтилъ онъ мнѣ,—если у него на лѣстницѣ бабье торчитъ. Большое къ женскому полу отвращеніе чувствуетъ.

XXIV.

Могила Авраамія Полицына. — Похороны богомольца.

Въ лугахъ Соловецкаго монастыря стоятъ громадные стога сѣна. Его здѣсь хватитъ года на два. Предусмотрительные монахи запасаются надолго. Почемъ знать: сѣверная природа капризна; легко можетъ случиться, что на слѣдующій годъ сѣна и не хватитъ.

— Много у васъ лошадей? «Ста два, поди, есть. Ничего, мы ихъ прокормимъ. Овса тоже даемъ. Только вотъ сѣно олени ѣдятъ баско».—Что-жъ, ихъ стрѣляютъ?—«Не, у насъ звѣря стрѣлять нельзя. А для рабочихъ на зимнее продовольствіе мы ихъ въ сѣти ловимъ». — Какъ, оленя въ сѣти?—«Да, въ сѣти: разставимъ сѣть, да и загоняемъ стадо; иногда случается штукъ пятьдесятъ, семьдесятъ, сто попадаетъ. Потомъ ихъ бьютъ, ну, и на обѣдъ рабочимъ свѣжинка идетъ. Извѣстно, рабочій человѣкъ не то, что нашъ братъ, монахъ. Мірянинъ, онъ къ одной рыбѣ не привыкъ. Его кормить нужно, онъ и будетъ потомъ въ Рассеѣ говорить, что мы рабочаго человѣка бе-

режемъ. Какъ убьютъ оленей да посолятъ, смотришь, на зиму и хватитъ».

Мы въ это время шли мимо большого кирпичнаго строенія съ открытыми окнами. Это оказался хлѣбный магазинъ.

— Муку да капусту мы только и покупаемъ. Тысячъ двадцать пудовъ въ годъ, случается, а то и всѣ тридцать. Хлѣбъ у насъ тутъ въ зернѣ. Мельницы свои, слава Богу... На сухомъ мѣстечкѣ здѣсь и складено. Вѣтеркомъ провѣваетъ—оно и не портится. Ты вотъ говоришь — звѣря стрѣлить, а вѣдаешь ли: что однова богомолецъ пошелъ оленя стрѣлить въ лѣса наши, такъ ангелы его оттуда лозой выгнали. Самъ разсказывалъ, старики говорятъ. У насъ мѣсто святое, излюбленное. Тутъ ни звѣря, ни птицы не тронь—кровь вопіетъ!

— Гдѣ-то здѣсь вы могилу Авраамія Полицына открыли?

— Неужели не видалъ еще? Пойдемъ!

Мы вошли въ ограду монастыря, и тутъ, у самой стѣны громаднаго собора, монахъ показалъ мнѣ небольшую могилу, тщательно укрытую желѣзнымъ колпакомъ.

— Почему же извѣстно, что это и есть могила Полицына?

— Потому у насъ есть старецъ одинъ Серафимъ, онъ это и знаетъ. Надписи на камнѣ разобралъ!

— Къ чему же было забивать желѣзными листами камень въ такомъ случаѣ?

— А чтобъ не портился...

Дальнѣйшихъ доказательствъ подлинности этой могилы не оказалось.

Когда я изъявилъ желаніе поговорить съ о. Серафимомъ о могилѣ—онъ оказался больнымъ. На другой день тоже. Такъ я и уѣхалъ.

Могила этого героя была открыта, какъ говорятъ, въ прошломъ году. Вокругъ нея монахи построили ограду весьма мизернаго вида. Единственное, что еще производитъ нѣкоторое впечатлѣніе, это возносящіяся тутъ же

старинныя стѣны собора, вѣющія цѣлыми столѣтіями пережитаго былого, связанныя съ цикломъ многочисленныхъ легендъ. Говорятъ, надъ могилою Палицына нынче служатъ молебны.

Заговоривъ о памятникахъ, нельзя умолчать еще о двухъ, выстроенныхъ близъ доковъ. Это небольшія колонны изъ цѣльнаго гранита. Одна воздвигнута въ память защиты Соловецкаго монастыря отъ англичанъ, другая—въ память построенія соловецкой гавани. Художественными достоинствами ни та, ни другая не отличаются. Вообще, монахи соловецкіе лишены артистической жилки. Всѣ ихъ часовеньки, памятники не отличаются вкусомъ и изяществомъ. Это просто или вычурныя постройки, удовлетворяющія мѣщанскимъ требованіямъ, или прямолинейныя по рутинному рисунку.

Во дворѣ монастыря находятся кучи ядеръ, брошенныхъ сюда англичанами. Говорятъ, что на многихъ изъ нихъ вовсе не англійскія клейма. Думаю, что такой слухъ несправедливъ. Хотя монахи и преувеличиваютъ подвиги свои во время такъ называемой осады монастыря, но, тѣмъ не менѣе, бомбардировка его—несомнѣнное и важное историческое событіе.

На другое утро, только-что я открылъ глаза, какъ прямо въ лицо мнѣ ударилъ знойный, ослѣпительный лучъ солнца. Этотъ яркій, лѣтній день нельзя было не назвать пышнымъ, рѣдкимъ на сѣверѣ. Я началъ бродить по окрестностямъ монастыря, только-что осмотрѣвъ его литографію и слесарню—заведенія, устроенныя здѣсь въ большихъ размѣрахъ и весьма раціонально. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ руководятъ дѣломъ исключительно крестьяне-монахи.

Зайдя въ одинъ тѣнистый уголокъ, я наткнулся тамъ на высокаго болѣзненнаго олончанина, какъ оказалось, изъ Повѣнецкаго уѣзда. Разорванная рубаха, плохенькій армячекъ, лапти, осунувшіяся черты блѣднаго, истощеннаго лица,—все это вѣяло лютою нищетою, тяжелой борьбой изъ-за куска насущнаго хлѣба. Даже обильная ме-

настырская трапеза не повліяла на него. Я разговорился съ нимъ.

— На годъ бы остался здѣсь... Потому баско тутотко... Да, семьишка въ деревнѣ. Кто ее кормить станетъ?

— А теперь они какъ?

— Да, вишь, я въ Онегу на лодкѣ доплылъ. Муку отъ купчей возили. За одно ужъ къ соловецкимъ угодникамъ: не пошлютъ ли святители наши какого облегченія... Тяжко намъ нодѣ, такъ ли тяжко, что хоть въ омутъ. И хлѣбца-то цѣльнаго по праздничкамъ не увидишь. Вотъ оно каково житьишко наше горькое—неурожаи одолѣли!

— Хлѣба у васъ плохи?

— Хлѣба у насъ, парень, колосъ, что волосъ, глянешь зерно — всего одно... Вотъ они наши хлѣба. На промыслы бы какіе, такъ міроѣды поѣдомъ ѣдятъ насъ. Такова ли жадность у нихъ. Не подступайся. Изъ кабалы и не выходимъ. Только лѣтомъ чуть уплатишь подати—зимой жрать нечего...

Къ говорившему подошли товарищи. Что это были за лица! Блѣдные, жалкіе, искалѣченные, съ мутными, потухшими глазами, тяжело дышавшіе люди казались отмѣченными тѣми рѣзкими чертами, которыя холера кладетъ на свои жертвы. Поступь ихъ была неровна, понуренныя головы, безсильно повисшія руки, вдавленныя отъ лямокъ груди производили на свѣжаго человѣка самое тяжелое впечатлѣніе.

— Вы всѣ черезъ Онегу шли?—спросилъ я... Они переглянулись. Я повторилъ вопросъ.

— Онегой...

— Вы сюда какъ? Въ Онегу какъ попали?

— Спервоначалу лямились... Потомъ и пошли въ Онегъ-рѣку къ Соловкамъ. Напредь уговоръ былъ.

— Трудна была, поди, работа?

— Чего трудна... Ровная... Средственная работа!— Казалось, они потеряли даже сознаніе тяжести этого неустаннаго, обезсиливающаго, лошадинаго труда.

— Заработка мало осталось?

— Прохарчились очень. Нонѣ харчъ дорогъ. Рубля по четыре остаточныхъ пришлось.

— Тоже, вѣрно, и въ кабакъ снесено не мало?

— Безъ кабака не обойдешься. Никакъ безъ кабака не обернуться. Таперчи какъ у всѣхъ животы подведетъ, такъ и рѣжетъ, а кого и лихоманка съ огневицей хватитъ. Какъ безъ кабака? Прогрѣетъ внутри, другимъ человѣкомъ станешь!

— Безъ кабака—пагуба. Почитай, всѣ бы легли... Ахъ, родители наши, зачѣмъ на такое голодное житьишко произвели насъ!

— Молитва предъ св. Иринархомъ помогаетъ въ эфтихъ случаяхъ!—вмѣшался молодой монашекъ.

— Какой Иринархъ?

— Подъ спудомъ почиваетъ!

— Святой?

— То-есть, они еще не святые, не утверждены Синодомъ, одначе, многія чудеса бываютъ. Особливо, ежели кто съ вѣрою... Зубная боль теперь—тоже помогаетъ. У насъ и молитва такая есть. Но главное, чтобъ сердце чисто. Онамедни вдова одна благочестивая молебенъ отслужила, что-жъ бы вы думали?—Нынѣ извѣщаетъ изъ Архангельска, что ей пенцыонъ вышелъ!

Я пошелъ за ограду зеленѣвшаго тутъ-же кладбища. Все было тихо и покойно. Птицы задорно перекликались въ изумрудной листвѣ, широкіе лучи солнца обливали мягкимъ свѣтомъ насыпи и могильные кресты. Цвѣты пестрѣли въ прогалинахъ. Откуда-то доносилось молитвенное пѣніе. Я пошелъ на голоса.

Къ свѣжей, вырытой только-что могилѣ подходили іеромонахъ и іеродіаконъ. Четыре послушника выносили за ними изъ кладбищенской церкви деревянный гробъ, еще не закрытый.

Хоронили богомольцы, умершаго на первый день своего пріѣзда въ монастырь, въ мѣстной больницѣ; темное, [illegible] лодавшее, лицо, синіе земляные круги подъ

глазами, странно заострившійся носъ. Волосы были расчесаны. Онъ лежалъ въ чистомъ бѣльѣ, покрытый саваномъ. Монастырь на свой счетъ одѣлъ его во все новое. Даже валенки на ногахъ, подшитые кожей, были свѣжіе. Только гробъ оказывался не по росту трупу. Колѣни покойнаго были какъ-то согнуты.

— Кто это?—спросилъ я у послушника.

— Господь его вѣдаетъ... Рабъ Божій Василій!

— И больше о немъ ничего не извѣстно?

— Ничего!

Привезли его на пароходѣ больного, чуть не холерой, отъ дурной пищи, отъ холода и сырыхъ ночлеговъ во время дороги. Несчастный, прошедшій цѣлыя тысячи верстъ, питаясь подаяніемъ, умеръ у порога всѣхъ святынь, которымъ онъ думалъ поклониться. Умеръ въ забытьи, не сознавая, гдѣ онъ. Говорятъ, бредилъ, звалъ жену, дѣтей, ласкалъ ихъ, говорилъ съ ними...

На соловецкомъ кладбищѣ одною могилою больше; гдѣ-нибудь въ далекой глуши, въ неисходномъ захолустьѣ, однимъ кормильцемъ меньше. И долго будетъ ждать осиротѣвшая семья хозяина, и часто будетъ выходить на дорогу убогая жена его—не покажется ли милый странникъ вдалекѣ, покрытый пылью и грязью.

Изъ могилы поднимутся цвѣтики алые, покосится черный крестъ надъ нею;—а родимая семья все не будетъ знать, что сдѣлалось съ ея кормильцемъ. И цѣлые ночи на-пролетъ станутъ плакать дѣти съ своей больною матерью, при тускломъ, словно вздрагивающемъ свѣтѣ лучины... Какъ горячи ихъ молитвы!..

А надъ нимъ—тяжелая зеленая насыпь, и эта темная мозолистая рука уже не будетъ ласкать бѣлобрысыя заскорузлыя головки дѣтей, словно рой пчелъ кружившихся около отца когда-то...

Наконецъ, и ждать его перестанутъ. Только бродя подъ окнами съ сумою, станетъ ныть жена его о томъ, какъ бросилъ ее съ малыми дѣтками хозяинъ и ушелъ къ Соловкамъ, а оттуда невѣдомо куда. Дѣйствительно—невѣдомо куда!

Умершій прибылъ въ обитель одинъ. Паспорта при немъ не оказалось. Должно быть, оставилъ его въ сумѣ, а сума попала къ какому-нибудь Ѳомушкѣ-блаженному или къ Макридѣ-странницѣ. Такъ и осталось неизвѣстнымъ, что за человѣкъ померъ. Звалъ его кто-то Василіемъ—за Василія и схоронили.

Вмѣстѣ съ землею яму заваливали и каменьями. Тутъ ужъ такая почва. Я до конца достоялъ здѣсь, и грустныя думы, и скорбныя воспоминанія мелькали въ головѣ.

Хотѣлось плакать надъ этою жалкою, безразсвѣстною жизнью.

И досадно стало на яркое, равнодушное ко всему солнце, на этихъ задорно перекликавшихся птицъ, на всю эту роскошь яснаго дня.

— Былъ человѣкъ, и нѣтъ человѣка! — замѣтилъ послушникъ.

— Всѣ помремъ! Вѣрно твое слово! — согласился другой.

XXV.

Въ больницѣ у схимниковъ.

— Велика ли у васъ больница?

— Что больница! Что въ ей... Одинъ грѣхъ. Господь гнѣвомъ своимъ посѣтилъ, а міряне къ земнымъ медикамъ прибѣгаютъ. Точно они сильнѣе Царя Небеснаго. Охъ—невѣріе! Что медика призывать, что идолу поклоняться—все едино!

— Такъ у васъ, значитъ, доктора нѣтъ?

— Постъ и молитва—вотъ доктора. Больница есть, но для мірянъ больше. Истинные монахи гнушаются этимъ. Отцы церкви къ докторамъ не прибѣгали и погибельныхъ лекарствъ не вкушали, а, простираясь предъ алтаремъ, молили Господа объ исцѣленіи и исцѣлялись. Такъ и чинѣ у насъ многіе иноки въ случаѣ недуга

какого поступаютъ. Постъ и молитва! Мудренъ больно народъ сталъ, противъ Бога идетъ. Что означаетъ болѣзнь? Гнѣвъ Господень означаетъ; ибо сказано, что безъ воли его ни единый волосъ не спадетъ. Забываемъ заповѣди! Не писано ли на горѣ Синаѣ—«не сотвори себѣ кумира», а мы кому поклоняемся—магамъ и волшебникамъ!

— Ну, доктора—не маги!

— Какъ не маги, ежели зелья составляютъ, ежели съ силою небесною бороться мнятъ? При Фараонѣ волшебники тоже жезлы свои обратили въ зміевъ, но змій Моисеевъ пожралъ ихъ всѣхъ. Что доктора! Господь смилуется и пошлетъ исцѣленіе. Вотъ, напримѣръ, было у насъ: инокъ заболѣлъ, горячка, тифъ-ли, Господь знаетъ. Въ черныхъ пятнахъ сталъ весь. Что-жъ Призвалъ трехъ монаховъ и просилъ молебенъ у себя отслужить и помолиться за него. Три дня по утрамъ въ кельѣ его служили, а на четвертый онъ всталъ и работать пошелъ. Вотъ наши доктора—Зосима, Савватій, Филиппъ и Ирмогенъ. Такъ это медики не отъ міра сего. Въ Архангельскѣ тоже мальчикъ одинъ-было заболѣлъ, ну, мать за него обѣщаніе дала:—если оправится, такъ на годъ въ Соловки. Сейчасъ, какъ встрепанный, вскочилъ. Потому, здѣсь наука небесная—чудодѣйствіе, а не суемудріе и вольномысліе языческое, не измышленіе сатанино... Нечего ее и смотрѣть, больницу эту!

Богомольцы-крестьяне подтверждали это недовѣріе къ лекарямъ.

— Въ емъ, въ лекарѣ, настоящій штобъ силы ни на эстолько нѣтъ. Кого Господь захочетъ сказнить, что лекарь подѣлаетъ? Мужиченко одинъ у насъ былъ, заболѣлъ это... Ну, сельскій дохтурь сичасъ. Разное давалъ ему; сказываютъ, мастью какой-то обкладали... Всталъ мужиченко, съ виду и здоровъ, что жъ бы ты, милой человѣкъ, полагалъ—не прошло и мѣсяца, какъ съ вина сгорѣлъ. Вотъ они—доктора. Что въ ихъ—мечтаніе одно... Прахъ!..

— Духъ самомнѣнія,—продолжалъ монахъ.—Есть у насъ монашки: какъ заболятъ, сейчасъ лекарства глотать. Но я все же такимъ говорю: что творите? Бѣса въ нутро свое пущаете!

— А ежель да съ молитвой,—вмѣшался другой крестьянинъ:—ежель съ вѣрою, напримѣръ, псаломчикъ?..

— Сіе тому подобно, ежели бы ты на разбой или святотатство съ молитвой шелъ. Сіе усугубляетъ, но не отвращаетъ. Истинно глаголю вамъ, не пещитеся о тѣлесахъ вашихъ, но о душѣ непрестанно помышляйте. Не вѣруйте въ медиковъ земныхъ, но на медика небеснаго уповайте ..

Другой уже монахъ указалъ намъ больницу. Она вся заключалась въ двухъ маленькихъ комнатахъ. На 600 человѣкъ, составлявшихъ постоянное зимнее населеніе обители, этого мало. Воздухъ здѣсь спертъ и пропитанъ міазмами. Большинство больныхъ—богомольцы. Было при мнѣ двое трудныхъ.

Бѣлье на кроватяхъ безукоризненно чисто, лекарствъ не замѣтно, хотя и есть аптека.

Управляетъ больницею фельдшеръ-монахъ. Сначала онъ былъ нанятъ обителью, а потомъ монахи убѣдили его, ради душеспасенія, принять постриженіе. Оно и выгоднѣе для монастыря. Нужный человѣкъ пріуроченъ навсегда, да и денегъ ему не приходится платить. Что касается до денежнаго интереса, тутъ монахъ забываетъ, что онъ не отъ міра сего.

Я видѣлъ монаховъ соловецкихъ въ Архангельскѣ, заключающихъ договоръ о поставкахъ хлѣба, каменнаго угля, управляющихъ подворьями, и все тотъ же рисовался предо мною русскій мужикъ, тонко замѣчающій подходцы благопріятеля и умѣющій соблюсти свою выгоду. Тутъ онъ только трудится не для своего кармана, а для обители. Но мы уже видѣли выше, что монастырь для него отечество, семья родная. Внѣ монастыря ему все чуждо и дико. Чѣмъ сильнѣй и богаче монастырь, тѣмъ сильнѣе и богаче онъ самъ.

— Какъ вы лечите?—обратился я къ монаху, присматривавшему за больницею.

— А мы больше на Божью волю уповаемъ. Нечего надѣяться на медиковъ земныхъ!

На одной изъ кроватей больницы лежалъ горячечный больной. Онъ метался, дико оглядывая окружающихъ. Мокрые волосы прилипли ко лбу; иногда, судорожно вздрагивая и скрипя зубами, онъ что-то говорилъ про себя. Мы уловили одну минуту сознанія, когда онъ удивленно взглянулъ на насъ и потомъ обернулся къ окну, откуда видѣлся ему клочокъ голубого неба, съ яркими искрами чаекъ, носившихся въ его лазури. Какая-то невыразимая грусть сквозила въ его неподвижномъ взглядѣ. Онъ словно прощался со всею завидною волей, съ свободнымъ воздухомъ родныхъ далекихъ полей, съ милымъ угломъ, гдѣ живутъ его близкіе и дорогіе. На одно мгновеніе блеснули слезы, и опять онъ заметался. Въ бреду онъ поминалъ дѣтей, жену, поименно звалъ ихъ... и, право, намъ казалось,—онъ былъ счастливъ въ эти минуты.

— Выздоровѣетъ?—спросили мы у фельдшера-монаха.

— Какъ Господь. Молебенъ отслужимъ, авось, и полегчаетъ...

Вообще же нужно замѣтить, что, благодаря необыкновенно здоровому воздуху Соловецкаго архипелага, здѣсь мало больныхъ. Чаще всего монахи умираютъ отъ чахотки. Я видѣлъ нѣсколько еще шевелившихся, но уже близкихъ къ смерти монаховъ. У нихъ землистый цвѣтъ лица, худоба, впалая грудь, воспаленныя очи... Видно, не легко дается подвигъ самоотреченія и аскетизма, пустынножительство недаромъ обходится своимъ адептамъ.

— У насъ вѣдь лѣтомъ только и лежатъ въ больницѣ. Зимой мало—человѣка два. Монахъ въ больницѣ не станетъ лежать, ему въ кельѣ лучше!

Изъ больницы мы вышли въ корридоръ, по одну сторону котораго шли маленькія кельи. Тутъ мы наткнулись на полнѣйшее воплощеніе смерти. Это былъ схимникъ. Онъ только-что вышелъ изъ собора, и, едва пере-

двигая ноги, брелъ домой. Весь въ черныхъ покровахъ, усѣянныхъ изображеніями гробовыхъ крестовъ и адамовыхъ головъ, въ капюшонѣ, полузакрывавшемъ лицо, онъ производилъ крайне мрачное впечатлѣніе. Изъ-подъ савана, надѣтаго на него, глядѣли совершенно неподвижные, безцвѣтные глаза. Это были глаза не только безъ блеска, но и безъ взгляда... Медленно онъ прошелъ мимо насъ, и только-что мы успѣли оправиться, какъ съ другой стороны на темномъ фонѣ полусумрачнаго корридора показалась другая фигура... Длинная-длинная. Только этотъ былъ еще ужаснѣе. Дайте мертвецу острый, но холодный взглядъ — и передъ вами будетъ встрѣченный нами призракъ.

— Нѣтъ спасенія... Бѣсы, дьяволы... Геенна огненная... Пламя, пламя адово... Плачьте, скорбите!..—бормоталъ онъ, проходя мимо насъ.

— Помѣшанный!—шепнулъ намъ монахъ.

Мы выбѣжали вонъ...

Воздуху, свѣту!..

XXVI.

Мельница св. Филиппа. — Прогулка по стѣнамъ. — Въ башнѣ.

Нѣсколько столѣтій тому назадъ св. Филиппъ, замученный потомъ Іоанномъ Грознымъ, устроилъ въ стѣнахъ обители мельницу, существующую и теперь на томъ же мѣстѣ, но, разумѣется, въ иномъ видѣ. Я отправился туда.

На дорогѣ мнѣ попалась неизмѣнная дѣва съ флюсомъ. За краткое пребываніе въ монастырѣ, она до того успѣла надоѣсть монахамъ, что тѣ бѣгали отъ нея, какъ отъ чумы. Несчастная, кромѣ того, имѣла претензію изъясняться съ крестьянами въ рясахъ на французскомъ діалектѣ. Такія дѣвицы только и возможны въ захолустьяхъ самыхъ глухихъ провинцій. Меланхолическая дѣва и моего проводника не оставила въ покоѣ.

— Изыди, сатана! Да воскреснетъ Богъ, и расточатся врази его! — ожесточился благочестивый инокъ. — Яко отъ лица огня! Иди вонъ, что смущаешь крещеную душу. Я вѣдь тебя не трогаю. Повѣрите-ли,—обратился онъ ко мнѣ, когда дѣвица удалилась,—отбиться отъ нея нельзя. Такъ лѣзомъ и лѣзетъ. Экая, прости Господи, несообразная. Вчера къ монаху одному въ келью забралась, едва ее оттуда выгнали—неймется. Ахъ, ты расподлая душа. Страсть, какъ въ нихъ любопытство свирѣпствуетъ!

— На Аѳонѣ лучше, тамъ ихъ совсѣмъ не пущаютъ. Что въ ихъ—прахъ одинъ. Нешто она человѣкъ... Хвостомъ вертятъ передъ тобою, очами помаваютъ, плечами водятъ... Ахъ, тварь!.. Бываютъ, впрочемъ, и между ними скромныя, молятся, не лѣзутъ... А и смѣшныя же есть. Года три тому изъ Онеги къ намъ одна англичанка пріѣхала. Ей кто-то сказывалъ, что монахи женскій полъ не своей вѣры убиваютъ. Такъ она все русскую изъ себя представляла: крестится по нашему, поклоны отбиваетъ. Смѣхота!

— Говорятъ, кемлянокъ вы особенно не любите?

— Правда, потому развратныя онѣ... Сто бѣсовъ въ каждой сидитъ!

Наконецъ, мы вошли внутрь монастырской башни, гдѣ помѣщается мельница св. Филиппа. Монахи размалываютъ здѣсь рожь, покупаемую въ Архангельскѣ.

Въ темнотѣ что-то вращалось и гудѣло. Слышались какіе-то исполинскіе взмахи, рокотъ воды и глухой, разсыпчатый грохотъ. Я остановился въ дверяхъ, не осмѣливаясь идти дальше, и хорошо сдѣлалъ. Когда глаза мои привыкли къ темнотѣ, я увидѣлъ, что здѣсь вертикально вращался громадный воротъ, каждый зубецъ котораго могъ бы убить неосторожнаго зрителя. Кромѣ того, прямо внизъ отвѣсно шелъ громадный провалъ. Вышина — ужасная. Упасть, такъ и костей не соберешь. Мельница водяная. Тутъ свой резервуаръ, онъ приводитъ воротъ въ движеніе. Мука здѣсь стоитъ въ воздухѣ; ею дышешь, она покрываетъ лицо, руки, платье. Помостъ

дрожитъ подъ вами, и вы невольно смущаетесь, а тутъ, какъ нарочно, словно въ успокоеніе, объясняетъ вамъ провожатый:

— Не извольте сумлѣваться; тутъ двадцать сажо́нъ глубины. Одного монашика внизъ бросило — и косточки смололо... Да вы подайтесь впередъ, тутъ можно!

Разумѣется, вмѣсто того, чтобы податься впередъ, я со всевозможною быстротою подался назадъ — прямо въ двери, а оттуда во дворъ. Изъ резервуара этой мельницы вода выводится частію и въ доки. Въ самые же резервуары проведены каналы изъ внутреннихъ озеръ острова. Сила воды становится понятна, когда открываютъ шлюзы. Она съ ревомъ бѣшено стремится впередъ, съ такою быстротой, что движеніе ея невозможно уловить глазами. Слышишь только его и чувствуешь.

— Хорошо у васъ тутъ устроено!

— Я подумываю кое-что сдѣлать самъ; тутъ вода требуется, а я, признаться, хочу, чтобы безъ воды дѣйствовало!

— Что-жъ, паровую?

— Гдѣ!... Нѣтъ, мысль у меня есть... На модели я пробовалъ, хорошо выходитъ.

— Какъ же это?

— А чтобъ заводить мельницу, какъ часы заводятъ!

Я посмотрѣлъ въ глаза провожатому, не сумасшедшій ли... Нѣтъ; онъ говорилъ чрезвычайно просто, точно дѣло шло о погодѣ.

— Гдѣ же у васъ модель?

— Модель?.. Исторія тутъ вышла... Сдѣлалъ я ее, да подумалъ, что это гордыня во мнѣ, суемудріе, духъ вольномыслія... Ну, по маломъ разсужденіи, помолился я Богу и сжегъ модель... Одначе мнѣ потомъ объяснилъ монашекъ одинъ, тоже изъ нашихъ крестьянъ, что въ этомъ грѣха нѣтъ—ежели собственно для обители, потому все на пользу... Опять дѣлать стану!—Какъ ни просилъ я его описать мнѣ механизмъ этой необыкновенной, заводящейся мельницы — толку добиться не могъ. Начнетъ — собьется, наконецъ, бросилъ.

— Языкъ-то у меня, парень, суконный, понимать-таково-ли ясно понимаю: зажмурю глаза, такъ до послѣдняго колеса все вижу, какъ и что... Ну, а сказать не могу. Не моего ума дѣло. Я и часы могу, тоже самъ обучился. Только тонкой работы не могу. А поправить—хоть сейчасъ. Всякую пружину понимаю, а грамотѣ второй годъ учусь—и ни въ зубъ. Нѣтъ дарованія, значитъ. Кому отъ Бога не дано—грѣхъ и стараться, потому противъ его воли выходитъ!

Мы вошли на галлерею, устроенную наверху, на стѣнахъ. Она тянется вокругъ монастыря. Прекрасенъ видъ синяго моря изъ узкихъ бойницъ этого холма. Даль раздвигалась въ безконечный просторъ, направо и налѣво зеленѣли окраины лѣса—а прямо недвижное голубое зеркало. Ни волнъ, ни зыби... Чайка—и та отражалась въ немъ до послѣдняго перышка... Не хотѣлось отрываться отъ этой чудной картины.

— Сегодня въ церкви архимандритъ служитъ, приходите пѣнія нашего послушать. Напѣвы у насъ простые, пустынные напѣвы, но, однако,—стройно, душа паритъ... А теперь, прощайте... Дѣла есть!

Мы разстались; долго я стоялъ у бойницъ, оглядывая окрестности. Говорятъ, подъ этимъ ходомъ есть еще ходъ, но совершенно темный. Безъ бойницъ, безъ оконъ, безъ луча свѣта. Воображаю, что это за черная щель! Добиться входа туда я не могъ. Едва-ли и сами монахи бывали тамъ, ежели преданіе о немъ не миѳъ. О подземныхъ соловецкихъ тюрьмахъ писали не разъ—а ихъ не оказалось вовсе.

Безконечная морская даль такъ и манила къ себѣ. Здоровый свѣжій воздухъ охватывалъ меня на высотѣ. Дышалось легко, бодро... Сердце мое приростало къ этому прелестному острову. Если-бы не аскетизмъ его обитателей, я, кажется, былъ бы готовъ остаться здѣсь на всегда.

Черезъ полчаса я бродилъ уже внизу вдоль стѣнъ. Это было внутри монастырскаго двора. Подхожу къ башнѣ,

вижу низкій, сводчатый входъ. Дверь отворена. Я вошелъ. Мракъ, сырость, плѣсень охватили меня со всѣхъ сторонъ. Тутъ была тьма; только гдѣ-то на высотѣ, словно остріе ножа, свѣтилась какая-то щель. Я осторожно переступалъ по влажнымъ каменьямъ, пока не забрался внутрь. Тутъ стояли какія-то не то бочки, не то чаны. Видѣть нельзя было ничего. Передъ глазами сверкали огнистыя спирали, распадаясь на тысячи блестокъ; извивались золотыя змѣи, словно плавали какіе-то яркіе круги, сегменты... Я дышалъ сыростью... Становилось нестерпимо.

Сообразивъ, что зашелъ далеко, я обернулся ко входу— его не видно. Что за чудеса! Я, едва переступая, пошелъ къ нему—мракъ повсюду. Гдѣ-же двери? Какое-то холодное, отвратительное чувство страха скользнуло въ грудь мою. Мнѣ казалось, что я заживо схороненъ въ склепѣ.

Я шелъ впередъ, протянувъ руки и зажмуривъ глаза. Все равно, ежели-бы и открылъ ихъ—ничего бы не увидѣлъ. А такъ казалось покойнѣй. Подъ ногу попался влажный и скользкій камень, я поскользнулся и упалъ. Наконецъ, шаговъ черезъ десять я ладонями оперся о какой-то мокрый бархатъ и тотчасъ же отдернулъ руки съ отвращеніемъ. Это внутреннія стѣны сводовъ поросли мохомъ и лишаями.

Мое положеніе становилось сквернымъ. Прошло болѣе часа, пока я былъ въ башнѣ. Я и безъ того усталъ, бродя все утро — а тутъ некуда и прислониться. Наконецъ, я крикнулъ. Еще разъ... Громче. Ни отзыва, ни отвѣта... Я сообразилъ, что звуки терялись въ этихъ влажныхъ сводахъ. Нужно, во что бы то ни стало, найти выходъ. Я пошелъ опять вновь, поскользнулся и на этотъ разъ уже цѣлыми ладонями и лицомъ попалъ въ холодный, мокрый бархатъ стѣны. Изъ-подъ самыхъ ногъ моихъ что-то съ противнымъ плюханьемъ шарахнулось въ воду. Не крысы ли? И, какъ нарочно, вспомнилъ я въ эту минуту рыжихъ тощихъ, съ лысинами, вѣчно что-то [illegible]щихъ водяныхъ крысъ... Крикнулъ громче—то же

молчаніе. Оступился и по колѣно попалъ въ какую-то щель, переполненную водою... Что-то мягкое какъ будто скользнуло по моей рукѣ, что-то склизкое, гадкое заползаетъ за воротникъ; вонъ, въ углу шевелятся какія-то, еще болѣе темныя, чѣмъ этотъ мракъ, очертанія, складки чего-то длиннаго, чего-то живого, чего-то словно протягивающаго руки...

Я крикнулъ еще.

— Боже мой... Кто тутъ?

— Отоприте, ради Бога, дверь этой западни!

— Бѣги за ключемъ, у Симеона онъ, знаешь...

Когда я вышелъ изъ этого склепа на свѣтъ, на воздухъ, весь мокрый, въ зеленыхъ пятнахъ плѣсени, дрожа отъ холода, я далъ себѣ слово не лазить въ такія скважины безъ провожатаго. Я приглашаю васъ пожаловать въ это черное царство холодной и влажной плѣсени, накоплявшейся здѣсь нѣсколько столѣтій, мокрыхъ крысъ и этихъ бархатныхъ стѣнъ, чтобы уяснить себѣ мое отвращеніе. На первы дѣйствовало.

XXVII.

Поѣздка на Сѣкирную гору.—Савватьевская пустынь.—Сѣкирный скитъ.—Еще разсказъ объ осадѣ.—Видъ съ высоты.—У строителя въ кельѣ.

«Соловецкіе острова—вѣнецъ, а Сѣкирная и Голгоѳа—адаманты вѣнца сего»,—говорили мнѣ монахи объ этихъ мѣстностяхъ. «Одно важное лицо посѣтило ихъ въ 1870 г., такъ сказывало, что такихъ мѣстовъ по всей землѣ нѣтъ».

— Ну, ужъ и по всей землѣ!

— Вѣрно говорю. Наши монахи этого не понимаютъ. Имъ бы только польза была, до красы дѣла нѣтъ. А вы вотъ хоть сегодня поѣзжайте...

И монахъ тотчасъ распорядился наймомъ лошадей. Проѣхать туда стоитъ не дорого, 50 копѣекъ съ человѣка.

Всего насъ отправилось на Сѣкирную гору до тридцати богомольцевъ; поѣздъ, какъ видите, вытянулся довольно длинный. Дешевизна сообщеній въ Соловкахъ — невѣроятна. До Сѣкирной горы и обратно 16+16 верстъ. Разумѣется, при этомъ необходимо принять въ соображеніе, что монастырь пользуется своими сѣнокосами, трудомъ даровыхъ ямщиковъ, и самыя лошади не куплены имъ, а пожертвованы крестьянствомъ сѣвернаго края.

Какъ только мы выѣхали на лѣсную дорогу, глаза стали разбѣгаться во всѣ стороны. Пейзажи одинъ прелестнѣе другого развертывались передъ нами, какъ будто въ волшебной панорамѣ. Не успѣешь вглядѣться въ одинъ, какъ вдругъ передъ вами раскинется еще болѣе красивый, подъ свѣтомъ этого яркаго, солнечнаго дня. Дорога тянулась по горамъ. Она пробита на ихъ откосахъ: часто налѣво передъ вами возносится крутая, заросшая гигантскимъ лѣсомъ, стѣна, а направо обрывается внизъ такая же щетинистая стремнина. Сосны, одна величавѣе другой, выростали на каждомъ поворотѣ дороги. То словно канделябры, онѣ раздѣлялись у самой вершины на три или на четыре прямыхъ и параллельныхъ стволу отрасли, также стройно возносящіяся въ высь. Другія, точно въ лазури неба, раскидывали свои вѣтви, и какая внушающая благоговѣніе тишина стояла подъ этими сводами! Что за чудная глушь, какой здоровый несравненный воздухъ!.. А озера! Не могу еще не остановиться на нихъ. Я бывалъ въ Финляндіи, южной Германіи, въ Альпахъ, но не видѣлъ такихъ чудныхъ озеръ, при крайне незначительной длинѣ и ширинѣ ихъ. Особенно врѣзалось въ мою память одно. Длинное и узкое, извиваясь, легло оно въ изумрудныхъ берегахъ. Небольшой лѣсокъ словно опрокинулся въ его глубину. На немъ только одинъ островокъ — но какой! Его и не видно: глазъ замѣчаетъ только три высокихъ сосны, какъ будто выросшія изъ самой середины этихъ серебристо-голубыхъ водъ. Но живописныя линіи берега, кучи валуновъ, поросшихъ уже травою, отраженіе ныхъ тучекъ, спокойное, словно все изъ распла-

вленнаго металла, зеркало водъ — нужно видѣть самому. Никакое перо не дастъ понятія о чудной красотѣ соловецкихъ пейзажей. Въ другомъ мѣстѣ видъ распадается на два художественныхъ момента. Дорога взлетѣла на самый гребень горы... Тутъ сосны рѣже. Сквозь нихъ налѣво синѣетъ неизмѣримая яркая даль моря, а направо между стволами серебрится нѣсколько постепенно пропадающихъ въ отдаленіи озеръ, словно окутанныхъ легкою, придающею имъ таинственную прелесть дымкой. Но верхъ красоты и совершенства—Бѣлое озеро. Стоишь и не насмотришься. Затаиваешь дыханіе, точно боишься, чтобы волшебный призракъ не исчезъ изъ глазъ. Представьте себѣ зеленую котловину, на дно которой брошенъ серебряный щитъ. Въ немъ отразились всѣ берега—и какіе берега! Въ немъ опрокинулись и маленькіе, то лѣсистые, то покрытые травою граціозные островки. Нельзя выразить такъ глубоко охватывающаго васъ впечатлѣнія. Эти переливы свѣта и тѣни, эти нѣжныя мягкія краски, эти изящныя линіи не имѣютъ ничего себѣ подобнаго.

Всѣ эти озера — рыбныя. У берега часто словно замерла въ водѣ темная лодочка. Спуститесь внизъ, къ самому берегу, и вы увидите, какъ въ кристалльной влагѣ недвижно висятъ, пошевеливая лишь изрѣдка плавниками и жмуря розовые глаза, лини, караси и другіе обитатели этого поэтическаго дворца. Одно, что поражаетъ здѣсь, это — отсутствіе птичьяго гомона, пѣнія и стрекота... Это — спящая царевна. Какой витязь пробудитъ ее къ жизни?

Такимъ образомъ, оставивъ экипажъ, то сбѣгая съ горы, то подымаясь на откосы, я добрался до Савватьевской пустыни. Скитъ святого Савватія не очень красивъ. Просто казарма. Тутъ монахами разбиты изящные цвѣтники; клумбы рѣдкихъ для сѣвера растеній сверкаютъ яркими кистями пышныхъ и благоухающихъ цвѣтовъ, изъ открытыхъ дверей церкви доносилось сюда молитвенное пѣніе. Я вошелъ туда. Давка была страшная. Здѣсь столпились всѣ поѣхавшіе на Сѣкирную. Одни служил

молебны, другіе просто глазѣли. Оказалось, что іеромонахъ, священнодѣйствовавшій здѣсь, читаетъ только по складамъ. Имена съ поминальныхъ листковъ разбиралъ онъ съ величайшимъ трудомъ.

Пока служились молебны, я прилегъ въ травѣ на берегу большого озера. Что это былъ за мирный уголокъ! Тоже много островов. На одномъ изъ нихъ въ свою очередь—микроскопическое, словно алмазъ, вправленный въ зеленую эмаль, озерко. Далеко-далеко, за другимъ берегомъ, синѣютъ лѣса, пропадая тамъ, гдѣ-то, на югѣ. Послѣднюю черту ихъ трудно отличить отъ дымчатой полосы облаковъ, выступившихъ на краю неба...

Лежа тутъ на травѣ, посреди цвѣтовъ, я невольно грезилъ о далекомъ дѣтствѣ. И цѣлый рой картинъ, одна, ярче другой, воскресалъ въ памяти, и сладкая, свѣтлая грусть прокрадывалась въ сердце... Хорошо, очень хорошо было здѣсь. Беру на свою совѣсть совѣтовать каждому рѣшиться на далекій путь, чтобы побывать на островахъ Соловецкихъ, да только не три дня, а недѣли двѣ-три...

Уже желтовато-розовые тоны кое-гдѣ окрасили края облаковъ, когда я поднялся опять.

Не ожидая спутниковъ, я пошелъ впередъ по дорогѣ. Долго пришлось бродить по полянамъ, и, наконецъ, на одномъ поворотѣ я сталъ, какъ вкопанный.

Передо мною, нѣсколько вдали, высокая гора.

Дорога прямою колеей взвивается на нее; лѣсъ направо и налѣво раздвинулся и образовалъ гигантскую аллею, доходящую до самой вершины горы и тамъ, на крайней точкѣ, на высотѣ воздушной, словно вися въ лазури недосягаемаго неба, сіяетъ Сѣкирный скитъ, заканчиваясь легкимъ, необыкновенно красивымъ абрисомъ колокольни,—все это до того призрачно, все это словно плаваетъ въ пространствѣ: кажется, дунетъ вѣтеръ и разомъ унесетъ это обаятельное видѣніе.

Что поражаетъ болѣе всего—это неожиданность такихъ художественныхъ моментовъ. Идешь, ничего не ожидая,

и вдругъ передъ тобою раскинется такая картина, что въ первую минуту не сообразишь, гдѣ ты, что съ тобою; не миражъ ли этотъ величавый, воздушный силуэтъ монастыря, повисшій въ вышинѣ голубого неба?

На Сѣкирную гору взбираться трудно. Лошади догнали меня внизу, и тутъ всѣ сошли съ дрожекъ. Всѣ едва полѣзли въ высь. Разумѣется, не обошлось и безъ смѣшныхъ эпизодовъ. Толстая барыня собиралась умирать на первой половинѣ пути и, не доходя до монастыря, сѣла на выступъ гранитной скалы: такъ она и не окончила своего путешествія. Она было попросила крестьянина, шедшаго съ нами, подсобить ей, но несчастный подъ тяжестью ея скатился внизъ, и сама она едва-едва удержалась за стволъ дико растущей черемухи.

Наконецъ, мы взобрались на Сѣкирную гору. Новыя красоты, новыя очарованія!

Съ перваго шагу здѣсь я наткнулся на интересную сцену. «Блаженный», бывшій съ нами, запрыгалъ на площадкѣ и забормоталъ какую-то чепуху. Народъ обступилъ его и крестился на юродиваго. «Сила чудодѣйствуетъ...—Поди, пророчить начнетъ»!

Нѣкоторые клали земные поклоны, другіе шептали молитвы, одна странница плакала отъ умиленья.

— Ахъ, ты, голубчикъ нашъ,—причитала она:—все-то за ны грѣшныя труждаешься. А мы-то и не понимаемъ и не чувствуемъ этого. Помолись хоша ты за наши душеньки бѣдныя, скажи ты намъ что-нибудь, открой судьбу!

— Летала птица, безъ хвоста синица, а волкъ съ хвостомъ!—бормоталъ блаженный.

— Господи!.. Какъ ему Вседержитель открываетъ. Птица-то—душа наша грѣшная, а волкъ — бѣсъ... Что же, голубчикъ, бѣсы съ душенькой-нашей дѣлать будутъ? Что они съ ней, разнесчастной, во ади сотворятъ?

Но тутъ юродивый пустился въ такія подробности, что бабъ отъ него какъ помеломъ смело.

Къ счастію, попался монахъ, и пророка убрали невѣ-

*

домо куда. «Промышляютъ этимъ, трудиться лѣнь—ну, и безумствуетъ. А дураки кормятъ»! замѣтилъ монахъ...

— Это вѣрно — народъ глупъ. Потому въ немъ настоящаго разума нѣтъ!—согласился ближе стоящій крестьянинъ.

— А ты—Богу молись... Онъ тебѣ и пошлетъ разума!

Я попросилъ у монаховъ напиться квасу.

Одинъ изъ нихъ тотчасъ же повелъ меня къ себѣ. Трудно сказать, какъ радушно принялъ онъ меня въ своей кельѣ. «Вотъ тебѣ, голубчикъ, булку... хорошая булка»!..

— Сколько у васъ здѣсь монаховъ живетъ?

— «Семеро, родной, всего семеро... Что-жъ ты булочку-то не возьмешь»?

Нужно было взять, отказъ бы оскорбилъ его. Желая чѣмъ-нибудь отблагодарить, я спросилъ у монаха, не дѣлаетъ ли онъ ложекъ—занятіе, которымъ, въ видѣ отдыха, пользуются соловчане. Ложки оказались. Я взялъ нѣсколько и положилъ на столъ деньги.

— Что ты, что ты, милый... Такъ, такъ возьми себѣ; я вѣдь не изъ корысти. Гость—Божій даръ. Мы гостю рады!

Судя по тому, какъ монахъ хотѣлъ наговориться со мною — видно, что ему, дѣйствительно, рѣдко приходится видѣть постороннихъ въ своей кельѣ.

Келья была шаговъ въ пять длины и въ три—ширины. Нары, покрытыя рогожей—вмѣсто кровати, некрашенные табуретъ и столъ.

— Скучно, поди, вамъ семерымъ сидѣть здѣсь?

— Благодать у насъ, а не скука; работаемъ, кормилецъ, работаемъ. Некогда и скучать. Зимой только, какъ рано темнѣетъ, ну, дѣйствительно, иной разъ и радъ бы въ обитель. А все ничего. Роптать грѣхъ!

Разговоръ сошелъ на осаду Соловецкаго монастыря англичанами, и я опять имѣлъ случай убѣдиться, какъ крѣпко держатся здѣсь преданія объ этомъ событіи. Монахъ мой говорилъ о немъ необыкновенно быстро, раз-

махивая руками и какъ будто вновь переживая всѣ случайности той эпохи.

— Подошелъ непріятель, и оробѣли, обмерли всѣ мы. Батюшки, думаемъ, что мы робить станемъ, какъ онъ въ насъ палить начнетъ? У него ружье, у него мортиръ-пушка. Расшибетъ онъ насъ, думаемъ. Кто плачетъ, кто въ щель забился и сидитъ, не дышетъ, потому, какъ непріятеля не бояться, на то онъ и прозывается врагъ. Ахъ, ты, Боже мой — всѣ-то истомились да измучились... А военные корабли все ближе, да ближе. Только и собралъ насъ архимандритъ Александръ и говоритъ: ежель что — не сдаваться, потому Россея и прочее такое. Пусть врагъ, что хочетъ, дѣлаетъ, а вы стойте... Боже мой... Сейчасъ солдатъ впередъ поставилъ!

— А у васъ и солдаты были?

— Какіе солдаты! Они только солдатами назывались. Анвалиты были. Десять анвалитовъ при нашемъ острогѣ жили, кто хромой, кто безрукій, кто безногій. Ружья у нихъ не палятъ. Они ихъ замѣсто палокъ носили. У кого и ружья не было. Ну, Александръ и говоритъ: «братцы, выручай, потому какъ вы христолюбивое воинство, и церковь васъ въ молитвахъ своихъ поминаетъ и не забудетъ, ежели врагъ окровянитъ васъ тапереченe... Помните, говоритъ, что святыню защищаете»! Мы слушаемъ—бѣда. Всѣ помремъ — думаемъ. Вотъ хорошо; немало это прошло—съ парохода аглицкаго лодка. Страсть!

— Ну, а пушки вѣдь и у васъ были?

— Какія пушки! Съ кораблей Петра Великаго. Пушченки самыя необходительныя... Вотъ съ аглецкой лодки епутата требуютъ!

— Парламентера вѣрно?

— Его, его самого... У насъ въ это время въ тюрьмѣ полковникъ одинъ сидѣлъ. По-аглецки хорошо говорить умѣлъ. И предложилъ онъ намъ, что пойдетъ въ епутаты. Насъ и возьми сомнѣніе. Какъ измѣнитъ? Вѣдь онъ рестантъ. Господь знаетъ, на душѣ у него. Долго мы объ этомъ говорили и порѣшили, чтобы онъ на бе-

регъ съ солдатикомъ шелъ, а солдату приказъ былъ данъ, что ежели только тотъ измѣнитъ—сейчасъ штыкомъ приколи,—рестанта этого. Ну, хорошо...

— Да какъ-же бы понялъ солдатъ? Вѣдь тѣ-бы по-англійски говорили!

— Ахъ, братецъ мой, пусть его говóритъ, но ежели, то-есть, рестантъ бѣжать задумаетъ — тутъ ему и капутъ. Ну, только полковникъ и пошелъ. На палочку бѣлый платъ навязалъ, и начали они говорить промежду собой. Англичане приказываютъ: подавайте ключи отъ монастыря,—кто у васъ тутъ комендантъ? Сейчасъ архимандритъ Александръ выходитъ. Я, говоритъ, этой крѣпости комендантъ и все могу, мнѣ власть дана... Ну, тѣ требуютъ ключи!—Они не у меня, берите ихъ сами.—У кого-же?—У двухъ стариковъ!—У какихъ стариковъ? У простенькихъ старичковъ, у Зосимы и Савватія, на ракахъ лежатъ, на мощахъ — возьмите, если можете. Ну, тѣ, какъ прослышали про стариковъ нашихъ и испужались. Сейчасъ назадъ, на пароходъ. И давай оттуда палить, спужавшись!.. Тутъ мы всѣ и сѣли, потому онъ палитъ — страшно это очень. Ежели-бы еще попалилъ — померли-бы всѣ, мы вѣдь люди мирные, не отъ міра сего!

— А если-бы онъ согласился взять ключи съ мощей?

— Съ мо—ощей?..—самодовольно протянулъ монахъ,—Съ мо—ощей? Бери, другъ любезный. Бери у нашихъ старичковъ. Они бы тебѣ показали силу свою... Сейчасъ-бы корабли ко дну пошли, и праха отъ непріятелевъ-бы не осталось, потому — святыня. Ни одинъ-бы не уцѣлѣлъ!

— А правда, что Александръ самъ на корабли къ нимъ ѣздилъ?

— Врутъ; потому я тутъ былъ, и хошь очень испужался, а все помню!

Изъ этихъ легендарныхъ разсказовъ все-таки можно было убѣдиться, что многое вымышлено въ крестьянскихъ разсказахъ о защитѣ Соловецкаго монастыря, хотя

замѣчательное мужество архимандрита Александра не подлежитъ сомнѣнію. Такъ составляется легенда. Словоохотливый монахъ, вѣроятно, задержалъ-бы меня долго, если-бы я не изъявилъ желанія взобраться на колокольню скита.

Всѣ разсказы о видахъ отсюда оказались блѣднымъ, ничего не говорящимъ очеркомъ великолѣпной дѣйствительности. Всѣ четыре окна колокольни были рамками несравненныхъ картинъ.

Весь Соловецкій островъ раскидывался далеко внизу, съ своими лѣсами, озерами, полянами, церквами, скитами, часовнями и горами. Какіе нѣжные переливы красокъ, какіе мягкіе изгибы линій! Тутъ темная зелень сосноваго лѣса, тамъ изумрудный просторъ поемнаго луга и повсюду серебряные щиты изящныхъ озеръ! Эти—точно искры на зеленомъ бархатѣ. Берега острова рѣзко очерчивались передъ глазами, какъ на картѣ, но каждый пунктъ ихъ былъ отдѣльной изящной картиной. Тамъ группа скалъ, обрывъ, тутъ длинный мысъ, поросшій щетиною темнаго лѣса. Тамъ зеленая отложина, нечувствительно сливающаяся съ моремъ; тутъ послѣднее глубоко врѣзывается въ землю, образуя въ ней внутреннія озера, едва замѣтными проливами связанныя съ громаднымъ водянымъ просторомъ. Сначала глазъ былъ пораженъ только цѣлымъ ансамблемъ этого чуднаго неописуемаго ландшафта, но потомъ, мало-по-малу, стали выдѣляться его детали. Эти золотящіяся лѣсныя дороги—онѣ, словно змѣи, извиваются въ чащѣ, то пропадая въ ней, то вновь выбѣгая прихотливыми линіями. Вотъ бѣлыя церкви. Онѣ разсѣяны повсюду. Какъ малы и какъ изящны онѣ отсюда. Вотъ по лѣсамъ блестятъ и лучатся золотыя искры. Всмотритесь—это кресты затерявшихся въ глуши часовенъ. Вотъ на зеленой бархатной лужайкѣ раскинулось стадо оленей. Глазъ едва различаетъ ихъ съ этой высоты. Но какъ хороши гребни этихъ холмовъ, этотъ чудный воздухъ, это безбрежное море кругомъ. Какая это точка лучится на самомъ краю пейзажа?

— Это гора Голгоѳа и скитъ Голгоѳскій!

Засіяла розовая заря. Сотни озеръ, раскинутыхъ внизу, вспыхнули разомъ. Глазъ нельзя было отвести отъ нихъ: точно со всѣхъ концовъ запылали безчисленные костры, по всѣмъ лѣсамъ, полямъ и лугамъ острова. Вершины лѣса были тоже охвачены этимъ нѣжнымъ сіяніемъ. Море вокругъ райскаго уголка сіяло пурпуромъ, золотомъ, и лазурью. Казалось, небо укрыто жемчужными тучками, море съ его неугомонными волнами и земля съ ея божественными дарами оспаривали пальму первенства другъ у друга... Вокругъ всего острова лежала тоже огнистая полоса... Бѣлыя церковки стали розовыми, пурпурными, золотыми... Кто бы не сталъ поэтомъ лицомъ къ лицу съ такою идеальною красавицей, какова эта неотразимо-прекрасная природа!

По одной изъ дорогъ ползетъ муравей-лошадь. Она тоже горитъ, какъ золотая искра... Вотъ она скрылась за лѣсомъ. Вотъ въ одномъ озерѣ шевелится черная точка. Это челнокъ. Кто сидитъ въ немъ—не видно, но точка движется и пропадаетъ въ черномъ заливѣ...

Нельзя было насмотрѣться.

Изъ противоположныхъ оконъ видно только море. Тутъ Сѣкирная гора почти отвѣсно обрывается внизъ. Пурпурно-золотой просторъ движется передъ вами. Вы не видите волнъ, но замѣчаете только волненіе. А тамъ—точно въ огнистомъ вѣнцѣ—подымается группа острововъ «Кузова». А еще дальше—туманное пятно и нѣсколько искръ. Оно словно виситъ въ голубомъ небѣ. Это кемскій берегъ и Кемь. Иногда, говорятъ, она вся видна отсюда—за 60 верстъ разстоянія.

Какой чудный лѣтній пріютъ можно было бы создать здѣсь, гдѣ теперь живутъ только семеро монаховъ, равнодушныхъ къ этой сіяющей, ослѣпительной красотѣ!

Мы уже собирались уѣзжать, какъ насъ пригласилъ къ себѣ строитель скита...

Это—красавецъ. На видъ ему сорокъ, а въ дѣйствительности шестьдесятъ лѣтъ. Онъ оказался воронежскимъ

крестьяниномъ. Въ немъ вполнѣ выразился типъ бодраго, веселаго и живого труженика.

У насъ быстро завязался разговоръ. Темою послужило недавнее монастырское неустройство, вызвавшее присылку изъ Петербурга слѣдственной комиссіи. Въ это время особенно гналъ настоятель моего теперешняго собесѣдника, честная душа котораго не мирилась съ тѣмъ, что онъ видѣлъ въ излюбленномъ имъ монастырѣ.

— За что же онъ гналъ васъ?

— А за то, что посмѣтливѣй другихъ выхожу. Онъ меня чуть было не удалилъ отсюда настоятелемъ въ Онежскій крестный монастырь. Едва-едва я отдѣлался. Лучше бы померъ, чѣмъ туда пошелъ. Я этотъ монастырь хорошо знаю. Строилъ его послѣ пожара.

— Вы строили?

— Я самый. Вы смотрите, небось, что грамоты не знаю. Это у насъ ничего. Гостинницу нашу видѣли?

— Еще бы. Громадное зданіе и, какъ видно, выстроено архитекторомъ перваго разбора!

— Этотъ архитекторъ—я самый и есть. Моихъ рукъ дѣло. Скиты тоже строилъ. Гостинницу въ одно лѣто вывели. Самъ архимандритъ кирпичи таскалъ!

— Ну, этого быть не можетъ, чтобъ въ одно лѣто!

— Справьтесь. Кирпичи предварительно три года заготовляли, а гостинницу въ четыре мѣсяца вывели всю и отдѣлали!

Я вспомнилъ отзывъ Диксона объ этой постройкѣ простого, неученаго воронежскаго крестьянина: «направо отъ насъ большой отель, такой красивый, чистый и свѣтлый, что любой отель на итальянскихъ озерахъ не веселѣе и не привлекательнѣе его»; пришлось невольно подивиться этой богато одаренной натурѣ.

— Отчего же вы не захотѣли ѣхать въ Онежскій крестный монастырь настоятелемъ?

— Я—монахъ, а тамъ господа больше. По 70 руб. рясы носятъ. Прости, Господи, осужденіе мое. Развѣ это иноки? Роскошествуютъ, мамона тѣшутъ. Не по на-

шему. У насъ—пища грубая, жизнь пустынная. Никуда бы я отсюда своей волей не ушелъ!—Лицо отца Митрофана сіяло, словно озаренное, когда онъ описывалъ преимущества Соловецкаго монастыря.

— Ну, а въ городъ, въ Архангельскъ, хотѣли бы?

— Монаху въ городѣ не житье, назадъ рвемся. Дико намъ между людей. Опять же и соблазны на каждомъ шагу...

Мы заговорили объ образованныхъ монахахъ.

— Спаси Богъ отъ нихъ, отъ образованныхъ. Мужичокъ—нашъ работничекъ и кормилецъ, а образованный смуту сѣетъ, да неустройству всякому глава. Отъ нихъ и обителей паденіе и посрамленіе чина иноческаго предъ міряпами. Намъ безъ образованныхъ хорошо живется: мы и безъ нихъ устроили у себя все, что нужно. Образованные у насъ ничего не-подѣлали. Все наша братія, сѣрое крестьянство, съ помощію Всевышняго и угодниковъ Зосимы и Савватія, созидала. Видалъ на берегу у насъ большой подъемный кранъ съ рычагомъ?—Крестьянинъ строилъ. Набережную видѣлъ?—Крестьянская работа; гавань тоже, доки,—все мужицкія головы задумали, да мужицкія руки сдѣлали. Отлично мы и безъ образованныхъ справляемся. А заведись ихъ поболѣе, чѣмъ теперь—все прахомъ пойдетъ. Особливо ежели изъ дворянъ монахи. Тѣ хорошо жить любятъ, тѣло свое покоить, да рученьки-ноженьки нѣжить. Ну, ослобонишь его отъ работы—смотришь, и другимъ примѣръ дурной. Нѣтъ, счастье намъ, что мы по-просту живемъ. Давай Богъ мужичковъ намъ побольше, они все тебѣ сдѣлаютъ. Вотъ маякъ построили. Да возьми хоть меня. Я мужикъ неученый, азбуки вѣдь не знаю; а я тебѣ безъ архитекторовъ дворецъ выстрою. Вотъ и эту обитель на Сѣкирной горѣ я строилъ!

Мы всходили на сѣкирный маякъ, но тотчасъ же сошли внизъ. Нужна была привычка. Гора и безъ него высока, а на ней это сооруженіе—высоты ужасной. Голова кружилась, все мѣшалось передъ глазами.

Уже на возвратномъ пути съ Сѣкирной горы я узналъ, что въ числѣ монаховъ этого скита находится фотографъ Сорокинъ, которому новый архимандритъ запретилъ заниматься фотографіею, находя ее неприличной для монаха. Не мѣшало бы только знать, что одинъ изъ нашихъ митрополитовъ, признанный святымъ, занимался химіей и въ области ея производилъ спеціальныя изслѣдованія. Теперь Сорокина тѣснятъ, и его удерживаетъ въ монастырѣ только то, что тутъ же пострижены два его брата, а мать—инокиня холмогорскаго женскаго монастыря. Фотографа смиряютъ разными способами, то посылая его на работы, то уединяя въ скиты, гдѣ всего-на-всего живутъ 4—7 монаховъ.

А пейзажи Соловецкаго острова дѣйствительно заслуживаютъ фотографическихъ снимковъ.

Возвращаясь домой, въ гостинницу, мы вновь любовались тѣми же чудными картинами, но уже при розовомъ освѣщеніи заката, трепетавшемъ и въ листвѣ березъ, и въ струяхъ озеръ, и въ туманной дали лѣсной чащи, и въ муравѣ посмнаго луга. А внизу, въ глубинѣ горныхъ долинъ, уже курился паръ, окутывая могучіе стволы сосенъ сѣрыми однообразными клубами. Грустное чувство охватывало душу, когда мы думали о скоромъ отъѣздѣ отсюда.

Каждый холмъ, каждая гора здѣсь увѣнчаны часовнями, зеленые куполы и золотые кресты которыхъ мягко рисуются среди окружающаго ихъ пейзажа.

На половинѣ пути—часовня съ вырытымъ въ ней колодцемъ. Вода здѣсь холодна, какъ ледъ. Тутъ останавливаются и отдыхаютъ странники. Мѣсто чрезвычайно красиво, особенно когда на пролегающихъ скатахъ раскинутся пестрыя толпы богомольцевъ, и слышится отовсюду говоръ разноязычной толпы...

XXVIII.

Еще нѣсколько подробностей.

Когда мы вернулись, была уже ночь. Сѣверная лѣтняя ночь—тотъ же день, только безъ солнца. Меня мучила безсонница, и я долго сидѣлъ у окна, глядя на прекрасную набережную, гавань и пароходы соловецкіе. Вся окрестность наполняется несмолкающими криками чаекъ; глухой прибой морскихъ валовъ казался фономъ, на которомъ выдѣлялся птичій гамъ.

Я думалъ обо всемъ, видѣнномъ мною на этихъ нѣкогда пустынныхъ и безлюдныхъ островахъ. Я сравнивалъ ихъ нынѣшнее благосостояніе съ положеніемъ такого торгово-промышленнаго центра, какъ Архангельскъ. Пришлось отдать преимущество монастырской общинѣ, какъ это ни странно. Въ Архангельскѣ, несмотря на его милліонные обороты, заграничный отпускъ, торговлю хлѣбомъ, смолою, льномъ и пенькой, нѣтъ и десятой доли того, что поражаетъ васъ на каждомъ шагу въ Соловкахъ. Въ Архангельскѣ, несмотря на то, что онъ весь въ рукахъ новыхъ хитроумныхъ улиссовъ-нѣмцевъ, не найдете ни доковъ, ни такихъ гостинницъ, ни такой набережной. Я уже не говорю о томъ, что здѣсь есть такія промышленныя учрежденія, о которыхъ и не снилось городу.

«Нашъ крестьянинъ глупъ, нашъ крестьянинъ безпеченъ, нашъ крестьянинъ неряшливъ нашъ крестьянинъ не способенъ къ самодѣятельности, не изобрѣтателенъ»—на тысячи ладовъ проповѣдуетъ пресса и въ серьезныхъ статьяхъ, и въ беллетрическихъ очеркахъ нашихъ литераторовъ-жанристовъ. Отчего же, скажите на милость, здѣсь онъ и уменъ, и смѣтливъ, и заботливъ, и изобрѣтателенъ, и чистъ въ своей домашней обстановкѣ, и самостоятеленъ, и готовъ тотчасъ отбросить старое, подмѣтивъ что-нибудь получше, поновѣе у другихъ? Отчего здѣсь онъ не является троглодитомъ,—какое троглоди-

томъ—тою гориллой, какою вы его рисуете на столбцахъ газетъ, на страницахъ журналовъ? Взгляните на него здѣсь,—какой у него самосудъ, какъ онъ справляется съ своими нуждами, съ своими обязанностями. Тутъ онъ имѣетъ возможность пьянствовать и не пьянствуетъ; имѣетъ возможность не работать, а работаетъ хорошо, хотя и не чувствуетъ надъ собой палки или не боится голода. Тутъ онъ, наконецъ, преисполненъ сознаніемъ собственнаго своего достоинства, какъ членъ могучаго соціальнаго тѣла, и не поступится передъ вами ни однимъ своимъ правомъ, также какъ не забудетъ ни одной своей обязанности. Отчего это?

Дверь въ мою комнату слегка пріотворилась.

— Не спите?... Побесѣдовать развѣ?

— Заходите, о. Гавріилъ!

Это былъ корридорный.

— Какъ чайки нонѣ разорались. Экая птица безпокойная. А умная птица. Весной, таперичe, двѣ чайки сначала прилетятъ, посмотрятъ, посмотрятъ—обойдутъ весь островъ и улетятъ назадъ. Смотришь, черезъ недѣлю, за ними—видимо-невидимо. Цѣлыя тучи!.. Соглядатаевъ, какъ Іисусъ Навинъ, пущаютъ. Что и говорить, птица бойкая!.. А зимой у насъ вороны!

— Что же воронъ лѣтомъ не видать?

— А чайка гоняетъ... заклевываетъ. Она птица смѣлая. Съ легкимъ сердцемъ птица. А жретъ сколько—страсть. Много и звѣрья разнаго. Лисицъ мы въ зиму штукъ тридцать имаемъ. У насъ звѣрь ручной, онъ не бѣжитъ: имай его; самъ въ руки дается. На горѣ Сѣкирной, у о. Митрофана, куница есть, что твоя кошка: заберется въ рукавъ къ нему, на шею сядетъ. Затѣйница! У насъ звѣрь чувствуетъ, что тутъ ему льгота предоставлена. Мы одного нѣмца таково ли по шеямъ накостыляли—страсть. Забрался онъ въ лѣса наши, да давай звѣря стрѣлять. Онъ, паршивый, того и понять не можетъ, что ему на часъ забава,—а у насъ навсегда звѣрь пуганый будетъ. Экая у нихъ жадность, право!

— Зимою у васъ рабочимъ скучно, поди?

— Лучше зимою. Крестьянину у насъ—лафа. Кормятъ его такъ, какъ онъ дома по великимъ праздникамъ не ѣдалъ: безъ мяса и рыбы за столъ не сядетъ. Пироги имы даютъ. Одѣваютъ ихъ чисто, тепло. И такъ онъ къ чистотѣ этой пріобыкнетъ, что потомъ и дома у себя тоже наблюдаетъ, чтобы округъ грязи не было. Работать не заставляемъ, а сколько усердія есть. Ежели человѣкъ бѣдный, обитель и деньгами поможетъ. Ну, а кто человѣкъ зажиточный, работать не хочетъ, а такъ восчувствуетъ желаніе провести въ монастырѣ годъ—заплати сто рублей и живи. Келью дадимъ отдѣльную, платье, столъ. Радуйся да замаливай грѣхи вольные и невольные... А грѣховъ у насъ много. И за всякій грѣхъ отвѣтъ держать придется...

Къ счастію, оказалось, что мой собесѣдникъ—не охотникъ говорить проповѣди.

— Гдѣ у васъ рыбу ловятъ?

— Сельди вездѣ, даже въ гавани. Треску мы промышляемъ въ Сосновской губѣ, близъ Соловецкаго острова,—ярусами, семгу въ Анзерахъ. Нонѣшній годъ семга не баско ловится. Прошлый уловъ хорошъ былъ. Года на полтора заготовили, да еще продали сколько.

Вотъ еще характеристическій фактъ. Въ то время, какъ земскій крестьянинъ извлекаетъ весьма ничтожныя выгоды изъ сельдяного промысла, потому что не умѣетъ солить сельди, крестьянинъ, монахъ соловецкій, великолѣпно приготовляетъ свою сельдь, не уступающую норвежской и голландской. За что они ни возьмутся, все у нихъ выходитъ удачно, все ведется съ знаніемъ дѣла, упорно, неотступно, пока полный успѣхъ не увѣнчаетъ ихъ усилій.

— Слышалъ я, что вы и на Мурманскій берегъ свою шкуну отправляете?

— Да, нынѣ командиромъ этой шкуны у насъ молодой парень. Прежде онъ на кемскихъ судахъ ходилъ, [illegible] пришелъ къ намъ богомольцемъ: замѣтили мы у

него способности къ морскому дѣлу и послали учиться въ архангельскіе шкиперскіе курсы. Тамъ онъ кончилъ, обучился, экзаментъ первымъ сдалъ. Теперь монахомъ у насъ. Шкуна въ его распоряженіи. Во всемъ, скажу я тебѣ, невидимо Господь намъ покровительствуетъ. Наняли мы сначала машиниста на пароходъ, два наши монашика походили съ нимъ вмѣстяхъ одно лѣто—теперь и машиниста не надо: лучше его дѣло знаютъ. Сами всѣмъ и управляемся!

— Разскажите мнѣ что-нибудь о вашемъ мурманскомъ промыслѣ!

— Что говорить. Теперь мурманской промыселъ у насъ внизъ идетъ. Прежде у насъ на Кильдинѣ и становище свое было, а теперь просто у Териберки рыбу промышляемъ. Много ловимъ. Ну, и морскаго звѣря бьемъ —нерпу, лысуна, моржей, тюленей. И у себя ихъ тоже ловимъ. Салотопню посмотри нашу, свой глазъ лучше!

— Прежде соловецкіе монахи и на Новую Землю хаживали?

— Какъ не бывать, бывали. Прежде мы по Онежскому да Кемскому побережьямъ сколько варницъ своихъ держали. Четыреста-тысячъ пудовъ соли добывали въ нихъ. Теперь только земля у города Кеми осталась. Огороды наши тамъ... Мы за всѣмъ слѣдимъ—немного погодя, продолжалъ онъ.—Швейныя машины завелись, мы и ихъ купили, да въ наши швальни и сапожныя мастерскія поставили. Работа скорѣе идетъ, лишнія-то руки, смотришь, и на другое дѣло употребить можно!

— Вотъ только читаетъ монастырь мало!

— Зачѣмъ намъ это—вотъ если хозяйственное—прочтемъ. У насъ и газеты-то не больше пяти человѣкъ выписываютъ. Однако я разговорился у васъ... Благослови, Господи—спать пора!

Я проснулся, когда по корридору неистово зазвонили въ колоколъ. Такъ въ три часа утра ежедневно будятъ богомольцевъ. У меня въ комнатѣ оказалась цѣлая семья спавшихъ чаекъ. Съ вечера я забылъ затворить окно—тѣ

забрались поклевать хлѣбныхъ крошекъ, да тутъ же и расположились спать на столѣ: и удобно, и покойно. Я крикнулъ на нихъ, онѣ въ полъ - глаза посмотрѣли на меня и ни съ мѣста; что было дѣлать съ такою солидною птицей! Я оставилъ ихъ. Такъ онѣ у меня проспали цѣлое утро.

На другой день мнѣ удалось еще собрать нѣкоторыя свѣдѣнія объ этой обители.

Соловецкому монастырю принадлежатъ два большихъ каменныхъ дома въ Архангельскѣ и одинъ — въ Кеми. Прежде обитель владѣла громаднымъ домомъ въ Вологдѣ, но недавно продала его за ненадобностью. Одинъ изъ каменныхъ домовъ въ Архангельскѣ выведенъ въ три этажа, въ немъ помѣщается около пятидесяти квартиръ, отдающихся въ наймы, до ста кладовыхъ, занимаемыхъ купцами подъ товары и оптовые склады, и до десяти лавокъ. Тутъ же помѣщается и часовня. Это зданіе принадлежитъ къ числу самыхъ большихъ въ губерніи. Стоимость его опредѣляется въ 80,000 руб. Кромѣ того, въ этомъ же городѣ устроено недавно монастыремъ новое подворье—двухъ-этажный каменный домъ, гдѣ исключительно живутъ лѣтніе богомольцы. Оно, съ громаднымъ участкомъ земли и пароходною пристанью близъ него, оцѣнивается въ 25,000 р. Подворье въ Сумскомъ посадѣ не особенно значительно. Оно ветхо и полуразрушено. Здѣсь останавливаются богомольцы, направляющіеся въ монастырь изъ Петербургской, Новгородской и западныхъ уѣздовъ Олонецкой губерніи. Въ подворьяхъ архангельскихъ иногда скопляется разомъ по 3,000 странниковъ, въ Сумѣ въ прошломъ году было до 600 чел. Зданіе, дворы, квартиры, лавки и амбары подворьевъ содержатся необыкновенно чисто. Дворники, прислуга, водовозы— монахи завѣдомо трезвы, честные и скромные. Монастырь нарочно выбираетъ такихъ, чтобы не опростоволоситься. Вообще же, всѣ владѣнія Соловецкаго монастыря внѣ его острововъ оцѣниваются въ 150,000 р.

Въ самомъ монастырѣ — нѣсколько лавокъ, содержи-

мыхъ монахами. Изъ нихъ мы видѣли книжную, гдѣ продаются изданія обители, а именно: «Описаніе Соловецкихъ древностей», «Описаніе Соловецкаго монастыря, архимандрита Досиѳея», «Описаніе подвиговъ Соловецкой обители», «О подвижникѣ Іонѣ», «Житіе Соловецкихъ угодниковъ», «Путеводитель по Соловецкимъ островамъ». Тутъ имѣются и такія книги, какъ изданная въ Лейпцигѣ: «О русскомъ духовенствѣ». Здѣсь же сбываются издѣлія монастырской литографіи: картины видовъ и зданій обители. Онѣ исполнены несравненно лучше работъ московскихъ искусниковъ этого рода. Цѣны—довольно высокія. Разсчитываютъ на религіозное чувство покупателя и берутъ въ три-дорога. Кромѣ того, необходимо замѣтить, что, при даровомъ трудѣ и при освобожденіи отъ платежа всякаго рода пошлинъ и сборовъ, монастырь свои изданія могъ бы продавать гораздо дешевле обыкновенныхъ. Когда я сказалъ объ этомъ монаху, тотъ сослался на св. Зосиму и Савватія.

— Не для себя! На святыхъ трудимся. Намъ что, намъ немного надо, а вотъ угодники наши, да обитель ихъ пресвѣтлая — благолѣпія требуютъ. Купить книжку или картину у насъ, все равно, что пожертвованіе на обитель сдѣлать. Все тамъ зачтется!

Особенно хороши изъ литографій: виды Сѣкирной горы и Голгоѳы. Къ сожалѣнію, какъ они, такъ и общій видъ Соловецкаго монастыря значительно искажены изображеніемъ ангеловъ, летающихъ по воздуху. Понятно, что тутъ разсчетъ на крестьянъ. При насъ, напр., явился одинъ крестьянинъ, шенкурецъ,—ваганъ на мѣстномъ нарѣчіи. Ему показали литографію. Онъ предпочелъ картину «съ анделами»,—она ему напоминала икону.

Крестьяне покупаютъ такія картины десятками. Каждый везетъ ихъ съ собою въ подарокъ роднымъ и сосѣдямъ. Но особенно ходко идутъ въ этой лавкѣ образки и — главное — ложки соловецкаго издѣлія. Послѣднія— простого дерева, грубо выдѣланы и покрыты лакомъ. На каждой — изображеніе рыбы и надпись: «благословеніе

Соловецкой обители». Нѣкоторыя заканчиваются точенымъ изображеніемъ благословляющей руки. Каждая ложка стоитъ не менѣе десяти-пятнадцати копѣекъ. Крестьяне закупаютъ ихъ массами.

«Ѣсть ими здорово,—объяснялъ одинъ, — потому онѣ священныя. Онѣ, поди, сколько у преподобныхъ лежали». Финифтяные образки и крестики приготовляются здѣсь также массами. Они весьма не дешевы, сравнительно со стоимостью ихъ производства. Имъ тоже сбытъ хорошъ, особенно въ первые лѣтніе мѣсяцы, когда монастырь посѣщается чернорабочими богомольцами. Въ іюлѣ начинается съѣздъ народа «почище», и самая торговля обители принимаетъ иной оттѣнокъ.

Рухлядная лавка монастыря торгуетъ сапогами изъ нерпичьей кожи, неизносимыми поясами изъ того же матеріала и монашескими вещами. Тутъ же сбывается всякаго рода рухлядь, оставляемая монастырю по завѣщаніямъ. Такъ, при насъ здѣсь красовался фракъ министерства внутреннихъ дѣлъ, чья-то енотовая шуба, мундиры и разная другая ветошь. Отсюда неимущимъ богомольцамъ выдаются въ пособіе—полушубки, сѣрые армяки, рубахи, сапоги. Все это стоитъ чрезвычайно дешево, а, въ сущности, производитъ весьма благопріятное впечатлѣніе на массу. Впрочемъ, милосердіе къ неимущимъ составляетъ хорошую черту Соловокъ. Оно и понятно: крестьянинъ-монахъ никогда не забудетъ, чего онъ натерпѣлся прежде, чѣмъ сталъ полноправнымъ членомъ богатой религіозной общины. Здѣсь естественная потребность сердца и чувства соединяется съ вѣрнымъ разсчетомъ на возвращеніе раздаваемаго сторицею.

Въ Соловкахъ есть еще лавка у Святыхъ воротъ; тутъ продается все: и колоніальные продукты, и бумага, и полотно. Приказчикъ —молодой, необыкновенно красивый, но мертвенно-блѣдный монахъ. Это лицо оставило во мнѣ глубокое впечатлѣніе. На немъ лежитъ печать мучительныхъ страданій. Каждая черта его вѣетъ скорб[illegible] [illegible]ько въ глубокихъ черныхъ очахъ вспыхиваетъ

порою огонь. Такія фигуры всего лучше въ черной рясѣ монаха. Въ жизни этого затворника я чувствовалъ глубокую, въ самое себя схоронившуюся драму. Монахи испанской школы напоминаютъ это типическое и одухотворенное лицо. Въ немъ, не смотря на истощеніе, чуется нервная сила. Подобные люди могутъ сдѣлать много, и прошлое ихъ всегда богато самыми крайними переходами: или яркій свѣтъ, или тьма безъ луча...

И такую эффектную личность поставить за прилавокъ бакалейной лавки. Нѣтъ, соловецкіе монахи совершенно лишены художественнаго чутья!

Насколько Соловецкій монастырь богатъ ремесленниками, видно изъ того, что здѣсь постоянно работаетъ до тридцати сапожниковъ, сорокъ портныхъ, двадцать слесарей, двадцать пять столяровъ и восемнадцать шорниковъ. Большая часть ихъ монахи, уже принявшіе постриженіе. Всѣ эти труженики, работая на св. Зосиму и Савватія, выбиваются изъ силъ и совершенно добровольно. Чѣмъ больше они сдѣлаютъ, тѣмъ выше ихъ подвигъ передъ угодниками. Лѣтомъ еще, когда богомольцы отвлекаютъ ихъ отъ дѣла — имъ достается больше отдыха, за то зимою они работаютъ «въ свою волю». Тутъ «своя воля» означаетъ чисто воловій трудъ.

— Потому они, угодничкн, все видятъ. Горе рабу лѣнивому! Разумѣется, ко всему этому слѣдуетъ прибавить, что отчасти работаютъ хорошо и потому, что они сыты и довольны своимъ положеніемъ.

Монастырскія конюшни отстроены на-диво. Просторъ, чистый воздухъ, безукоризненная опрятность. Онѣ выведены въ два яруса. Внизу до полутораста сильныхъ, хорошо содержимыхъ, цѣнныхъ коней. Вверху сложены запасы сѣна и разныя хозяйственныя орудія. Рядомъ съ конюшнями трехъ-этажное зданіе—для помѣщенія конюховъ. Между послѣдними пропасть мальчиковъ, живущихъ при монастырѣ. Съ ними и здѣсь обращаются прекрасно: сытенькіе, бойкіе мальчуганы, пока они не усвоятъ себѣ манеры взрослыхъ монаховъ, произвол-

чрезвычайно пріятное впечатлѣніе. Они ловко, подъ надзоромъ старшихъ, управляются съ конями. Между конюхами-монахами находится одинъ бывшій золотопромышленникъ, человѣкъ грамотный и нелишенный даже образованія.

— Каково вамъ живется здѣсь? — разспрашивалъ я мальчиковъ-конюховъ.

— Баско! Мальчику—рай. Паренькамъ лучше жизни не требовается!

— Домой не хотите?

— Спаси, Господи! Чего мы дома не видали? Здѣсь не бьютъ, да и кормятъ вдосталь. Дома такъ и не поѣшь!

— Ну, а наказываютъ за провинности?

— Наказываютъ. На колѣшки ставятъ. Ну, а не подѣйствуетъ — ступай домой. Похуже розогъ это будетъ. Я тутъ четвертый годъ, а дурного слова еще не слыхалъ...

Съ мальчиками я разговаривалъ въ отсутствіе монаховъ. Они, слѣдовательно, не имѣли причины скрывать истину.

— За порядкомъ тольки монахи больно глядятъ, чтобы въ аккуратѣ было...

Тутъ же недалеко помѣщается и шорная мастерская: просторно, чисто, свѣтло. Въ такихъ хороминахъ и работать весело. На каждомъ шагу убѣждаешься, что монастырь—хорошій хозяинъ.

XXIX.

Кемлянки въ монастырѣ. Чиновники. Отношеніе монаха къ властямъ.

— Правда ли, что вы сажаете подъ замокъ кемлянокъ?

— Истинная. Какъ ихъ не сажать, отъ нихъ развратъ одинъ!

Вопросъ этотъ я задалъ монахамъ, потому что кемлянки, содержащія почтовое сообщеніе отъ Кеми до остро-

вовъ соловецкихъ, просили моего знакомаго, пріѣхавшаго съ ними, исходатайствовать имъ у монаховъ позволеніе остаться на свободѣ, что оказалось невозможнымъ.

— Онѣ грѣшить сюда ѣздятъ... Ради одного соблазну. Сколько этихъ случаевъ было — и не перечесть! Теперь мы рѣшили, чтобы ихъ подъ замокъ безпремѣнно. Только явится изъ Кеми лодка, пріѣзжающихъ богомольцевъ — въ гостиницу, а кемлянокъ - гребщицъ въ другое мѣсто и на ключъ. Такъ до самаго возвращенія, потому имъ воли нельзя дать. У насъ лѣса, поля. Онѣ сейчасъ туда, и давай смущать души грѣшныя. Другому бы такъ и въ голову не пришло, а какъ убережешься, когда онѣ сами лѣзутъ. Сколько про нашу святую обитель изъ-за нихъ дурной славы пошло. Въ Архангельскомъ былъ я разъ, тамъ мнѣ про нихъ тоже хорошо напѣли. И такія ли бабы безстыдныя! Запрешь ихъ—онѣ въ окна уйдутъ, а то и дверь сломаютъ...

— Неужели всѣхъ ихъ запираете?

— Какія почтой ходятъ—всѣхъ. Нельзя иначе!

— А вѣдь по закону этого нельзя?

— А иноческія души смущать полагается? Въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходятъ. У насъ здѣсь одинъ законъ и одинъ судья—обитель!

— Какъ же вы поступаете, ежели кто между вами провинится?

— Эпитимію или послушаніе тяжкое наложимъ. Вотъ и наказаніе. Если не исправимъ—ступай вонъ изъ монастыря!

— Ну, а ежели это монахъ, принявшій постриженіе, провинится?

— Этого у насъ не бываетъ. Прежде перваго постриженія мы насквозь человѣка высмотримъ. Восемь-девять лѣтъ вокругъ него ходимъ.. Какъ это можно, чтобъ, не зная человѣка, да въ иноческій санъ возвести! Никакъ этого нельзя!..

— Ну, а ежели бы, несмотря на все это, монахъ сдѣлалъ какое-нибудь уголовное преступленіе?

— И представить себѣ нельзя!

— Да вѣдь въ Пертоминскомъ монастырѣ случилось же убійство?

— То дѣло другого рода. У насъ такихъ нѣтъ. У насъ монахи съ выборомъ...

— Ну, а гражданскимъ властямъ не отдаютъ?

— Мы не предатели. Власть—властью: то власть отъ міра сего, а мы свою власть знаемъ!..

— Ну, а ежели между богомольцами что случится?

— Бываетъ, но рѣдко. Они здѣсь сидятъ смирно, потому знаютъ, въ кое мѣсто пришли. Ихъ, въ случаѣ чего, запремъ въ келью на ключъ—и сиди одинъ. А лѣтомъ, когда пароходы ходятъ,—на всѣ четыре стороны!

— Вѣдь на всѣхъ соловецкихъ островахъ иной власти, кромѣ монастыря, нѣтъ?

— Нѣтъ, сами управляемся. И хорошо! Богомольцамъ легко и намъ удобно!

Вообще, монахи, какъ огня, боятся чиновниковъ. Послѣдніе, являясь въ монастырь, держатъ себя совершенными баскаками. Они требуютъ лучшаго помѣщенія, припасовъ, какихъ монастырь доставить не можетъ, прислуги, совершенно отдѣльной. Вообще, ихъ претензіямъ нѣсть конца и предѣла. Монахи стараются по возможности исполнять ихъ приказанія—страха ради іудейска. И что всего замѣчательнѣе, такимъ неукротимымъ является собственно мелкій людъ канцелярскаго міра. Трепетъ передъ властью для соловецкаго монаха вещь весьма знакомая. Та же мелочь полицейскаго міра душила его, когда онъ былъ крестьяниномъ, и хотя теперь она съ нимъ ничего сдѣлать не можетъ, но, по старой памяти, инокъ побаивается ея. Мнѣ случалось видѣть отвратительныя сцены этого рода.

Теперь, впрочемъ, мелкому чиновничеству не даютъ воли, а прежде зачастую изъ Кеми съѣзжалось сюда пьяное канцелярское воинство, какъ на загородный пикникъ.

— Мы ихъ, признаться, и принимали не привѣтливо,

да что? Развѣ они понимаютъ. Разъ одного судью привезли замертво, сколько бѣдъ было. Думали, поколѣетъ онъ у насъ отъ запоя. Очумѣлъ совсѣмъ: дьяволы ему видѣлись все. Отвадились, однако!

Крестьянинъ привелъ и собственный опытъ относительно чиновничества.

— А ты угодничкамъ нашимъ помолись—и полегчаетъ. Молебенъ, что-ли, сослужи. А то и такъ. Отъ начальства и молитва есть особая. Читай на сонъ грядущій и по утрамъ—оченно помогаетъ. Кротость она внушаетъ имъ!

XXX.

Поѣздка въ Макарьевскую пустынь.

Свѣтлый день. Яркое солнце такъ и обливаетъ трудно выносимымъ зноемъ лѣса и озера Соловецкаго острова и зеркальную гладь застоявшагося въ чудномъ покоѣ моря. Что ни бухта, то картина, что ни поворотъ дороги, то новыя восклицанія восторга и изумленія.

Опять мы ѣдемъ лѣснымъ путемъ, опять направо и налѣво раскидывается царство могучихъ лѣсныхъ великановъ. Тамъ-и-сямъ сквозятъ озера. Одни изъ нихъ совсѣмъ ушли въ тѣнь высокихъ деревьевъ, другія такъ и лучатся рѣзкимъ, ослѣпляющимъ глаза свѣтомъ. Къ этой природѣ не приглядишься.

Новый лучъ — и все измѣняется передъ вашими глазами; новая перебѣгающая тѣнь случайнаго облачка, и опять иное выраженіе... Точно лицо красавицы, живое, подвижное, постоянно мѣняющееся передъ вами... Вотъ ея глаза сверкаютъ ослѣпительнымъ блескомъ, губы полуоткрыты, вся она облита яркимъ румянцемъ... Грудь колышется высоко... Голова откинута назадъ... Еще мгновеніе—и глаза потемнѣли, только въ таинственной глубинѣ ихъ вспыхиваютъ мимолетныя зарницы, на блѣдномъ лицѣ лежитъ выраженіе тихой грусти, печальная улыбка не то сожалѣнія, не то обманутой надежды замерла на

устахъ... Какъ цвѣтокъ, поблекшій на стеблѣ, она склонила свою головку... И вамъ самимъ становится грустно до перваго солнечнаго луча, до перваго вихря страсти и блаженства!

— Хорошъ вашъ Соловецкій островъ: приволье, краса!

— Ну,—отозвался монахъ,—какая такая краса? Что за земля, коли хлѣба не родитъ? Горы все... То ли дѣло у насъ, въ Рязанской губерніи—гладь. Ровнехонько—ни тебѣ холма, ни тебѣ горки. Хошь на копькахъ катайся. Вотъ это такъ краса. А тутъ — самое несообразное мѣсто!—И монахъ ожесточенно погналъ лошадей, нахлестывая имъ бока.

— У насъ еще лучше,—отозвался богомолецъ,—у насъ рожь самъ—15 ростетъ!

— Вотъ это краса!—согласился монахъ.—Какъ нивка золотая подымется, да колосъ съ колосомъ почнутъ разговоры водить—сердце радуется. Хорошо мѣсто—рѣки у насъ даже нѣтъ—а кругомъ море—чего ужъ безобразнѣе!

— Что у васъ въ Макарьевской пустыни?

— У насъ тамъ сады, огороды, парники,—все есть. Недавно былъ богомолецъ одинъ изъ Питера, такой изъ себя значительный, словно енаралъ. Ужъ онъ ахалъ тоже. Вотъ, говоритъ, мѣсто; коли-бъ да это мѣсто поближе къ столицамъ—большихъ бы денегъ каждый лоскутъ земли стоилъ. Камень, говорю ему. Это ничего, мы бы тутъ понастроили всего. А по этимъ озерамъ гулянья, чтобъ... Извѣстно, модники!

— По нашимъ мѣстамъ, — вставилъ богомолецъ,— не дай Богъ такой земли; что съ ней подѣлаешь? Тутъ и соху, и борону изломаешь!

— Камень, извѣстно камень. На немъ не посѣешь!

— Сказано твердь—ну, и шабашъ!

— Твердь это небо,—наставилъ монахъ.—А камень по-гречески—Петра...

— По эфтимъ мѣстамъ, поди, сколько угодниковъ хаживало?

— Это точно, что много. У насъ угодниковъ много!

— А мы по невѣжеству этого не чувствуемъ!

— И, значитъ, великъ это грѣхъ!..

— Да, про все .тамъ отвѣтимъ. Тамъ, братъ, не обманешь!..

— Нѣсть грѣха, превышающаго милосердіе Его—сказано!

— Это—точно. Одначе и разсужденіе имѣть надо. Ходи съ опаской... Не все спустится!

— Странняго человѣка призри и успокой!—отозвалась странница.

— Ну, и изъ вашихъ бываютъ...

— Какъ не бывать, бываютъ, но все же, значитъ, чтобъ по добродѣтели... Подай страннику—Христу подашь!

— Подать, отчего не подать. Страннему человѣку завсегда подать требуется, но все же въ оба за нимъ гляди, потому нонѣ насчетъ совѣсти чтобы—тонко!.. Народъ нонѣ обманный, жженый народъ...

— Это вѣрно. Потому о Богѣ забыли!

— А ты не осуждай!—обернулся монахъ.—Слышалъ, что писано: юже мѣрою мѣрите, тою и воздастся вамъ!

— Тутъ бы, вотъ, она те полянка—гли... Баско было бы ячменю... По-за лѣсомъ. Хорошо!

— Некому, да и мала. Не стоитъ!

— У насъ бы сейчасъ сорудовали это... Распахалъ бы... Такая ли нивка выйдетъ—благодари Создателя!

— Мѣсто настоящее!

— Чего лучше. Паши!..

Наконецъ, трое нашихъ дрожекъ подъѣхали къ Макарьевской пустыни.

Это—прелестный уголокъ, затерянный среди лѣсистыхъ горъ въ зеленой котловинѣ. Кругомъ нея тишь и глушь. Мы взошли на балконъ, устроенный на кровлѣ часовни. Отсюда открывался пейзажъ, такъ и просившійся на полотно. Прямо передъ нами, одни выше другихъ, вздымались гребни поросшихъ соснами горъ и за ними синевато-туманныя полосы такихъ же далей. Все

навѣваетъ на душу мирное спокойствіе. Западавшія въ глубь лѣсовъ тропинки звали въ эту свѣжую чащу. Порою, отъ случайно набѣжавшаго облака, лѣса уходили въ тѣнь, за то другіе выступали ярко-зелеными пятнами. Изрѣдка взглядъ встрѣчалъ небольшую поляну. На одной ясно рисовался силуэтъ отдыхавшаго оленя. Серебряная кайма озера едва-едва прорѣзывалась изъ-за лѣса налѣво.

Садовникъ-монахъ, изъ крестьянъ, предложилъ намъ посмотрѣть оранжереи и парники.

Тутъ росли арбузы, дыни, огурцы и персики. Разумѣется, все это въ парникахъ. Печи были устроены съ теплопроводами подъ почвой, на которой росли плодовыя деревья. Такимъ образомъ жаръ былъ равномѣренъ. Этимъ устройствомъ монастырь обязанъ тоже монаху-крестьянину.

Оранжереи съ цвѣтами прелестны. Въ распредѣленіи клумбъ обнаруживаются вкусъ и знаніе дѣла. Я долго былъ тутъ, внимательно разсматривая всѣ подробности этого уголка. Это—полярная Италія, какъ ее мѣтко назвалъ высокій посѣтитель...

— Много ли васъ тутъ?—спросилъ я у монаха.

— Трое; я, да двое работничковъ-богомольцевъ. Дѣло-то здѣсь маленькое. Порасширить бы его—да и того довольно. Фрухтъ только и идетъ, что для архимандрита и для почетныхъ гостей!

— Въ Архангельсъ бы отправляли?

— Неужели же тамъ нѣтъ своихъ парничковъ?

— Нѣтъ!

— А тамъ бы лучше росло: теплѣе и климатъ способнѣе. У нѣмцевъ, поди, есть въ Архангельскѣ все. Наши только, русскіе, подгадили!

Позади парниковъ я взобрался на гору. Отсюда открывался чудный видъ на потонувшіе внизу лѣса и озера. Не хотѣлось вѣрить, что мы на крайнемъ сѣверѣ. И воздухъ, и небо, и земля—все напоминало югъ Швейцаріи. Только бы побольше животной жизни.

Пейзажи Соловокъ были бы еще живописнѣе, если это возможно, когда бы тутъ было побольше стадъ и птицъ. Молчаніе въ природѣ слишкомъ сосредоточиваетъ душу. Созерцанія принимаютъ нерадостный характеръ и переходятъ въ мистицизмъ. Пѣніе птицъ, блеяніе стадъ настроили бы душу на иной, болѣе веселый ладъ. Даже и чайки внутри островов попадаются въ одиночку, и то рѣдко.

XXXI.

Сельдяной ловъ.

Я направился какъ-то на восточную сторону соловецкой гавани. Еще издали несло ворванью и запахомъ свѣжеваннаго морского звѣря.

Тутъ оказалась салотопня. Устройство ея весьма просто и практично. Тутъ же на солнышкѣ сушились жирныя шкуры морского звѣря: нерпъ, бѣлугъ, тюленей, лысуновъ и др.

— Много ли у васъ добывается звѣря?—спросилъ я у встрѣтившагося мнѣ монаха.

— Ничего, довольно. На деньги ежели считать, такъ тысячъ па пятьдесятъ всего промышляемъ!

— На Мурманѣ?

— И на Мурманѣ, и на островахъ нашихъ. На Мурманѣ мы больше треску ловимъ. Скоро салотопню мы думаемъ совсѣмъ перестроить. Тутъ одинъ монашекъ, изъ мужичковъ, взялся получше сдѣлать. Ему и будетъ поручено. Больно ужъ грязна эта-то, да и запахъ разноситъ. Мы-то притерпѣлись, а богомольцы жалуются... Изъ шкуръ мы бахилы (родъ сапоговъ) шьемъ, штаны, рубахи тоже. Какъ надѣнешь на себя все это, хоть по горло въ воду ступай—никакая сырость не пробьется. У насъ всѣ рабочіе носятъ ихъ. И легко. Гораздо легче простой одежи!

— Продаете на сторону?

— Нарочно не продаемъ. А если желаніе имѣете купить, можно—въ рухлядной. И дешево!

Вблизи замѣтилъ я смолокурную печь. Кладка кирпичная. Она походитъ скорѣе на норвежскую, чѣмъ на наши крестьянскія, которыя мнѣ случилось видѣть въ Шенкурскомъ уѣздѣ и въ Вологодской губерніи.

— Тоже мужичокъ у насъ строилъ,—объяснилъ монахъ:—тутъ мы смолу гонимъ, пекъ добываемъ, скипидаръ для своего обихода. Все лучше, чѣмъ на сторонѣ покупать. Намъ этого матеріалу много нужно!

Сушильня со всѣхъ сторонъ была открыта вѣтру, но устроена такъ, чтобъ дождь туда никакъ не могъ пробиться. Отсюда мы прошли къ маленькой тонѣ сельдяного лова. Большія тони находятся по всѣмъ берегамъ Соловецкаго и Анзерскаго острововъ. Нѣсколько рабочихъ, съ однимъ монахомъ, распорядителемъ работъ, поѣхали забрасывать снасть. Лодка описала громадный кругъ по гавани, оставляя за собою слѣдъ—поплавки сѣти, опускаемой въ воду по мѣрѣ движенія челнока. Внизу къ снасти прикрѣплены гирьки, удерживающія ее на днѣ. Такимъ образомъ вся рыба, находившаяся на этомъ просторѣ, попала въ сѣть. Самая сѣть, необычайно прочная, хорошо просмолена. Спустя нѣсколько минутъ, лодка съ другимъ концомъ сѣти вернулась на берегъ. Поплавки сѣти описывали большой овалъ.

— Ну, голубчики, ну, кормильцы, давай сѣть вытягивать!—приказалъ монахъ-распорядитель.

Три человѣка съ одной и трое съ другой стороны вошли въ воду за сѣтью. Они захватывали ее какъ можно подальше отъ берега и вытягивали на берегъ; всходили на землю и снова входили въ море. Кругъ все больше и больше съуживался. Вотъ на поверхности воды заблестѣли серебристо-радужныя, золотисто-розовыя спинки сельди чаще и чаще. Вотъ поверхность моря сплошь покрыта ими. Ничто не можетъ дать понятія о прелести красокъ, окрашивающихъ сельдь, когда она жива и—главное [illegible] ча въ родной своей стихіи. Это—лучи,

проходящіе сквозь разлагающую призму, это пурпурныя, розовыя, синевато-золотистыя блестки. Цвѣта мѣнялись каждое мгновеніе. Нельзя налюбоваться на нихъ. Рыба сплошь заняла все пространство, очерченное поплавками сѣти. Нѣсколько сельдей перескочили черезъ нихъ и ушли въ море.

— Путь-дорога!—проговорилъ монахъ.

— Много ли ловите?

— Разно бываетъ, Господь помогаетъ. На день св. Зосимы въ одну ночь пудовъ сто пятьдесятъ сельди выловили. То особая милость была. Чудо явленное!

Это оказался іеремонахъ. Онъ работалъ, какъ простой рыбарь: самъ входилъ въ море, самъ тащилъ сѣть. Когда стали выбрасывать въ лодку выловленную рыбу—онъ трудился больше всѣхъ. Тутъ, вообще, не отличишь монаха отъ чернорабочаго. Они также возятся съ киркой, ломомъ, косой, снастью, глиной, какъ и другіе. Понятно, что примѣръ ихъ имѣетъ громадное вліяніе на богомольца.

— Откуда вы?—обратился я къ одному изъ богомольцевъ-рабочихъ.

— Свирскій!

— По обѣту здѣсь?

— На годъ!

— Что это на васъ платье все изъ тюленьей кожи?

— Да монастырская работа!

Онъ трудился по горло въ водѣ. А между прочимъ ни одна капля не проникла на тѣло.

— Сколько вѣсу будетъ въ этой тонѣ?

— Не менѣй тридцати пудовъ. Рѣдко меньше. Не гляди, что пароходы тутъ стоятъ, не распугали рыбы-то. Чудеса это. Угоднички монашикамъ своимъ посылаютъ. Сельдь глупая; она рыба, и разумѣнія ей не дано. Одначе это понимаетъ: какъ изъ воды вынешь—потемнѣетъ вся. Ишь, вонъ, что въ лодку брошена—не играетъ!

Сельдь выбрасывали въ лодку. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ—краски гасли. Онѣ замѣнялись мерт-

веннымъ синевато-серебристымъ цвѣтомъ. Челнъ наполнился почти до краевъ. Прямо черезъ бухту рыбаки направились къ деревянному зданію амбара на другомъ берегу. Тутъ его выпростали. Отсюда сельдь доставляется, часа черезъ два послѣ лова, въ погреба обители. При мнѣ нѣсколькимъ богомольцамъ въ видѣ подаянія насыпали полные «козонки» сельди. Тѣ на ночь собирались варить уху. Роздали пуда съ два.

— По всѣмъ берегамъ такъ сельдь ловите?

— Зачѣмъ. Здѣсь ловъ маленькій, только тутъ сельдь руками и вытаскиваемъ. По другимъ мѣстамъ мы вороты устроили. Не въ примѣръ легче. Воротомъ снасть и тянешь. Ровнѣе и скорѣе идетъ. Меньше силы требуется!

— А треску въ Анзерахъ какъ ловите?

— Какъ на Мурманѣ—ярусами!

— И много попадаетъ?

— Довольно... На какого святого ловъ, отъ того зависитъ. Тутъ, братцы, вездѣ премудрость, не спроста тоже!

XXXII.

Монастырскій садъ. Ризница. Оружейная.

Послѣ всенощной я отправился вдоль монастырскихъ стѣнъ къ лѣсопильному заводу. Проходя мимо садиковъ, разбитыхъ у самыхъ башенъ, я встрѣтилъ монаха, таинственно манившаго меня. Понятно, что я удивился.

— Что вамъ угодно?

— Поговорить съ вами!

Мы вошли въ садикъ. Сирень и черемуха были въ цвѣту. Въ небольшихъ темныхъ аллейкахъ стоитъ густой ароматъ.

— Вы, сказываютъ, изъ Архангельска. Что слышно тамъ о почившемъ архимандритѣ нашемъ?

— Это о которомъ слѣдствіе производилось?

— Да... за добродѣтель свою пострадалъ человѣкъ!

— Помилуйте, какая добродѣтель! А деньги?

— Точно что дьяволъ попуталъ его. Но не такъ понимать это надо. Сущій ребенокъ былъ покойный. У него, словно у дитя малаго, глаза на все блестящее зарились. Болѣзнь. Это онъ не своею волей. А, что, говорятъ, будто эти деньги у монастыря отнимутъ?

— Да, есть законные наслѣдники!

— Законный наслѣдникъ—одна наша обитель. Тогда, какъ онъ померъ, мы сейчасъ же жандармскому дали знать. Полковникъ пріѣхалъ, все опечаталъ. Такъ и теперь!

— Однако, хорошо же ведется ваше денежное хозяйство, ежели такія крупныя суммы можно брать у васъ незамѣтно!

— Не то, что хозяйство. Тутъ не въ хозяйствѣ дѣло. Мы скандалу боялись. Нынѣ извѣстно—безвѣріе вездѣ. Словно волки лютые, ищутъ, чѣмъ бы уязвить обители. Опять же супротивъ архимандрита никто идти не рѣшался—страха ради іудейска. Одинъ-было поднялся—тотъ его сейчасъ въ другую обитель, въ настоятели. Онъ было не поѣхалъ—за противленіе его въ тотъ же монастырь, только ужъ простымъ монахомъ. Вотъ оно у насъ каково. Опять же его, архимандрита, просто жаль становилось, потому онъ обходительный такой!

— Ну, вы тоже не совсѣмъ правы. У него, говорятъ, своихъ денегъ въ монастырь было привезено около ста тысячъ, а вы и тѣ захватить думаете!

— Зачѣмъ же намъ отступаться? У насъ померъ — наши и деньги. Пусть лучше на доброе дѣло въ обитель пойдутъ, чѣмъ мірскимъ наслѣдникамъ. Отъ богатства много и зла бываетъ на свѣтѣ!

Оправданіе—весьма характеристическое.

— Вы говорите: скандала боялись; скандалъ все-таки вышелъ. Да и хороша обходительность, если онъ монаховъ по другимъ монастырямъ разгонялъ!

— Горе противляющимся, сказано. Ты терпи. Вотъ и мы отъ полиціи натерпѣлись... Острова осматривали?

— Да!

— А правда,—таинственно спросилъ онъ меня,—что у насъ здѣсь серебряная руда должна быть?

— Не думаю. Соловки просто гранитные стержни, покрытые наносною почвой!

— Вы вѣдь все по наукамъ произошли. Желѣза тоже нѣтъ?

— Нѣтъ. А если бы оказалось?

— Сейчасъ-бы разработкой занялись. У насъ насчетъ этого хорошо. У насъ вѣдь и горнозаводчики есть. Все мужички-съ. У насъ мужички есть, что и въ журналахъ пишутъ!

— Въ духовныхъ вѣрно?

— Да-съ, въ духовныхъ. А одинъ шенкурскій мужичекъ—въ монахахъ у насъ—задумалъ исторію двинскаго края написать. Далась ему грамота... Хозяйство наше видѣли вы? А погреба изволили замѣтить? Нѣтъ. Ну, такъ завтра я раненько проведу васъ...

Погреба, дѣйствительно, оказались великолѣпные. Я ничего не видѣлъ подобнаго. Холодъ, свѣжій воздухъ и просторъ. Особенно хороши ледники. Это совершенство въ хозяйственномъ отношеніи. Описывать ихъ напрасно. Нужно все видѣть самому. Никакое описаніе не дастъ понятія о роскоши мѣстныхъ кухонь, пекарень, подваловъ, квасныхъ, кладовыхъ и т. д.

Въ тотъ же день мы осмотрѣли и ризницу. Богатства особеннаго не видно. Монастырь не любитъ держать мертвые капиталы. Деньги —вѣрнѣе, они хоть казенный процентъ принесутъ. Въ историческомъ отношеніи здѣсь обращаютъ вниманіе: грамоты новгородская и Іоанна IV, на владѣніе островами, первая подписана Марѳою Посадницею; сабля, пожертвованная Пожарскимъ, и мечъ Скопина-Шуйскаго, которые, помимо научной цѣнности, представляютъ довольно крупную стоимость по числу драгоцѣнныхъ камней, ихъ украшающихъ. Тутъ же изящныя чаши, рѣзанныя ажуромъ изъ слоновой и моржевой кости. Остальное: евангелія, ризы—представляютъ только извѣстную стоимость, не имѣя значенія въ другихъ отношеніяхъ.

— Это бы да въ деньги все — хорошо! Что тамъ — исторія, сними съ нихъ рисунокъ, ну, и храни его. Деньги все лучше. Ихъ въ оборотъ можно!—откровенно высказался одинъ монахъ, когда я съ нимъ заговорилъ о ризницѣ. — Деньгамъ мѣсто можно найти. Новый бы пароходъ выстроили, на Мурманѣ становище, да на солевареніе... Хорошо, ежели бы у насъ на островахъ каменный уголь найти... Потому надоѣло англичанамъ деньги платить за него!

— А помните: какая польза человѣку, аще весь міръ пріобрящетъ, душу же свою отщетитъ?

— То про человѣка сказано, кто для себя все... А мы не для себя. Намъ самимъ ничего не надо. Видѣли вы—какъ мы ѣдимъ, какъ мы живемъ, во что одѣваемся. Намъ мало требуется. А это для обители, во славу Божью, для угодничковъ. Имѣніе монастыря — не имѣніе монаховъ. Монастырь можетъ быть богатъ — а монахи бѣдны. Это у насъ и исполняется. Роскоши вы нигдѣ не встрѣтите!

— Такъ и довольствуйтесь тѣмъ, что имѣете, не желая лучшаго!

— Это точно, мы для себя и не желаемъ. Но для угодничковъ мы должны стараться...

— Лучше пусть въ мірѣ богатство будетъ. Народъ вѣдь бѣдствуетъ у насъ!

— Вѣрно, что бѣдствуетъ, но оно и лучше. Помните, что въ Евангеліи про богатаго сказано: легче верблюду—въ игольное ушко, нежели богачу въ царствіе Божіе. Въ мірѣ-то человѣкъ обогащается, а тутъ сокровищами обители имя Господне прославляется. Ему же честь и поклоненіе. Оно точно: народъ въ мірѣ убогій, мы и помогаемъ при случаѣ. Окромѣ того, въ деревни деньги посылаемъ когда...

Оружейная Соловецкаго монастыря разомъ переноситъ посѣтителя въ ту ветхозавѣтную старину, когда мы бились еще бердышами, не зная прелестей митральезъ, шассно и крупповскихъ пушекъ. Впрочемъ, въ расположеніи стараго оружія не видно никакого порядка.

— Хламъ старый,—съ презрѣніемъ говоритъ монахъ.— Одинъ изъ Питера у насъ былъ: много, говорилъ, денегъ можно за него получить, за вещь эту. Неужли такая глупость есть?

— Есть!

— Чудеса! Какого народу на свѣтѣ нѣтъ! Хошь бы желѣзо стоющее было, а то проржавѣло все!

— По этимъ остаткамъ изучаютъ старину!

— Въ лѣтописяхъ достаточно есть. Не будетъ народъ счастливѣе отъ того, что узнаетъ, чѣмъ предки его затылки ломали другъ другу!

Что было возразить!

— Моя бы воля—я сейчасъ бы продалъ все это!

— Мнѣ ужъ говорилъ одинъ монахъ, что онъ бы и ризницу въ деньги обратилъ!

— То ризница, то дѣло другого рода. Тамъ святыни; напримѣръ, ризы, кои св. Филиппъ, св. Зосима и св. Савватій носили. То все благочестіе въ народѣ поддерживаетъ... А отъ оружія этого кровью пахнетъ... Оно никого не просвѣтитъ и не образуетъ!

— У насъ вотъ ныньче народное образованіе по недостатку средствъ развиться не можетъ. Вотъ бы отъ своихъ достатковъ монастырь хоть бы для селеній Архангельской губерніи удѣлилъ малую толику!

— Въ свѣтскомъ просвѣщеніи—добра мало. Грѣхъ и помогать ему. Ежели-бы такія школы, какъ у насъ, напримѣръ,— иное дѣло. А то, что за сласть — изучаютъ языческіе языки, а духовнаго и не слыхать. Иной лба себѣ перекрестить не смыслитъ. Мотаетъ рукой, какъ коромысломъ... Спаси, Господи, отъ образованія такого!

XXXIII.

Щенкурскій хлѣбопашецъ въ рясѣ.

— Да разное на свѣтѣ бываетъ. Иной и не помышляетъ объ иночествѣ, а Господь приведетъ его къ такому концу. Вотъ и я тоже, первый по волости богачъ былъ,

кормилъ народъ самъ, за подряды брался... Одного хлѣба сколько сѣялъ. И не знаешь, къ чему судьбинушка наша идетъ!

— Какъ же вы въ монастырь попали?

— Голубчикъ мой, какъ это спрашивать такъ; я и самъ не знаю, какъ попалъ. Случилось, вотъ и все. Сначала несчастіе постигло меня, одно за другимъ. Деньги, признаться, были—родной братъ, питерецъ, подсмотрѣлъ и укралъ. Господь съ нимъ, я ему давно простилъ. Пусть только на добро; потомъ, все равно, ему же оставилъ бы; дѣтей, вишь, у меня не было. Опослѣ этого домъ сгорѣлъ. Съ той поры поправиться ужъ не могъ. Жена въ скорости померла, не вынесла. Потомъ злой человѣкъ скотъ у меня испортилъ. Какъ Іовъ многострадальный изъ богатства въ нищету произошелъ: изъ перваго по волости,—послѣднимъ сталъ. Ночью, бывало, какъ никто не видитъ, такое-ли горе возьметъ. Заплачешь, какъ дитя неразумное. Узналъ стороной, что въ Питерѣ братъ разбогатѣлъ. Онъ по артельной части. Пошелъ къ нему; думаю, отдастъ, что покралъ. Точно. Какъ увидѣлъ меня, спокаялся. Заплакалъ. Очень, говоритъ, совѣсть меня за это самое мучаетъ. Но одначе я съ твоихъ денегъ жить сталъ. Теперь вотъ—бери, мнѣ не требуется твое, своего, благодареніе Богу, много. Уговаривалъ въ Питерѣ остаться, да я не остался. Въ поле тянуло. Опять же могилки тамъ въ селѣ. Жена да мать лежатъ. Какъ бросить? Да и питерское житье не по душѣ мнѣ было, признаться. Ни тебѣ простору, ни тебѣ работишки настоящей нѣтъ. Болтаются всѣ такъ-то. Кто про что. Шумъ, суета, народъ оголтѣлый, добродѣтели въ немъ нѣтъ, все бьетъ на обманъ. Промежь пальцевъ уйдетъ у тебя. Пошелъ я домой. Только—въ Новой Ладогѣ это было—завернулъ я ночевать въ одно мѣсто. Утромъ всталъ, ни денегъ, ни паспорта. Опять лютые вороги покрали. Горше всего мнѣ на этотъ разъ стало. Я въ полицію. Кто тебя знаетъ, говорятъ,—кто ты такой? Какой ты есть человѣкъ? Можетъ, — бродяга? Повѣришь-ли, кормилецъ, вмѣсто за-

щиты—въ тюрьму попалъ. Вотъ она правда какая — у судій земныхъ. Прости имъ, Господи, не вѣдятъ бо, что творятъ. Списался я изъ тюрьмы съ братомъ; тотъ устроилъ все, денегъ малую толику прислалъ. Пошелъ я опять домой, что птица съ оборванными крыльями. И сталъ съ той поры тяготу носить. Допрежь я и неурожая не зналъ; а теперь, что ни годъ—то морозомъ ниву побьетъ, то дожди такіе, что хлѣбъ на корню погніетъ; то засуха, то разливомъ пашню смоетъ. Перемогался я, перемогался, да и затасковалъ. Просто нѣтъ мнѣ нигдѣ спокою. Куда ни пойду, вездѣ люди богачество мое видѣли, вездѣ мнѣ прежде въ поясъ кланялись, вездѣ я первый человѣкъ былъ. Не такъ тяжко тому, у кого никогда ничего не бывало. Выйдешь-ли на поле — у другихъ колосъ золотомъ налился, шумитъ нивушка на радость работнику—хозяину, а у меня колосъ рѣдкій да мелкій, зеленый еще... Вдаришься объ землю, да плачешь... А то уйдешь отъ людей въ лѣса, глушь-отъ у насъ безпросвѣтная. Царство!.. И бродишь тамъ дни, по ночамъ только домой, словно воръ какой, пробираешься... Все опротивѣло! Разъ я тундру на поля снималъ. Осень холодная стояла. Тундру-то снимать по колѣно въ водѣ приходится. Тутъ и робишь, тутъ и спишь, тутъ и Господу Богу своему молишься. Иногда недѣли по двѣ такъ-то: одичаешь весь. Вотъ и работаю я одинъ-одинешенекъ. Разъ это занедужилось мнѣ, и прилегъ я; мѣсто посушѣй нашелъ. Лежу я, а въ глазахъ все обители пречестныя. Куполы зеленые, кресты золотые, да стѣны бѣлыя... Въ ушахъ—колокола... Такъ и гудитъ. Клиръ невидимый молитву поетъ. Точно кого-то въ иноки посвящаютъ. Такъ дня три было. Какъ пришелъ я въ себя, такъ и обѣщался сходить къ преподобнымъ Зосимѣ и Савватію на годъ, ежели выздоровѣю. Опослѣ этого, какъ рукой сняло. Ну, я и продалъ все: и землю, и скотъ, какой остался, и пошелъ сюда. Пожилъ я годъ—работникъ я хорошій—монашики уговаривали меня остаться, самъ архимандритъ покойный:—живи, говоритъ, у насъ, Алексѣй, что тебѣ

бобылю безродному, въ мірѣ дѣлать; молись, да работай на обитель святую. Ну, сходилъ я домой, поклонился родному селу, церкви нашей, да на могилкахъ поплакалъ. Потомъ выправилъ себѣ отъ обчества увольненіе и пошелъ въ Соловки. Десятый годъ теперь живу здѣсь... А все стараго горя не заѣсть—дьяволъ, видно, мутитъ насъ. Года три тому назадъ братъ пріѣзжалъ. Въ купцы вышелъ. Помолился здѣсь, у меня въ кельѣ пожилъ. Только самъ его я попросилъ, чтобы уѣзжалъ скорѣй: не въ моготу было. Тоска такая. Міромъ отъ него пахло. Самъ съ нимъ ушелъ бы, еслибъ онъ подольше остался. Какъ уѣхалъ, и опять ничего. Вотъ развѣ когда на лугахъ работаешь, такъ тянетъ домой. Такъ бы и бросилъ все и пошелъ!

Въ монастырѣ зазвонили.

— Пора на спокой! Прости, Христа ради! Такъ разговорился я съ тобой, добрый человѣкъ, теперь, пожалуй, опять мутить начнетъ. Лучше не вспоминать. Легче...

Бѣлая, безъ тьмы и безъ свѣту, ночь окутала острова. Только крики чаекъ, да говоръ волнъ и нарушали безмолвіе этой пустыни.

XXXIV.

Анзеры.

Анзеры и особенно гора Голгоѳа пользуются такою же славою, по поразительной красотѣ своихъ пейзажей, какъ и Сѣкирная гора. Анзеры—большой и гористый островъ Соловецкаго архипелага. Здѣсь находится скитъ и, кромѣ того, у береговъ производятся рыбныя ловли. Въ Анзеры насъ отправилось около пятидесяти богомольцевъ.

Рекомендую всѣмъ туристамъ отъ одиночества въ дорогѣ бѣжать, какъ отъ огня. Природа сама по себѣ все же не такъ интересна, какъ люди, а на такихъ пунктахъ, какъ Соловки, странники и странницы представляютъ такое разнообразіе типовъ и племенъ, что ими, право, не

грѣшно заинтересоваться. Тутъ и грузинъ съ Кавказа, и казакъ съ Дона, и корелъ изъ Кемскаго уѣзда, и сибирякъ чуть-ли не изъ-подъ Ялотуровска. Тутъ и высокая, сгорбленная фигура странника въ скуфейкѣ и съ классическимъ посохомъ въ рукахъ, тутъ и молодое красивое лицо бабенки, посѣщающей святыя мѣста съ цѣлію вымолить себѣ у Бога ребятъ. Тутъ и бойкій поволжскій мѣщанинъ, и купецъ стараго закала, съ бородою за галстухомъ, въ сѣромъ сюртукѣ до пятъ и высокой шляпѣ съ широкими полями. Тутъ и зоркій еврей перекрещенецъ, и батюшка соборный протопопъ изъ-за Урала. Это цѣлый калейдоскопъ типовъ. А сѣрое крестьянство—на первый взглядъ оно покажется однообразнымъ. Но всмотритесь въ него: какое богатство типовъ, и какихъ еще! Общаго у всѣхъ — только выраженіе затаенной боли въ лицѣ, словно всѣ они носятъ тяготы не по силѣ, словно каждый чувствуетъ надъ собою бичъ. Переговариваются они больше междометіями. Рѣдко вырвется короткая фраза; все понуро, недовѣрчиво, забито, поругано и запугано. За то жонки, что это за неугомонныя болтуньи! Языки у нихъ—словно колокольчики почтовыхъ лошадей въ дорогѣ. Пройдите съ ними часа два и вы почувствуете боль въ головѣ, звонъ въ ушахъ, точно отъ угара. О чемъ-то онѣ не переговорятъ между собою. Особенно старухи—тѣ неистощимы: тутъ и пупъ земной, и купецъ Синепуповъ, и Евангелъ какой-то, папа римскій, съ тремя хвостами; козьмодемьянскій дьячекъ, у котораго борода клиномъ—большой мастеръ заговаривать зубы, и Іерусалимъ-градъ, и деревня Сычевка, и левіаѳанъ-рыба, лично видѣнная гдѣ-то за морями, и бѣлозерскій снятокъ, о прелестяхъ котораго распространяется новгородская торговка, замѣшавшаяся сюда же. Голова закружится, и все вокругъ ходуномъ пойдетъ. А вотъ, напримѣръ, волжскій юркій паренекъ рядомъ съ современнымъ купчикомъ, въ модной жакеткѣ и шелковой лѣтней шляпѣ. Послушайте ихъ.

— И плывемъ этта мы на праходѣ; я за капитана былъ,—ж[illegible] паренекъ:—а ночь хоть глазъ вы-

коли. Сигналафъ этихъ мы и запаху не знаемъ, потому—безпокойное дѣло, отъ Бога не убережешься. Бѣжимъ—авось-де, Господь пронесетъ. Вдругъ—шаррахъ... Исторія! Въ барку въѣхали. Что дѣлать?.. Съ барки народъ оретъ: спасай, братцы,—тонемъ. А намъ какъ спасать: мы сломали—въ отвѣтъ попадешь. Я сейчасъ—задній ходъ, обошелъ барку, да давай Богъ ноги! Такъ и ушли. Пассажировъ въ тотъ разъ не было!

— Потонули, поди, съ барки?

— Какъ не потонуть! Всѣ, должно, потопли, не безъ эфтаго. Народъ отчаянный!..

— Божье произволеніе!

— Извѣстно, Богъ-Господь. Безъ него ни-ни!

— Да, это бываютъ, точно, случаи. О запрошлымъ лѣтомъ хлѣбъ я на баркахъ послалъ. Только барки и дошли до пристани. Оттуда приказчикъ пишетъ: какая цѣна будетъ. Рубль за пудъ—пишу. Только дня это не прошло—даетъ онъ мнѣ депешь: у Ивана-де Ефимыча десять барокъ съ хлѣбомъ, рожью, потопли. Я сейчасъ: продавай хлѣбъ рубль двадцать. Хорошо! Только черезъ семь денъ опять депеша: у Аладьина три баржи обсохли и хлѣба много попорчено. Я сейчасъ молебенъ святому Николаю Чудотворцу, а приказчику: продавай по полтора. Что-жъ бы ты думалъ? — Въ рубль шестьдесятъ хлѣбъ пошелъ!.. Въ рубль шестьдесятъ!.. Что одного барыша взялъ я тогда—страсть!

— Но, однако, я за это нонѣшній годъ колоколъ въ церковь пожертвовалъ!

— Это хорошо. По купечеству все больше колокола жертвуютъ!

— Фасонистѣй оно какъ-то. На цѣлую церкву нашего финанцу не хватитъ. Ну, такъ колокола!

— Точно что фундаментальнѣе!

Въ другой группѣ—другіе и разговоры.

— Такъ вы говорите, что при отношеніи?

— Да-съ. Отъ сего числа за нумеромъ 0,000 имѣю честь покорнѣйше просить, и пошелъ, и пошелъ. Мы сей-

часъ, какъ получили, наистрожайше становому: предписываемъ-де... и, въ случаѣ допущенія медленности, имѣете вы подвергнуться законному взысканію, на осн. ст. 00, XV тома!

— Ну, и что-же? — съ видимымъ участіемъ вопрошаетъ первый.

— Сейчасъ становой въ село, мужиковъ на цугундеръ—такъ васъ, растакъ... Кузькину мать помянулъ.— Розогъ! Сію минуту подать!

— Далеко парень пойдетъ. Губернія наша отдаленная. Университетскихъ намъ не требуется!

— Н-нѣтъ. Намъ модниковъ не надо, — восхищался собесѣдникъ.—Намъ дѣльцовъ подавай; чтобъ все могъ— единымъ взмахомъ. Veni, vidi, vici... Изволили учить въ семинаріи?

— Ну, а казенная палата, что?

— По увѣдомленіи удовлетворилась. Мы ей тоже очки втерли: тотчасъ-де по полученіи отношенія были приняты самострожайшія и наискорѣйшія мѣры, причемъ такому-то предписано неукоснительнѣйше взыскать, ну, и прочее...

— Неукоснительнѣйше?

— Неукоснительнѣйше...

— Хорошія слова есть, ежели кто настоящимъ стилемъ владѣетъ!

Переходя отъ одной группы къ другой, я не забывалъ и окрестныхъ видовъ. Какихъ только здѣсь не было озеръ! Одно—словно сверкающая на солнцѣ коса; другое — сплошь покрытое островами; третье — гладкое и чистое, какъ зеркало. Однѣ за другими смѣнялись волшебныя картины. То обрывъ — вы останавливаетесь и смотрите: подъ вами синѣютъ верхушки деревьевъ, далеко уходитъ сочная понизь съ лѣсами, озерами и скалами; то—съ двухъ сторонъ сжимаютъ дорогу крутые откосы зеленыхъ горъ. Вотъ море глубокою бухтою врѣзалось въ землю; только узкій проливъ соединяетъ ее съ безконечнымъ воднымъ просторомъ. Бухту обступили высокія сосны и неподвижно протягиваютъ надъ нею высокіе своды.

Какъ тамъ покойно, тихо и прохладно. Тутъ ловятъ монахи рыбу, здѣсь ими выстроенъ домикъ для рыболововъ, и поставлены вóроты для вытаскиванія неводовъ. Скоро мы подъѣхали къ берегу, гдѣ кончался островъ Соловецкій.

Версты за четыре синѣли Анзерскія горы. На самой окраинѣ берега изба, или, по здѣшнему, келья перевозчиковъ. Мы всѣ сѣли въ два большіе карбаса. Весла блеснули, и лодки прорѣзали покойную влагу. На этотъ разъ проливъ былъ спокоенъ, но здѣсь нерѣдко случаются бури, опасныя для маленькихъ судовъ, потому что у Анзерскаго берега находится большой сувой (толчея, водоворотъ). Даже и теперь, когда море было тихо,—предѣлы сувоя очерчивались замѣтно, составляя совершенно правильный кругъ, въ которомъ теченіе воды напоминало собою громадную спираль. Несмотря на самую безмятежную погоду, какъ только нашъ карбасъ вступилъ въ предѣлы толчеи, его стало весьма замѣтно покачивать, и гребцы измучились, прежде чѣмъ достигли берега. Рядомъ со мною сидѣли двѣ сестры-странницы. Одной изъ нихъ было двадцать, другой—девятнадцать лѣтъ. Я разговорился съ ними — и оказалось, что онѣ бродяжничаютъ уже десять лѣтъ обѣ. Ихъ мать зажиточная перемышльская мѣщанка—въ первый разъ потащила ихъ на богомолье въ Кіевъ.

— Съ тыя поры мы и одного лѣта не можемъ выжить дома, такъ и тянетъ, такъ и тянетъ. Особенно, какъ лѣски зазеленѣютъ, да на поляхъ цвѣтики почнутъ алѣть. Ужъ какъ насъ тятенька билъ, матушка тоже учила, не жалѣючи—нѣтъ нашихъ силъ. Урвемся и уйдемъ. Такъ и бродимъ до зимы!

Тутъ же съ ними оказалась и молоденькая хохлушка изъ Пирятинскаго уѣзда. По разспросамъ обнаружилось, что она пошла странствовать во избѣжаніе замужества.

— Отчего ты замужъ не хочешь?

— Не хай Богъ боронитъ!

Главное въ семейной жизни пугала ее необходимость ежедневно варить «чоловику» галушки.

— Давно ты странствуешь?

— Та вже годивъ съ три буде!

— Что же ты потомъ будешь дѣлать?

— Що Господь дастъ!

— Ну, а отецъ у тебя есть?—Дѣвушкѣ не было и 19 лѣтъ.

— Ни... На базаръ поихавъ, та и по сій часъ не вертался...

Тутъ же присутствовала и странница изъ Москвы, ухитрившаяся дойти до Архангельска, питаясь подаяніемъ и не истративъ ни гроша изъ собственныхъ денегъ.

— Ну, а въ Москвѣ, чай, много помогли на дорогу?— спросилъ я.

— Ка-акъ не помочь, — запѣла та: — въ Москвѣ завсегда можно благодѣтеля найти. Купцы. На то имъ и капиталы Творецъ Небесный даетъ. А капиталы у нихъ немалые. Ну, и они тоже силу свою чувствуютъ. Къ нему, поди, тоже знать надо, какъ подойти: безо всякаго резону—хвосты оборвутъ. А знаешь, такъ и не оставятъ. Что-что — а на кофій завсегда достанешь. Да... Подитко у него—другой заслужи. Ты думаешь легко?.. А все смиреніе мое, покорство. Обидитъ ли кто, собакъ ли напуститъ—травятъ нашу сестру тоже—камнемъ ли мальченко швырнетъ, я, старушка, и слова не скажу...

— Примѣрно, годовъ пять тому купцы въ Сундушномъ ряду меня кирасиномъ облили, да и подожгли,— что жъ ты думала, облаяла я ихъ? — Залилась я—старушка—слезами горькими, и какъ потушили меня, пошла себѣ. Потому всевидящее око... Зритъ оно простоту мою и взыскуетъ за самыя эти муки. Вотъ, примѣрно, къ купцу одному я пришла. Мужчина изъ себя красивый,—десять пудъ одной ручкой подымаютъ. Страшенный такой, видъ значительный. А жретъ по скольку — Господи спаси его душу. Какъ этто допустили меня въ палаты къ нему, и обмерла я, мать моя. Перъ онъ, перъ этого гуся, а опосля за поросенка принялся. И меня, постницу старушку, соблазнилъ. У меня, говоритъ, апекитъ такой. Одначе, десять рублевъ на дорожку изволили пожертвовать...

— А кофь пить грѣхъ! — вставила пожелтѣвшая и высохшая странница.

— Врешь, кто много этого кофія пьетъ, тотъ и въ могилѣ не тлѣетъ. Кофь изъ ерусалимской земли идетъ, на верблюдѣ—медвѣдь такой большенный есть. Изъ благословенной земли!

— А ты сама видѣла?

— Сама, своими глазами!—не смигнувъ, подтвердила московская салопница.

— Ну, если сама...

— Медвѣдь этотъ большущій и на тридцать-семь верстовъ отъ Сіонъ горы живетъ. Одначе, человѣка онъ не трогаетъ, потому ему по положенію большой припасъ отъ турецкаго салтана идетъ. За это онъ кофь и возитъ. А кофь, мать моя, съ неба какъ манна падаетъ, и дѣвицы невинныя собираютъ его и младенцы... И поэтому прозывается оно мокка... А это премудрость и понять ее простымъ разумомъ невозможно. Главное, не измышляй и сократи себя!

Такимъ образомъ пролетѣло время до того момента, когда на ясномъ небѣ, надъ большою лѣсистою горою обрисовался полувоздушный Голгоѳскій скитъ. Трудно опредѣлить, что изящнѣе—этотъ ли уголокъ, или Сѣкирная гора. Сравненія въ области красоты, будь это красота женщины или природы, все равно, — невозможны. Все зависитъ оттого, какъ въ данный моментъ падаютъ лучи, какъ легла тѣнь; важно и предварительное настроеніе зрителя. Сказать откровенно, встрѣчая постоянно прелестные пейзажи на этомъ, сравнительно небольшомъ, клочкѣ земли, я до того приглядѣлся къ нимъ, что они далеко уже не производили прежняго впечатлѣнія...

Тѣмъ не менѣе, первое впечатлѣніе Голгоѳы прекрасно. Это миражъ, мягко рисующійся въ синевѣ неба... Когда смотришь въ эту высь, такъ и кажется, что тамъ человѣкъ долженъ оставить всѣ земные помыслы и отдаться или мистическому созерцанію божества, или изученію сокровеннѣйшихъ тайнъ природы. Какъ жалко, мелко и

ничтожно должно все казаться оттуда: и люди—такими маленькими, и сооруженія ихъ—такими незначительными. А этотъ упоительный горный воздухъ! Я самъ испыталъ здѣсь его вліяніе. Онъ опьяняетъ человѣка. Грудь расширяется отъ восторга, кровь движется быстрѣе, усталости нѣтъ и въ поминѣ... Все выше и выше.

Когда мы ступили на Анзерскій берегъ — общій силуэтъ Голгоѳы заслонился другими, менѣе высокими горами. Тутъ уже озеръ меньше, но за то, какъ прелестны здѣсь лѣсныя дороги! Кажется, шелъ бы по нимъ безъ конца. А между тѣмъ—ни яркихъ цвѣтовъ, ни пѣвчихъ птицъ. До чего долженъ быть очарователенъ пейзажъ, если онъ заставляетъ забывать о скудости красокъ и звуковъ.

Тутъ многіе купались въ морѣ. Вода до того пропитана солью, что послѣдняя осаждается на бородѣ и на волосахъ. Она холодна, какъ ледъ, но когда выйдешь на берегъ, тѣло горитъ, и самъ чувствуешь себя какъ будто возродившимся. А сцены при купаньѣ!..

— Мотри, Петра, колько тутъ угодниковъ, можетъ, купалось, а ты, животная твоя душа, безъ молитвы въ воду лѣзешь. Нешто это въ правилѣ—песья твоя голова?

Петра начинаетъ молиться.

— А ты, идолъ, не лайся, — серьезно заканчиваетъ онъ молитву:—не знаешь, кое здѣсь мѣсто?

— Нашъ предсѣдатель нынѣ Анну получилъ!—разсуждаетъ чиновникъ, присѣдая въ водѣ.

— Что говорить: человѣкъ просвѣщеннаго ума!

— Во всѣ планеты посвященъ!

— Химикъ настоящій!

Наконецъ, вся арава двинулась впередъ. Скоро мы нагнали бабъ, тараторившихъ впереди, какъ сороки. Рядомъ съ нами, у самыхъ ногъ, бѣжала куропатка.

— Господи! — восхищался крестьянинъ.—Это ли еще не чудеса? Дикая птица, а къ человѣку, какъ собака, льнетъ. Ну, и монашики. Возвеличилъ ихъ Богъ, видимо. Это вѣрно...—Нѣтъ, а вотъ у насъ лѣсничій былъ, такъ

тотъ голубей жралъ.—«Нѣмцы одобряютъ».—Народъ подлый! — «Точно, что подлый».—Они отъ Каина пошли...

Дорога, наконецъ, пошла въ гору. Она поднимается вокругъ нея спиралью. Мы бодро подвигались впередъ, и порою, какъ выходили на открытое мѣсто, словно заоблачный храмъ, свѣтился надъ нами скитъ Голгоѳы. Нѣсколько разъ принимались отдыхать. Одинъ юродивый странникъ ползъ вверхъ на колѣняхъ. Крестьяне чуть не крестились на него. Странница, та не отступала отъ него ни на шагъ. Остановится онъ—и та станетъ. Начнетъ онъ класть земные поклоны, и та сейчасъ же. Такъ до вершины горы.

Видъ съ колокольни Голгоѳскаго скита еще шире, величественнѣе и разнообразнѣе, чѣмъ съ Сѣкирной горы. Передъ вами безконечный просторъ синяго моря, въ которое врѣзались безчисленные мысы соловецкихъ береговъ. Острова Анзеры, Соловки и Муксальма лежатъ далеко внизу подъ вами. Вы охватываете каждую подробность этой картины, ни на минуту не теряя общаго ея впечатлѣнія. Это — замѣчательно цѣлый въ художественномъ отношеніи пейзажъ. Горы, лѣса и озера — каждое имѣетъ свой собственный оттѣнокъ. Безконечное разнообразіе этихъ оттѣнковъ привело бы въ отчаяніе живописца. А ихъ переливы, ихъ переходы одних въ другіе! Это цѣлая поэма природы, и, глядя на нее, вы точно внимаете безпредѣльному міру чудныхъ гармоническихъ звуковъ. Подъ вами, внизу, словно частыя стрѣлки, поднимаются верхушки темныхъ, бархатистыхъ елей; рядомъ съ ними березовыя рощи подъ горячими лучами солнца кажутся пятнами расплавленнаго золота. Но что сравнится со смѣшаннымъ лѣсомъ сосенъ, елей и березъ! Это — невыразимая красота при такомъ освѣщеніи. А вдали Соловецкая обитель съ ея часовнями, точно легкій призракъ. Весь розовый, съ искрами своихъ крестовъ— онъ ласкаетъ взглядъ туриста. Отдаленіе ослабляетъ всѣ рѣзкіе контуры, остаются только нѣжныя, мягко рисующіяся линіи. Взгляните прямо подъ колокольню. У под-

ножія горы Голгоѳы—озеро, это клочокъ голубого неба. На немъ—точно щепка, всмотритесь—словно какая-то муха копошится на этой щепкѣ. Это—плотъ, а на плоту монахъ, удящій рыбу. Каждая мелочь отсюда является совершенствомъ, каждый штрихъ полонъ изящества и прелести. На самомъ краю горизонта лежитъ противоположная оконечность пейзажа—Сѣкирная гора. Скитъ на ея вершинѣ кажется бѣлою искрой. Между нею и послѣднею чертою горы — полоса голубого неба, какъ будто этотъ монастырь, опускаясь съ высоты, повисъ далеко надъ вершиною...

Оглянитесь въ другую сторону — безбрежная лазурь моря. Вотъ на самомъ краю его что-то полощется, что-то мелькаетъ. Чайка или парусъ? Всмотритесь. Ближе и ближе это ослѣпительно-бѣлое крыло, и скоро передъ вами тонко обрисуется большая поморская шкуна, разсѣкающая синеву моря. Вотъ еще нѣсколько такихъ чаекъ. Всѣ онѣ тянутся къ Архангельску съ Мурманскаго берега.

— Бѣлухи, бѣлухи въ морѣ...—говоритъ около монахъ, указывая налѣво.

Я всматриваюсь и ничего не вижу.

— Да вонъ онѣ...—Еще усиліе, и тотъ же результатъ.

Нужно пріучить свой глазъ къ такимъ разстояніямъ; нужно постоянно жить среди такого безконечнаго горизонта, чтобы въ подобномъ отдаленіи отличить круглыя очертанія бѣлыхъ головъ, ныряющихъ въ синихъ волнахъ.

Какъ прекрасенъ долженъ быть этотъ видъ въ ясную лунную ночь! Да, — впервые подвижники Соловецкаго монастыря, должно быть, не были похожи на нынѣшнихъ монаховъ, ушедшихъ въ одну физическую работу. Пункты, выбранные для устройства скитовъ и часовенъ, обнаруживаютъ въ ихъ строителяхъ высокое чутье художественной красоты. Какъ не завидовать этой аскетической обители, отвоевавшей на сѣверѣ лучшую жемчужину этого края—Соловецкіе острова...

Когда мы сошли внизъ, молебны были уже кончены. На скорую руку мы прошлись по кельямъ скита. Та же простота обстановки, та же бѣдность. Около лѣстницы, ведущей вверхъ, развѣшаны на стѣнѣ морскія карты. Они не напечатаны, но сдѣланы монахомъ. Это работа одного моряка, успокоившагося послѣ треволненій кругосвѣтныхъ плаваній въ тихой и мирной пристани монастыря.

— Назадъ пора, чтобы поспѣть ко времени!—разсуждаютъ богомольцы.

— Пора, пора, братцы. Трапеза, поди, скоро будетъ!

И толпа, помолившись въ послѣдній разъ, какъ волна, отвалила отъ скита и вся разсыпалась по горѣ.

XXXV.

Послѣдніе часы въ монастырѣ.

Пароходъ «Вѣра» уже разводилъ пары.

Жаль было оставлять эту чудную природу. Хотѣлось еще побродить въ лѣсахъ и горахъ Соловецкаго архипелага, посидѣть на берегахъ его озеръ, на скалахъ у вѣчно шумящаго лазореваго моря.

Тутъ даже отсутствіе жизни, вѣроятно, благодаря новости и свѣжести впечатлѣній, чувствуется не особенно тяжело.

Передъ отъѣздомъ еще разъ хотѣлось окинуть послѣднимъ взглядомъ эти чудные острова.

Я взобрался въ куполъ собора, гдѣ въ четырехъ башенкахъ продѣланы маленькія окошки.

Въ послѣдній разъ изъ лазури неба и изъ лазури моря выступали передо мною эти—то черные, то золотые мысы... Въ послѣдній разъ изъ массы елей и сосенъ сверкали живописные взвивы серебряныхъ озеръ. Въ послѣдній разъ звучалъ въ ушахъ моихъ неугомонный крикъ чаекъ.

Въ монастырѣ загудѣли колокола.

Торжественные звуки разливались, какъ волны, на той вышинѣ, гдѣ стоялъ я. Тонкая, досчатая перекладина подо мною дрожала. Колоколенка казалась висящею въ воздухѣ. Жутко становилось здѣсь. Чувство инстинктивнаго страха проникало въ душу. А все-таки не было силъ оторваться отъ этихъ прекрасныхъ окрестностей. Вотъ солнце зашло за тучку. Изъ-за ея окраины льется золотая полоса свѣта. Косо охватываетъ она березовую рощу, и каждое дерево ея, каждый листикъ золотится, словно насквозь пронизанный лучами. Вотъ цѣлые снопы свѣта разбросило направо и налѣво. Одни ушли въ густую тьму сосноваго лѣса, и на золотомъ фонѣ ярко обрисовалась каждою своею вѣтвью громадная передовая сосна. Другіе сплошь охватили сѣрую скалу, и въ массѣ темной зелени она кажется чеканенною глыбою золота. А эти часовни! При такомъ богатомъ освѣщеніи онѣ теряютъ свой казенно-буржуазный видъ. Вотъ что-то ослѣпительное лучится между деревьями, хотя его не видать, по крайней мѣрѣ, трудно разсмотрѣть очертанія свѣтящагося предмета. Это—маленькое, все на минуту озаренное озеро. Вонъ, по золотой полосѣ дороги лѣпится сѣрая лошаденка съ чернымъ монахомъ; а тамъ, вдалекѣ, на недвижномъ просторѣ моря?.. Тамъ паруса за парусами и туманныя, едва намѣченныя очертанія поморскихъ береговъ.

Куда ни взглянешь, повсюду лазурь, золото и зелень.

Пора внизъ. Богомольцы уже потянулись къ пароходу. Вонъ цѣлыя группы сѣраго крестьянскаго люда въ послѣдній разъ кладутъ поклоны передъ стѣнами гостепріимно-пріютившей ихъ обители. Вотъ у пристани собрались монахи и что-то работаютъ...

Когда я сошелъ внизъ — трапеза была уже кончена. Остальные странники и странницы толпились на палубѣ парохода. Всѣ съ громадными кусками хлѣба, данными имъ на дорогу; говорятъ, что выдавали и рыбу. Не знаю— не видалъ. За то многіе попались мнѣ въ новомъ платьѣ и сапогахъ, безвозмездно выданныхъ имъ изъ рухлядной

лавки монастыря. У всѣхъ были ложки соловецкаго издѣлія, финифтяные крестики и образки...

Шумный говоръ стоялъ на палубѣ... О. Иванъ, командиръ «Вѣры»,—уже на своемъ мѣстѣ... Команда ждетъ. .

Первый свистокъ. Пора и мнѣ занять мѣсто.

Я уже направлялся къ трапу, когда случайно замѣтилъ невдалекѣ молодого послушника-поэта. Онъ тоскливо глядѣлъ на сцену отъѣзда. Я еще разъ подошелъ къ нему пожать руку на прощанье. Онъ замѣтно смутился.

— Послушайте,—горячо обратился я къ нему:—человѣкъ съ вашимъ талантомъ не долженъ отрѣшаться отъ жизни. Вы, какъ рабъ лѣнивый, зарываете таланты свои въ землю. Поѣдемъ со мною... Бросьте эту рясу, вы принадлежите міру—и онъ васъ зоветъ къ себѣ. Вы—послушникъ и не дали никакихъ обѣтовъ. Еще не поздно. Черезъ часъ пароходъ отчалитъ и воротитъ васъ—къ жизни, счастію, можетъ быть, славѣ...

Прекрасное лицо юноши потемнѣло.

— Я не рабъ лѣнивый. Я не зарываю таланта въ землю, а приношу его въ жертву Богу. Тамъ—указалъ онъ за море, — тамъ, весь тотъ міръ, куда вы меня зовете, представляется мнѣ одною могилою. Тамъ нѣтъ истинной радости, истиннаго счастія. Истинная радость, истинное счастіе — молиться за нее и ждать смерти, чтобы соединиться съ нею. Судьба моя рѣшена; не говорите больше... Второй свистокъ...

— Послушайте... Еще одно искреннее предложеніе: пошлите нѣсколько вашихъ стиховъ въ Петербургъ. Если ихъ встрѣтитъ успѣхъ, вы сами тогда рѣшайте, что дѣлать...

Онъ посмотрѣлъ на меня уныло.

— Послѣ того разговора съ вами, я всю ночь обдумывалъ ваши слова. Вы сказали, что у меня есть талантъ, и на минуту во мнѣ воскресло старое. Куда-то хотѣлось въ даль, вырваться отсюда... Сердце билось такъ больно. Я испугался самого себя и сталъ молиться, молиться. Я молился всю ночь, и подъ утро Господь внушилъ мнѣ,

что дѣлать... Чтобы суетность не смущала меня болѣе—я сжегъ все, что написалъ когда-нибудь... Я сжегъ даже...— съ усиліемъ глухо проговорилъ онъ, — даже ея письма. Теперь я весь принадлежу Богу Не смущайте меня!

Слезы блеснули въ его глазахъ, печальная улыбка на мигъ озарила его блѣдное лицо.. Онъ, не прощаясь, повернулся и, понурившись, пошелъ прочь... Мнѣ было тяжело, невыразимо тяжело. Я сѣтовалъ на аскетизмъ, не чувствуя въ эту минуту, что въ жизни у человѣка бываютъ моменты, когда такой аскетизмъ является живою потребностію его души...

Едва я успѣлъ взбѣжать на трапъ, какъ данъ былъ третій свистокъ, и пароходъ медленно отчалилъ отъ пристани.

XXXVI.

Въ каютѣ, на палубѣ и дома.

Наше обратное плаваніе было очаровательной прогулкой. Весь сіяющій, голубой просторъ моря казался безграничнымъ зеркаломъ, въ центрѣ котораго тяжело пыхтѣлъ и дымилъ нашъ пароходъ. Солнце обливало горячимъ свѣтомъ палубу съ яркими группами расположившагося на ней народа. Золотыя искры сверкали въ водѣ. Лазурь голубого неба не омрачалась ни однимъ облачкомъ.

— Ишь, какую Господь погодку посылаетъ опослѣ поклоненія угодничкамъ, — замѣчаетъ одинъ крестьянинъ, вытягиваясь у кормы на своихъ сумкахъ.—Въ тотъ разъ вѣтеръ, сиверъ былъ!

— Тутъ не вѣтеръ, а грѣхи наши... теперь, какъ отъ угодничковъ—такъ милость!

— Много-ль ты въ обители чудесъ видалъ?..

— Все видалъ... А чудесъ этихъ тамъ не перечесть. Все Богъ, братцы... Ишь, какъ онъ монашиковъ устроилъ. Посередь моря на камнѣ живутъ!

Я разговорился съ высокимъ виднымъ монахомъ, отправлявшимся въ Архангельскъ для какихъ-то закупокъ

— Давно-ли вы въ монастырѣ?

— Шестой годъ. Прежде я портовымъ слесаремъ былъ... Монастырь меня пригласилъ работать на 180 руб. содержанія въ годъ. Ихъ пища, разумѣется!

— Съ чего же это вы постриглись?

— А монахи убѣдили. Нуженъ я имъ былъ. Жену я уговорилъ тоже въ монастырь, въ Холмогоры, дочерей туда же, а самъ въ Соловки!

— Сколько же вы теперь получаете за работу?

— Двѣнадцать рублей въ годъ!

— За что же вамъ такъ уменьшили жалованье?

— Потому я монахъ теперь, обязанъ на обитель трудиться!

— И нравится вамъ въ монастырѣ?

— Не худо... нравится... Обѣты тоже далъ!

Наступала ночь. Солнце садилось въ одиннадцать часовъ. Я стоялъ на капитанскомъ бакѣ и наблюдалъ оттуда, какъ постепенно морской просторъ измѣнялъ свои цвѣта и оттѣнки. Изъ голубого онъ перешелъ въ ярко-золотистый, потомъ въ багровый, розовый, желтоватый, и, наконецъ, когда солнце сѣло, море приняло свинцово-синій колоритъ. Мимо парохода проплывали бѣлухи. Говорятъ, что здѣсь иногда приходится встрѣчать и моржей. Мы нагнали нѣсколько поморскихъ шкунъ и одного неуклюжаго ливерпульскаго угольщика... Становилось свѣжо. Я пошелъ въ каюту.

Скоро между мною и спутниками моими, по пароходной каютѣ «Вѣры» завязалась оживленная бесѣда о пережитыхъ впечатлѣніяхъ на Соловецкомъ архипелагѣ. Болѣзненная и блѣдная жена моего знакомаго за недѣлю сильно оправилась, пользуясь благорастворенным воздухомъ острововъ. На лицѣ ея игралъ румянецъ, она чувствовала въ себѣ больше силы и здоровья.

— Славное мѣсто. Вотъ бы гдѣ больницу устроить съ морскими купаньями...—замѣтилъ кто-то.

— Не всегда удобно. Когда сѣверный вѣтеръ дуетъ— тамъ холодно!

Наконецъ, разговоръ зашелъ о монахахъ. Мой собесѣдникъ резюмировалъ свои впечатлѣнія.

— Соловецкій монахъ,—говорилъ онъ,—типъ крестьяни на-хозяина. Онъ зорко блюдетъ свои интересы, работаетъ самъ, не отказываясь отъ косы, лопаты и снасти, слѣпо вѣритъ и слѣпо повинуется. У него развитъ стадный инстинктъ. Онъ готовъ на все ради своей общины, ради обители. Это человѣкъ труда. Онъ не рутинеръ, потому что бойко перейметъ все, что найдетъ хорошаго у другихъ, и устроитъ это у себя, пожалуй, еще лучше. Онъ не отступитъ передъ препятствіями. Нуженъ ему мостъ черезъ море—онъ завалитъ море каменьями, нужны ему пароходы—выстроитъ ихъ, доки—подумаетъ и сдѣлаетъ ихъ на славу. Онъ изобрѣтателенъ и предпріимчивъ. Но въ тоже время онъ крайне простъ во всѣхъ своихъ потребностяхъ. Ряса грубаго сукна, рубаха—изъ деревенскаго холста, да бахилы вмѣсто сапогъ; обильная, но грубая трапеза, да—какъ верхъ роскоши—чай утромъ и вечеромъ, больше ему ничего не надо. Пріобрѣтательные инстинкты въ немъ развиты сильнѣе всего, но онъ пріобрѣтаетъ не для себя, а для общины. Онъ суевѣренъ, какъ пахарь, но за то и работаетъ, какъ послѣдній. За свое состояніе онъ держится цѣпко, даже рискуя навлечь на себя непріятности. Онъ никому не даетъ взятки, не пойдетъ ни на какое рискованное дѣло, онъ вездѣ вѣрно разсчитываетъ и никогда не ошибается. Съ перваго взгляда онъ покажется не уменъ; вы съ видомъ превосходства начнете ему объяснять что-нибудь, но будьте увѣрены, что онъ уже обдумываетъ въ это время, какъ бы половчѣе обойти васъ, заставить поработать надъ исполненіемъ той же работы васъ самихъ для обители. Нужнаго человѣка онъ не выпуститъ изъ рукъ. Рано или поздно онъ надѣнетъ на него клобукъ и рясу и пріурочитъ къ монастырю, хотя бы только для того, чтобы поменьше платить ему денегъ. Общинный инстинктъ развитъ въ немъ такъ сильно, что онъ не станетъ поддаваться на невыгодныя для монастыря, но выгодныя для него лично пред-

ложенія. Тутъ, кромѣ боязни угодниковъ, — разсчетъ на то, что только благодаря могучей Соловецкой общинѣ изъ бѣднаго, загнаннаго крестьянина-батрака онъ сдѣлался сытымъ, обезпеченнымъ, хорошо поставленнымъ и уважаемымъ тысячами богомольцевъ монахомъ. Къ нему богомолецъ не обратится просто: отецъ святой; какъ ваше имя святое; гдѣ ваша келья святая; благослови, святой отче!.. И все этомъ родѣ. Монахи сами для себя — лучшая полиція. Въ монастырѣ никто изъ нихъ ничего не осмѣлится сдѣлать—его сейчасъ же выведутъ на чистую воду, потому что каждый позорящій поступокъ роняетъ достоинство обители, подрываетъ вѣру въ нее и прежде всего отзывается на суммахъ *прихода*. Онъ помнитъ все былое и ласковъ съ богомольцами, ласковъ съ рабочимъ-крестьяниномъ. Короче сказать, если бы не аскетизмъ,—Соловки были бы идеаломъ рабочей общины!

— Ты нарисовалъ слишкомъ привлекательную картину, другъ мой, —мягко прервала моего собесѣдника его жена, ты забываешь, что этотъ монахъ почти не живетъ духовною жизнью. Для него нѣтъ науки, искусства. Онъ доступенъ только меркантильному интересу. Въ его благочестіи слишкомъ много суевѣрія, его молитва—не живое, неудержимое изліяніе души, а разъ навсегда установившаяся форма, исполненіе которой онъ считаетъ для себя обязательнымъ. Его Богъ—не Богъ милосердія и любви, а Богъ гнѣва и кары. Онъ замкнулся въ самого себя и не поддается никакому глубокому и нѣжному чувству. Онъ не понимаетъ даже красоты той природы, посреди которой живетъ. Для него важенъ не духъ, а мертвая буква. Онъ хорошій хозяинъ, но это—хозяинъ-міроѣдъ. Онъ хорошо обращается съ рабочимъ, потому что это—рабочій добровольный, не требующій у него денегъ. Онъ корыстолюбивъ до жадности. А главное, въ его душѣ нѣтъ ни пониманія истины, ни потребности любви, ни поклоненія красотѣ, въ чемъ бы послѣдняя ни выражалась—широкой-ли панорамѣ горъ, озеръ и лѣсовъ, въ великодушномъ-ли поступкѣ собрата, въ лазури-ли голубого неба

— Вы забываете, что отсутствіемъ всего нѣжнаго, мягкаго, всего, что отличаетъ троглодита отъ человѣка современной намъ эпохи, онъ обязанъ—своему аскетизму. Только близость женщины и дѣтей даетъ все это. Въ крестьянской семьѣ женщина не имѣетъ этого значенія, потому что она сама изголодалась, огрубѣла, обезсилѣла. Короче, Соловецкій монастырь показываетъ, чѣмъ была бы крестьянская община, если бы она не подавлялась въ теченіе цѣлыхъ столѣтій разными пагубными вліяніями. Здѣсь развита исключительно экономическая сторона такой образцовой общины. Выдѣлите аскетизмъ, дайте сюда женщину—и вы увидите, къ чему пришла бы эта горсть людей!

— Значитъ, вы признаете, что такая община могла бы существовать въ иной формѣ, т.-е. не въ формѣ монастыря? Что безъ св. Зосимы и Савватія, дѣйствительно, создалось бы здѣсь такое единство и общность интересовъ, такая стройность взаимныхъ отношеній, такая любовь къ труду?

Ни одинъ изъ насъ не отвѣтилъ на это. До сихъ поръ всѣ рабочія общины оказывались прочными только тогда, когда въ основу ихъ положено религіозное начало. Таковы Моравскіе братья, Перфекціонисты, Шэкеры, Мормоны и т. д.

Можетъ-ли существовать *чистая* община, *рабочая* община? Это вопросъ будущаго, тѣсно связанный съ вопросомъ о воспитаніи.

Незадолго до приближенія къ Архангельску мы вышли на палубу.

На юго-востокѣ сверкали золотыя искры—это куполы городскихъ церквей и соборовъ.

Потомъ обрисовались какія-то смутныя, бѣловатыя линіи; онѣ развертывались, свѣтились все ярче и ярче, и, наконецъ, уже отсюда можно было отличить контуры каменныхъ зданій набережной. Скоро пароходъ причалилъ къ пристани Соловецкаго подворья, и мы разомъ окунулись въ шумъ, суету и движеніе городского центра.

Дѣтскій смѣхъ, улыбка женщинъ, говоръ и блескъ жизни—заставили позабыть разомъ всѣ прелести дѣйствительно прекраснаго, но окованнаго аскетизмомъ уголка. Только теперь, черезъ годъ, передо мною выступили болѣе рельефно выдающіяся черты этой оригинальной жизни, этого крестьянскаго царства.

На нашемъ сѣверѣ—Соловки самое производительное. промышленное и, сравнительно съ пространствомъ острововъ, самое населенное мѣсто. Безъ всякихъ пособій отъ правительства, безъ субсидій, оно создало такую экономическую мощь, которая становится еще значительнѣе, если подумать о томъ, что ею обитель обязана усиліямъ нѣсколькихъ сотенъ простыхъ и неграмотныхъ крестьянъ

— Это—наше царство!—говорятъ крестьяне-поклонники, направляющіеся туда.

Конецъ.